

16+

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВ-ТОРОС

КОСТЯК

Александр Алексеев-Торос

Костяк. Часть Первая.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61905648

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир изменился. Раны, нанесённые планете человеком, затягиваются. Непроходимые леса покрывают теперь развалины истлевших городов, а покрытия дорог, что соединяли их, давно взломала поросль, превратившаяся нынче в вековые деревья. Люди, населявшие города, покинули их, построив новые. Но новые города не похожи на прежние – в них нет больше духа превосходства Человека над Природой. Да и сами люди не принадлежат больше себе, ибо над ними властвуют РОКАНЫ – таинственные существа установившие над остатками человечества свою власть и насаждающие железный порядок. Облик их скрывают защитные коконы, помыслы спрятаны за отчуждением, а имена, которые они носят, покрыты пылью тысячелетий.

Но всегда есть тот, кто хочет знать ПРАВДУ. И может стать так, что ищущим откроет её ПУСТЫРЬ, что лежит за непроходимой СТЕНОЙ.

Александр Алексеев-Торос

Костяк. Часть Первая.

Старик сидел в яме у костра и время от времени подбрасывал в него щепочки, тихонько напевая в седые усы. Щепки были сухие, а костерок маленький и почти бездымный. Сама яма была изрядной и, если смотреть сверху, имела форму воронки, осыпавшейся и поросшей изнутри колючей травой. Ища убежища, старик накрыл её, насколько хватило, старой плащ-палаткой с выцветшими пятнами камуфляжа и стащил под этот полог своё нехитрое имущество. Теперь над костерком висел закопчённый котел, а в стороне, подальше от огня, притулились короткое двуствольное ружье и оплетенная берестой пластиковая баклажка, литров на пятнадцать, с прилаженными к ней лямками, так, чтобы можно было носить за спиной.

Когда вода в котелке забурлила, старик снял его, ухватив за дужку своей большой заскорузлой ладонью, давно уже не боявшейся ожогов, извлек из-за пазухи холщовый мешочек с тесемками и развязав, засыпал в кипяток душистую травяную смесь. Посудину при этом он бережно накрыл своей фуфайкой, пропахшей лесом, дымом и не мытым человеческим телом. Дав зелью какое-то время настояться, старик нацедил получившуюся бурду в мятую железную кружку и зажмурил глаза от удовольствия, собрался было отхлебнуть, но вдруг

заерзал и нехотя отставил жестянку в сторону. Годы брали своё и организм настойчиво требовал облегчиться. Старик выполз наверх, огляделся и не заметив причин для тревоги побрел к ближайшим кустам. Гадить в яме он брезговал. За многие годы, проведенные в одиночестве в лесу, настоящим дикарем он так и не стал, в отличие от многих других бродяг.

Родился старик в городе, названия которого память не сохранила. Там же провел и детство. Он даже несколько лет учился в школе, поэтому умел читать и писать. Потом, когда ему исполнилось двенадцать, вместе со сверстниками пошел работать в шахту. Добывать руду. В шахте работали его отец и дядя, и все старшие братья. И дед его когда-то работал там. И кажется дед деда. И он тоже должен был изо дня в день вгрызаться в скудную породу, до тех пор, пока не закончатся силы, пока возраст или несчастный случай не превратят его в калеку-иждивенца. А там и до эвтаназии недалеко – немощные и увечные никому в городе не нужны. Но судьба распорядилась иначе.

В один из дней, когда гуси и утки, собравшиеся в озерах вокруг города, стали сниматься и улетать на юг, навстречу им по воздуху бесшумно выплыл стальной корабль, опустившись прямо на главной городской площади. Вышедшие из него высокие двуногие существа в массивных защитных костюмах рассредоточились в группы и стали устанавливать по периметру разномастное оборудование. Действовали они, не спеша и методично. Держались уверенно, как хозяева. Как-

выми и являлись вот уже несколько веков на планете Земля.

Раньше корабль никогда в город не прилетал. Приезжали только огромные машины. Одни из них были на колесах (каждое величиной с десятилетнего ребенка), другие на гусеничном ходу. Некоторые были похожи на лодки, несшиеся с гулом прямо над землей, трава после них приминалась и скручивалась спиралями. Машины забирали сырье и привозили ящики. Большие. В них были редкие и очень важные для горожан штуки. Например, запчасти для механизмов. И медикаменты. А ещё «продовольственные пайки». Все это называлось жителями одним словом – «снабжение». Запчасти и медикаменты поступали на общественный склад, а пайки раздавались всем желающим – серые, спрессованные брикеты. Гадость была редкостная! И ели их только в неурожайный год. В остальное время город кое-как перебивался продукцией собственной сельхоззоны.

Управляли машинами люди. Молчаливые, высокомерные, с командными голосами. Они редко снисходили до простых жителей города, да и сами горожане старались держаться от них подальше и тому же учили своих детей. Этих людей, управлявших машинами, называли СЕРВЫ. Говорили, что те всего лишь слуги, несмотря на всю свою надменность. Общались с сервами исключительно через трёх городских старшин, выбиравшихся раз в пять лет путем всеобщего голосования. Хочешь занять такую должность – выстави свою кандидатуру за сто дней до выборов и жди. Даже делать ничего

не надо. Выберут, никуда не денутся. Место хоть и хлебное, да не завидное – старшинам приходилось не только руководить жизнью города, с его единственной шахтой и загибающей сельскохозяйственной зоной, но и осуществлять весь процесс ОБМЕНА, от начала и до конца. Уже позже старик понял – обмен не был обменом в прямом смысле этого слова. Город платил дань. А «снабжение» – было всего лишь подачкой, необходимым минимумом, для того, чтобы изможденные человечки могли продолжить своё копошение.

На фоне горожан сервы казались представителями другого вида. Даже много лет спустя, встречаясь с ними, старик каждый раз думал – вот вроде всё тоже самое, две руки, две ноги, туловище, да голова. По бокам головы два уха, на лице два глаза. Издалека от местных не отличишь. Разве что ростом повыше, да пооткормленее. Но вот поближе подойдешь – и всё. Чужие они. Будто стеной отгорожены. И такая в них уверенность, такая сила скрыта... Недобрая. Но и не злая вроде. Просто безразличная. Сметут тебя с пути, как таракашку и даже не вспомнят потом. Потому и боялись их, сервов этих.

Но еще больше, чем сервов, жители города боялись их ХОЗЯЕВ.

И вот в тот самый день, когда старик был еще мальчиком, летающий корабль принес в своем чреве этих ужасающих существ. И были они, словно выходцы из потустороннего мира. И мало кто до этого видел их, но никто ни разу не усор-

мнился в их существовании. И когда старшины осмелились узнать, чего хотят нежданные гости, жители города пришли в ужас, ибо сказано было, что пришло время городу отдать дань не только рудой, но и своими детьми. Самыми лучшими. Самыми сильными. Теми, кого отберут. А тот мальчик, что после стал стариком, находился в это время с отцом в шахте. И когда поднялись они на поверхность, отец сказал мальчику – Беги! Знал, что наказание будет суровым, но, тем не менее, сказал: – «Беги и никогда сюда не возвращайся. Ибо никто не знает, какая участь ждет тех, кого забрали. Но мир велик и может тебе повезет. Есть другие города и другие люди. Ищи место, где они живут не так как мы. Лучше, чем мы». И мальчик побежал. Он бежал и бежал. Пока не превратился в старика. И было ему теперь всего-то чуть больше сорока лет. Только вот годы лишений прибавили седины в волосах и морщин на обветренной коже. За эти годы побывал он во многих местах, нашел другие города и селения, людей, не похожих на его земляков и говоривших на малопонятных наречиях, но нигде, нигде, не было места, где жизнь была бы иной. Как бы не жили люди, чем бы ни занимались, они всегда платили дань и получали взамен «снабжение». А там, где этого не было, не было и людей, так как те, кто там обитал, людьми могли называться едва ли.

Существовали еще немногочисленные одиночки, бродяги, каким стал и он. Те, кто осел вблизи городов и промышлял дарами природы, обменивая их жителям поселений на

одежду, боеприпасы и мелкие предметы быта. Некоторые из них охотились ради мяса, другие ради ценных шкур, кто-то ловил рыбу, собирал грибы, ягоды, орехи. Добывалось все, что могла дать вольному человеку Мать-земля, и чего так не хватало вечно занятым горожанам. Сам старик вот уже много лет как бортничал, отбирая мед у диких пчел. Была у него избушка, притаившаяся в поросших лесом холмах и несколько землянок с тайниками, разбросанных по большой территории, которую он считал своей. Неделю назад старик, накинул на плечи флягу с медом, взял ружье и оставшиеся патроны и направился для обмена в Плавильный-5. Это был небольшой город-завод, занимавшийся, как и следовало из названия, выплавкой металлов. И быть бы старику уже давно там, если б не событие, заставившееся сильно отклониться от маршрута и зайти на малознакомую территорию.

Он был на полпути, когда, проходя по гряде, между деревьями, увидел, как с запада на восток небо пересек корабль. Такой же, как тот, много лет назад. Корабль дергался, как рыба, пойманная на крючок, и издавал почти неслышимый ухом, но, тем не менее, жуткий гул, от которого хотелось упасть и вжаться в землю. Потом корабль пропал из виду, но звук еще долго преследовал старика, заставляя бежать без оглядки, инстинктивно выбирая дорогу, лишь бы поскорей избавиться от припадка сверхъестественного, панического ужаса. Так он и оказался сначала среди развалин, уже поглощенных лесом, а затем вышел на древнюю доро-

гу, с растрескавшимся покрытием. Старик определил, что забрался слишком далеко на юг, но повторить в обратном направлении пройденный путь уже не мог. Да и не хотел. Несколько дней он шел вдоль дороги, под прикрытием деревьев, надеясь, что она выведет к какому-нибудь поселению. Однако дорога вводила всё дальше и дальше на запад, а признаков жилья всё не было. У старика закончились еда и патроны, поэтому питался он теперь только медом из фляги и всякой мелкой живностью, которую удавалось поймать. Сегодня, например, он позавтракал птенцами маленькой певчей птицы, свившей гнездо в зарослях ивы, а на обед у него были грибы, змея и пара лягушек. Тем не менее, старик двигался почти без остановок, изредка делая в укромных местах короткие привалы на сон и отдых, и в результате нашел очередное убежище в этой воронке, откуда и приспичило ему выйти по нужде.

Оправившись, он снова огляделся. Что-то было не так. Уже у самой ямы, когда оставалось только сползти вниз, старик вдруг всё понял. Внутренним необъяснимым чутьем осознал – его убьют! Убьют прямо сейчас! Но он был отчаянным стариком. И рука сама потянулась за голенище к длинному обоюдоострому ножу.

Обернуться старик уже не успел. Тело в обносках неестественно выгнулось назад, будто пытаясь достать затылком стопы ног, из носа и рта хлынула кровь, а помутившиеся глаза разом выскочили из орбит. Когда всё закончилось, мешок

из мяса и переломанных костей рухнул в яму, сбив плащ-палатку и засыпав костёр.

Метрах в двадцати, из-за поваленного дерева, лежавшего со стороны дороги, поднялся человек, пристально следивший за стариком последние полчаса. Куртка на нем сразу же изменила цвет с темно-бурого на темно-зеленый с коричневыми вкраплениями различной интенсивности. Человек был коренастым мужчиной, с длинными, сильными руками и крупной, покрытой шрамами короткостриженной головой. Проверив прибор, закреплённый на предплечье правой руки, он развернулся, и, не оглядываясь, скрылся в лесу.

– Шаруп, скажи, а ты бы хотел дойти до той башни?

Спросивший это молодой парень, невольно забежал вперед своего чуть более взрослого спутника и как ребенок старался заглянуть ему в лицо.

– По мне, так это скорее была не башня, а пирамида. Без вершины. Такие называют усечёнными.

– Ну, какая разница, главное, что ЭТО было просто огромным! Я никогда не видел таких больших построек! Вот бы туда попасть, да?

– Слушай, приятель, я вот лично вообще не уверен в том, что эта штука рукотворная. Мне даже думается теперь, что это был просто огромный холм посреди леса. Может скала.

– Нет, Шаруп! Это не мог быть холм! Слишком он какой-то, эээ... Правильный! Ты же видел своими глазами! И сам сказал – пирамида, которая это, усечённая! Ну, не может же одна такая гора ни с того ни с сего стоять посреди леса! Я думаю, что именно про эту штуку рассказывал нам «дальняк»!

Рослый парнище с лицом подростка 15-17 лет, готов был расплакаться. Это казалось странным учитывая, что имел он завидное атлетическое телосложение, а в руке сжимал огромный тесак, которым небрежно отсекал преграждающие дорогу ветки, а цепкую колючку, достающую до пояса, сносил, не глядя, целыми кустами. Надо сказать, что оба спутника только что продрались сквозь густые лесные заросли на относительный простор и позади них с востока на запад тянулась теперь узкая просека. Помимо детского безбородого лица, с которого смотрели очень выразительные карие глаза, он походил на подростка еще и взъерошенными черными волосами, которые вихрились в разные стороны. Его компаньон, названный Шарупом, тоже имел примечательный вид – молодому человеку было около 25 лет, он имел почти двухметровый рост, был ширококостен, но сухопар. Так же примечательными в нем были такие же, как и у первого, карие глаза, полное отсутствие растительности на лице и короткие пепельные волосы, того насыщенного дымчатого цвета, какой бывает только у кошек. Несмотря на отсутствие на лице даже щетины, он инфантильным не выглядел, возможно,

благодаря чуть угловатым чертам лица и крупному прямому носу. Оба были одеты в длинные черные куртки из плотного материала, такие же штаны, и своеобразного вида обувь, с высокими и узкими, как чулки голенищами. Старший, тащил на плечах набитый доверху рюкзак, оружия у него не было.

– Адор, дружище, неужели ты поверил в рассказы того «дальняка»? Да мало ли баек могут рассказать такие бродяги как он?! Ты просто не часто их встречал, поэтому не знаешь, какие врал эти «дальние».

– Ну, знаешь!

Тип с детским лицом, которого звали Адор, прямо закипел от возмущения.

– Это я мало встречал «дальняков»? И это говоришь мне ты, «ближний», который вообще большую часть времени проводит среди рокан? Да ты кроме их «муравейника» вообще ничего в жизни не видал!

– Ха! Ничего подобного. Ты думаешь, где чаще всего можно встретить «дальняков», кроме как на «точках»? Только в «муравейнике». А куда бы еще им прибывать для отчета? Где они берут свое снаряжение? Где получают указания?

– Ну не знаю, только никто из тех «дальняков», которых знал я, вралем не был! Может они и любят травить порой байки, да все эти байки от правдивых историй начало ведут. Знаешь, сколько «дальняки» за свою жизнь успевают пови-
дать?

– Не знаю. Да и не думаю, что жизнь у них такая уж длинная, что бы много можно было успеть повидать. Зато я знаю, что сам ты, не так уж и давно «включился», зато умничаешь, будто кучу циклов прожил.

Адор понимал, что его друг прав. Но прав только отчасти. Действительно, немногим из тех, кого они называли «дальняками», удавалось дожить до старости. «Дальняк» – было прозвищем сервов входивших в специальные отряды, занимавшиеся разведкой (любой, от военной до геологической) и дежурством на «точках» – технических пунктах, удаленных от основных баз – «муравейников». А еще именно «дальнякам» было поручено разъезжать по всему свету на огромных машинах, собирая дань с дикарей. Поэтому-то жизнь их была нелегкой и полной опасностей. Зато, по мнению Адора, гораздо интереснее, чему у него – «средняка» и даже, пожалуй, интереснее, чем у «ближнего», каковым являлся Шаруп.

– А еще, Шаруп-Всезнайка, можешь обижаться, но думаю, нам не помешала бы сейчас помощь кого-нибудь из «дальняков». Вторые сутки ведешь нас неизвестно куда!

– Известно – огрызнулся Шаруп. Мы идем туда, откуда прилетели – на запад. Потому, что где-то там находится наш «муравейник». А где другие базы и как до них добраться, ни я, ни ты не знаем. И единственный «дальняк» который мог бы нам помочь, лежит сейчас мертвый возле разбитого паромы. Так что хватит мечтать о том, чего нет. Хочешь добраться-

ся домой – приготовь свой яйцеруб (при этом он кивнул на тесак в руках Адора), впереди снова дебри непролазные...

Шагая позади Адора, с тяжелой ношей за плечами, он уже давно начал чувствовать усталость. Но признаваться в этом не хотел. Даже себе. Шаруп спешил. Вперед его гнал страх перед неизвестностью. Трусом Шаруп конечно же не был. Но здесь, вне стен «муравейника», предоставленный лишь самому себе, лишенный связи с роканами, он чувствовал себя потерянным. Маленьким и никчемным. Вокруг простирался огромный мир, а он мало что знал об этом мире и плохо себе представлял, как в нем выжить. Пока что в походе его союзниками были молодость, отличное здоровье и хорошая физическая подготовка. Но долго ли всё это можно противопоставлять отсутствию опыта? После аварии парома, когда из девяти сервов, только им двоим и повезло остаться в живых, Шаруп, как и положено, по инструкции, пытался подать сигнал бедствия. Но ни аварийный маяк парома, ни их с Адором индивидуальные браслеты, не желали работать. Вся аппаратура словно в один миг перегорела. Хотя нет. Браслеты померкли еще при взлете. Смотреть на потухший браслет было особенно страшно. Это как лишиться одного из органов. Или поводка. Не важно. Раньше Шаруп всегда знал, что его жизнь, как и жизнь любого серва, подчинена правилам рокан. Можно сказать, что роканы и были для всех сервов правилами. Они определяли, что серв должен делать – когда он должен работать, когда есть, когда спать, куда ему мож-

но ходить, а куда нельзя. Мир рокан, был и миром сервов. Роканы и сервы – часть одного организма. Роканы – разум, сервы – послушное тело. Не может жить тело без головы, не может серв существовать без рокана.

В сотый раз Шаруп подумал – угораздило же их попасть на этот проклятуший паром! Вот что значит шататься по «муравейнику» без дела... К хорошему это никогда не приведет. Выдалось у него чуток свободного времени, вот и решил найти своего нового приятеля Адора, порасспросить, как тому живется. Так вдвоем и попались на глаза офицеру рокану. Был тот офицер какой-то бешенный. Приказал им и еще семерым сервам, набранным, похоже, прямо с улицы, из числа подвернувшихся под руку, притащить со склада на борт парома тяжеленный контейнер с защитой класса «1.1». А когда они занесли контейнер и закрепили на центральной палубе, мембрана шлюза вдруг свернулась, и паром стартовал с такой скоростью, что от перегрузки даже здоровяк Адор на миг потерял сознание. Правда, очнувшись первым, Адор все равно продолжал сидеть и ждать, когда еще кто-то придет в себя и скажет, что ему делать. Новенькие – все такие. Ничего. Уже стал соображать, как не каждый опытный серв соображает. А еще через полцикла – цикл, включится на полную. Это тоже правило. Сам-то Шаруп включился очень давно. Наверное, он тогда был совсем ребенком. Сколько помнил себя, столько и жил в «муравейнике». Сначала с «средняками», потом за проявленные расторопность и сообрази-

тельность, был переведен в «ближние». Стал «рукой» рокана Энки. А Энка, хоть и был фигурой небольшой (не в плане роста конечно, ростом он как раз был поболее Шарупа), однако имел среди рокан значительное влияние, вес, так сказать. Потому и Шаруп среди сервов тоже был не последним парнем. Так что очнувшись на пароме, он первым набрался наглости и осмелился открыть шлюз в кабину игиги – тех рокан, что управляют полётом. Только в ней никого не оказалось. Ну, это и не удивительно было. Паромы часто летали самостоятельно, сами знали, где их ждут. Непонятно только, почему сервам не дали сойти. Какая была необходимость отправлять их вместе с грузом в неизвестность? Очнувшись, сервы несколько часов послушно ждали, когда им поступят дальнейшие указания, но браслеты «молчали». И тогда заговорил «дальняк», невесть как затесавшийся в эту компанию.

Абза дождался, когда Нам поравняется с ним, после чего тихо поднялся с земли и встал у него за спиной. Только тогда Нам почувствовал его присутствие и быстро обернулся.

– Ты стареешь, мой добрый друг Нам.

– Я еще в приличной форме. Особенно для своих лет.

– И поэтому чуть не наступил на меня, пройдя в трех шагах?

– Это правда. Ты всегда был мастером маскировки. Нико-

гда не понимал, как это тебе удаётся, при твоих-то габаритах.

– Ты и сам знаешь ответ.

– Знаю. Зато я сразу почувствовал, когда ты вырос у меня за спиной, хотя и не слышал тебя. И я точно знал, что это именно ты. Любой другой уже расстался бы с жизнью.

– Не льсти себе. Я сам предупредил тебя о том, что это я, а никто иной. Мне не хотелось, чтобы ты стал размахивать бичом во все стороны. Это не безопасно.

– Не тебе Абза бояться бича.

– Я имел в виду, что это было бы небезопасно для тебя.

Нам усмехнулся. От кривой усмешки все лицо пробороздила сеть морщин, и даже шрамы на голове, казалось стали чуть глубже.

– Да. Ты прав. И я рад тебя видеть.

– Я тоже рад. А, впрочем... Не знаю. Мне всегда было трудно разобраться в своих чувствах. Наверно мне было приятно вспоминать наши с тобой былые приключения.

– Пусть хотя бы так. Тебе и мне есть что вспомнить.

– Может для этого и выдастся время. И кстати – «Тебе не попадались сегодня птицы?»»

Услышав первую половину пароля, Нам на секунду задумался, что-то взвешивая, а потом, будто приняв решение, ответил отзывом:

– «Птиц не видел. Думаю, что поохотиться нынче не удастся».

Абза рассмеялся.

– А знаешь Нам, я удивлен.

– Чему? Ты не предполагал, что я встану на сторону «Верных»?

– Я вообще не предполагал, что они станут посвящать в свои затеи такое количество сервов. Разве что будут использовать втёмную. Но вот так, открыто... Это слишком даже для них.

– Не огорчайся Абза. Возможно, мой случай единичный. Но я удивлен, что и ты с ними. Мне казалось, что ты в глубине души всегда мечтал сбежать вместе с роканами.

– Всё меняется. И не придумывай себе, старый ты прохиндей, что за годы совместных странствий ты изучил меня больше, чем я сам тебе позволил. Лучше ответь, как обстоят дела на маршруте?

– Обстановка сложная. Я вскрыл здешний пост, отследил с него паром и сопровождал до точки передачи. Потом что-то пошло не так. Он стал менять курс, и я его потерял. Это было два суточных цикла назад. Не уверен, что паром прибыл в место назначения. И не знаю, успел ли его отследить следующий агент. Мы сохраняем молчание, согласно приказу. Хочу навеститься к нему лично – на здешнем посту есть патрульный колёсник.

– Не нужно ни к кому наведываться, Нам. Я и есть «следующий агент». И я тоже засёк паром, как раз двое суток назад. Вёл я его не долго. Зато догадываюсь, куда он пропал.

– Не томи Абза, что произошло?

– Похоже, паром пошел на аварийную посадку. Он был повреждён. Минут за десять до того, я засек мощный импульс. Источник установить не удалось. Но энергии вполне бы хватило для вывода из строя блока главного двигателя.

– Значит, «Бегуны» вышли на след. Откуда они могли достать паром?

– Судя по всему, ударили с земли, с близкого расстояния.

– Значит, их люди тоже отслеживают маршрут.

– Значит так. И ещё – около полусуток назад я засёк импульс с той стороны, откуда идёшь ты, мой старый друг. Совсем слабый импульс. Подходит для бича.

– Да. После того, как прошёл паром, система засекала присутствие человека в тридцати километрах от поста. Одного человека. Я проверил.

– Ты сошёл с маршрута? Без приказа?!

– У меня не было выбора. Паром я всё равно уже упустил, а человек мог оказаться сервом и их агентом.

– И?

– Не подтвердилось. Это был дикий. Старый совсем. Но очень осторожный. Шёл со стороны Больших развалин. Кстати, у меня есть информация, что парни из «Мантикоры» оборудовали там нелегальный пост.

– Допросил?

– Нет. Не было необходимости – просто старый дикарь.

– Глупая самоуверенность. Я думал, что отучил тебя от неё. А ты осматривал труп? Измерил уровень излучения?

Что у него было при себе?

– Абза, говорю тебе, это был просто старик! Поверь моему опыту. Он не представлял для нас никакого интереса. И он не мог быть причастен к операции. Ни с одной из сторон. Да, я не стал рыться в его барахле, но утверждаю – самым опасным, что он имел, был незаряженный дробовик!

– Тогда зачем ты его убил?

Нам снова усмехнулся.

– Не все уроки забыты, мастер Абза. Помниться мой учитель как-то сказал: – «Если не хочешь, чтобы черви жрали твой труп, сделай так, чтобы это был не твой труп!». Ну или что-то в этом роде.

На это Абза только покачал головой.

– Ты явно был не из лучших учеников... Даже мои слова переврал так, что они напрочь лишились какого-либо смысла.

– Тебе виднее. Я не силён в болтовне. Скажи лучше, что нужно делать и я сделаю.

Ничего не ответив, Абза присел на корточки. Взгляд его стал рассеянным, словно у засыпающего, мышцы лица расслабились. Он даже начал раскачиваться из стороны в сторону, будто в любой момент мог действительно упасть и сладко захрапеть. Потом зрачки вдруг снова резко сфокусировались, маятник тела остановился и Абза жёстким голосом произнёс:

– Что делать? Вернуться к тому месту, где ты прихлопнул

этого бедолагу.

– Да ты что, совсем не доверяешь моему чутью?! – возмутился было Нам, но Абза только зыркнул на него своими тёмными глубокими глазами, заставив замолчать.

– Я не доверяю твоему интеллекту. Ты сказал, что старик пришел со стороны Больших развалин?

– Да.

– А где ты потерял объект?

– На выходе из зоны «Предварительная». Но это...

– Это ничего не значит. Он изменил маршрут.

– Искал место для аварийной посадки...

– Додумался? Когда я засёк наш паром, он уже был подбит и трясся как лист на ветру, но продолжал двигаться прямоком в сторону зоны «Прима». А потом резко ушёл на юго-запад.

– Сношать твою ж мать!

Теперь уже усмехнулся Абза. Усмешка вышла кривая, недобрая, от чего лицо с крупными правильными чертами могло стать похожим на злую маску, если бы не глаза. В них продолжали плясать весёлые саркастические смешинки. Поправив на лысой голове обтягивающую шапку, и, посмотрев на Нама с высоты своего более чем двухметрового роста, гигант хлопнул своего низкорослого товарища по плечу:

– Пошли. Придется, как в старые времена взять руководство в свои руки. И кстати – тебе бы точно не понравилась моя мать.

Этана-Думузи, Первый по старшинству из Семёрки, стоял в командном отсеке и нервно втягивал чистый воздух. Воздух, отличающийся по составу от воздуха этой проклятой планеты так же, как пресная вода отличается от морской. В центре зала полимерный экран транслировал короткий фильм, смонтированный из записей камер наблюдения и Этана-Думузи пересматривал его снова, снова и снова и никак не мог остановиться, хотя знал уже наизусть. – Вот рокан в защитном коконе с маркировкой офицера-«грифона» ведёт с десятков сервов к складским помещениям. Дальше сам склад, прямоугольное здание, сложенное из гигантских камней разной формы, но подогнанных так, что между ними не протиснуть и волос. Вход в склад затянут мембраной. Мембрана послушно раскрывается при приближении рокана. По его указанию сервы выносят из склада несколько контейнеров. Этана-Думузи знает эти контейнеры. В них упаковывают продукты и детали примитивных машин, подготовленные к отправке дикарям. Затем они вытаскивают ещё один контейнер, по виду мало отличающийся от остальных, но опытный взгляд Этана-Думузи сразу определяет в нем модель «1.1» – с повышенной степенью защиты содержимого. Всякую ерунду в таких не держат, слишком много он жрёт энергии. Сервы в сопровождении рокана тащат контейнер к даль-

нему краю взлетной площадки, где стоит одинокий паром.

«Один из первых, которые были введены в эксплуатацию, ещё ТАМ» – думает Этана-Думузи. Подачка для колонии, старьё, давно отслужившее свой срок, бывшее развалюхой с самого начала. С начала «новой жизни». Со времени прохода в «НОРУ». Много циклов паром стоял на самом краю взлётной площадки, ожидая, когда с него демонтируют оставшееся оборудование. Донор органов для тех, кого ещё можно спасти.

Но вот сервы заносят контейнер внутрь парома, и вскоре тот стартует. Сервы так и не покинули его. Ускорение, с которым взлетел паром, способно было убить любого дикаря, если бы он оказался внутри. Но сервы крепкие ребята. Лучшее, из того, что можно найти. Или сделать. В это время к рокану оставшемуся на взлетной площадке присоединяется ещё один, с маркировкой техника. В руках у него странного вида приспособление, за спиной ранец. Ба! Да это же импульсный сварочник! Но что с ним сделали? Модифицировали? Словно в подтверждение мыслей Этана-Думузи, техник направил сварочник на другой паром. Совсем новый паром. Из последней доставленной партии. Вырвавшийся импульс был невидим, но Этана-Думузи знал, какой мощности энергия была выпущена на свободу. Ему показалось даже, что паром дрогнул, как раненое животное. Хотя этого конечно быть не могло. Затем техник и рокан с маркировкой «грифон» прошли на другой конец взлетного поля и так

же методично вывели из строя два оставшихся парома. Люк одного из них открылся, мембрана сползла, и оттуда шатаясь выбрался оглушённый игиги. Сделав несколько шагов, он упал и больше не шевелился. В кадре замелькали удирающие врассыпную сервы, затем появился отряд «грифонов». Разделившись на две группы, «грифоны» вышли на взлетное поле. Вот вырвавшийся из сварочника импульс разметал первую группу, некрасиво выгибая и ломая тела. Вторая группа рассредоточилась и залегла. Их бичи на таком расстоянии были бесполезны. Два рокана со сварочником стали отступать под прикрытием выведенных из строя паромов. «На что они надеялись?» – думал Этана-Думузи. – «Далеко им всё равно было не уйти. Смертники. Идиоты». Потом он смотрел, как огромный каменный блок рухнул прямо на отступавших. Когда улеглась пыль, стало ясно, что оба погребены под несколькими тоннами базальта. Этана-Думузи уже знал, что это было делом рук Пятого Думузи. Думузи-строителя. Его имя было – Балих. В молодости Балих своими руками сложил большую часть их «муравейника». Третьего по счету после начала колонизации. И Балих был настоящий виртуоз по части обращения с гравитацией, благодаря чему гигантские многотонные глыбы перемещались по воздуху, как пушинки и послушно занимали свое место в мегалитической кладке. Фильм заканчивался на том, как из-под огромного камня, снова послушно взмывшего вверх, извлекли два тела. Рокан в легком коконе техника, естественно

погиб. Ранец с батареей, висевший на спине, впечатало в его внутренности. Второму повезло больше. Кокон «грифона» смягчил даже такой страшный удар.

Руководитель диверсии был ещё жив. Когда его внесли в медицинский блок и с трудом сняли повреждённый шлем, спешно прибывший туда Этана-Думузи оторопел. Он увидел, кто все это время скрывался в коконе офицера-«грифона». Это был САМ Энка. Энка Хранитель Инструмента.

Обрыв тянулся насколько хватало глаз – одной стороной уходил на север, другой скрывался точнёхонько на юге. Внизу неспешно катилась река. А за рекой раскинулись до горизонта нескончаемые заливные луга и лишь совсем далеко, на западе, сквозь дымку, была видна зеркальная гладь огромного пресноводного моря. По краю обрыва, среди деревьев, двигались две чёрные человеческие фигуры. Они шли на север.

– Эта круча кончится когда-нибудь, или нам придётся учиться летать? А? Я, например, мало похож на птичку. Да и ты кажется не похож, мастер Шаруп!

– Не знаю... Не знаю, Адор! Похоже она тянется до самого края сущего. Нужно нам было стяжки забрать, которыми крепился контейнер – связали бы вместе и спустились прямо по стене. Но я даже не подумал об этом! Дурак самона-

деянный...

Теперь, видя, как более старший товарищ корит себя, младший из юношей устыдился. Зря он всю дорогу подтрунивал над приятелем – Шарупу и так было тяжело. Решать-то приходилось за двоих. Сам Адор до сих пор, наверное, сидел бы на месте крушения и ждал пока придет помощь.

Смущенно шмыгнув носом, Адор подошёл к другу и положил ему на плечо свою лапищу.

– Не вини себя. Ты не мог всего предусмотреть. Разве раньше тебе приходилось совершать подобные прогулки?

– Ты прав. Но это ничего не меняет.

– Меняет. И я все равно не умею лазать по веревкам. А ты?

– Умею. Меня учил один «дальний».

– Да ладно?! Шаруп, ты никогда об этом не рассказывал!

– Просто не было случая. Мастер Энка захотел, чтобы я научился и мне дали несколько уроков. Правда не в таких условиях. Мы ползали по стенам «муравейника».

– Здорово! Только какой от этого Энке-то прок был?

– Не знаю. Не дело серва-руки много думать о причинах, если этого захотел его рокан.

– И всё-таки странно.

– Ты много думаешь о таких вещах. Вот что странно. А вообще, пожалуй, пора передохнуть. Моя ноша становится все тяжелее.

При этом Шаруп уселся на землю, привалившись рюкза-

ком к шершавой сосне.

– Расстегни ляжки, я не достаю.

Адор бросился помогать.

– Почему ты не сказал мне раньше? Я мог бы понести его.

– Не стоит. Я слышал от мастера Энки, что штуки, подобные той, что болтается за моей спиной, могут причинить вред. Какое-то излучение.

– Тем более! Как ты можешь рисковать один!

– Я старший из нас двоих. Я раньше «включился» и у меня больше опыта. Это моя ответственность.

– Слушай, Шаруп, зачем мы вообще тащим с собой эту штуку? Оставили бы её возле парома.

– Не говори ерунды. Разве не понимаешь? – Это большая ценность! Ты же видел, как эта штука была упакована!

Шаруп не мог сдержать эмоций, ибо бестолковость «нововключённого» всегда страшно раздражает. Однако на это раз Адор выдал в ответ на удивление здравую мысль.

– Может я и моложе тебя, но и то понимаю – если эта «ценность» так нужна роканам, рано или поздно они бы сами её нашли. И нас заодно.

Парировать было нечем. Сколько раз Шаруп уже усомнился в правильности своих действий, сколько раз успел о них пожалеть... Но... Что-то подсказывало ему – в особенной ситуации, какая приключилась с ними, простейшие и наиболее разумные, казалось бы, решения, будут неверными! В особенной ситуации и действовать нужно по-особенному!

– Нельзя было больше ждать. У нас и так заканчивается еда. И... Знаешь... Я не думаю, что роканы обязательно бы нас нашли. Они... Не стоит, наверное, тебе это говорить... Но, проведя рядом с ними всю свою жизнь, я понял, что они тоже не всемогущи. Они скрывают это от сервов, но у них давно что-то пошло не так. Многие инструменты, хранителем которых был мастер Энка, выходили из строя и их никто уже не мог починить. И ещё я никогда не видел, что бы Энка делал новые – всегда только ремонтировал и даже пару раз называл при мне всё это рухлядью! Представляешь? У них нет ни одного нового инструмента!

– Теперь-то понятно, почему роканы так над ними трясутся...

– Конечно, трясутся! Инструменты – самое таинственное, что есть у рокан. Может это их главная тайна! И они не отсюда! Совсем не отсюда, понимаешь? Не из нашего мира.

– Что-то я запутался... Кто не отсюда? Роканы? Или их тайны?

– Да. Тайны. И роканы тоже. Они не могут дышать нашим воздухом, ходить без своих коконов. Однажды, во время строительства новых рубежей, я бы свидетелем, как серв-рука, помогая в нарезке блоков, не уследил за «нитью». «Нить» скользнула по шлему надзирающего рокана и отсекла нижнюю часть, ту, где расположены воздухопроводы. Самый кончик. Рокан стал задыхаться и, наверное, умер бы, не помоги ему остальные. Его тут же отнесли в закрытый колёсник, где

он мог снять шлем.

Шаруп замолк и стал растирать плечи, с ненавистью глядя на рюкзак.

– Ну, что там дальше? – Глаза Адора заблестели. Было видно, как не терпится ему услышать продолжение истории. – Не томи!

– А дальше, серва ликвидировали на месте (и поделом ему), а рокана увезли в жилые отсеки «муравейника». Думаю, там у них совсем другой воздух. Не такой, каким дышим мы. Я видел машины, которые его делают. Вернее, наружные части этих машин. Они втягивают воздух из мира и перегоняют его в отсеки «муравейника».

– А ты когда-нибудь был в муравейнике?

– Не задавай глупых вопросов. Хотя... (он усмехнулся), все «средние» рано или поздно задают их «ближним». Например – «Как выглядит рокан?» или – «Что находится внутри «муравейника»? А я понятия не имею! Есть вообще много вещей, о которых мы знаем не больше вашего. Роканы никого не допускают в жилые отсеки, и, насколько мне известно, никто никогда не видел их без кокона.

Адор улыбнулся.

– Ты прав. Меня давно уже подмывает спросить – на что похож голый рокан? Судить по шлемам, так у них большие головы и морды, такие вытянутые...

– Я тоже об этом думал. Наверняка конечно никто не знает... Хотя есть одна байка, которой развлекают себя «даль-

няки» ...

– Расскажи!

– Ну... У них есть история о том, как один «дальняк» в экспедиции, набрел на старую роканскую колонию. Совсем древнюю. И там, на стенах развалин, прямо на камнях были вырезаны фигуры роканов без коконов и без шлемов, такими, какие они есть...

– И что? Что он увидел?

– Как ты и сказал. У них были страшные головы. Почти как у диких собак или волков. Или медведей.

– А потом? Что с ним потом случилось?

– Пропал. Больше никто этого «дальняка» никогда не видел. Наверно погиб. С «дальняками» такое часто случается.

– Но как тогда остальные «дальняки» узнали его историю?

– Ха! Теперь ты понял? Все «дальняцкие» истории таковы. В них нет логики. Просто байки, которыми тешат себя эти бродяги.

В нижней части холма, за кустами дикого шиповника, притаились массивные ворота, в которые прошли бы одновременно в ряд два грузовых колёсника. Снаружи створки были так мастерски разрисованы зелено-бурыми разводами, что совершенно сливались с общим фоном. Нам осмотрелся. Вроде всё спокойно. Ничего не изменилось с момента

его прошлого посещения. Только он подумал, что пора подать сигнал Абзе, как тот уже появился рядом, невидимый и неслышимый в своем «призраке». Самая крутая модель маскировочного костюма, из всех, что доводилось видеть Наму.

– Ха. Знаешь, Нам, а я ведь, знаю этот пост, как свои пять пальцев. Помогал восстанавливать, после того как мы отбили его у дикарей. Совсем давно тут было убежище на случай войны. Позже обосновалось какое-то племя. Возможно, это были потомки солдат регулярной армии, одной из давно забытых к тому времени местных держав... А, может и просто оборванцы, наткнувшиеся на бесхозный бункер с запасами оружия и продовольствия. Хотя... Нет. Оборонялись они не плохо. Прослеживалась даже определенная тактика. Так что я, пожалуй, склоняюсь к первому варианту.

Нам поморщился. Он сразу вспомнил о том, что и сам родился в таком вот бункере. Только его бункер находился далеко на севере. Там тоже был лес. Но, не такой. Ещё более неприветливый. Лес рос у подножья скал, высоких и крутых, застывших на краю навсегда замерзшего моря – белой пустоши, где были только лед и снег. Вечный снег. И звали его тогда вовсе не Нам. Это имя он получил позже, когда их забрали. Его и ещё нескольких выживших детей. Только детей. Но не всех. Только здоровых, в возрасте от шести до двенадцати лет...

ЛЕТ. Так говорят дикари. Они меряют срок почему-то летами. Реже зимами и вёснами. И никогда осенями. Циклами

тоже меряют, но называют цикл – годом.

А остальным детям не повезло. Остальные были не нужны и вообще зря выжили в той мясорубке! Клан Нама был совсем дикий. Они ничего не знали о роканах. Но клан не собирался отдавать им своих отпрысков. Клан дрался до последнего. Нам в сотый раз подумал о том, почему он так мало помнит и почему так поздно стал вспоминать. И о том, что до сих пор не вспомнил своё первое имя. Ему очень хотелось спросить у Абзы, не знает ли тот, как звали его, нынешнего Нама раньше, ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК... Но вместо этого он спросил:

– Тут кто-нибудь уцелел?

Абза перевел на него заинтересованный взгляд.

– Ты хочешь спросить, забрали ли роканы детей? Нет. Забирать было некого. Ни одного ребенка подходящего возраста. По крайней мере, живого ребёнка.

– Значит никто.

– Как всегда.

Подойдя к воротам Абза уверенным движением сдвинул небольшой ставень, обнажив под ним сенсорную панель. Не задумываясь набрал нужную комбинацию. Мгновенье спустя в створке распахнулась наружу меньшая по размеру, но такая же массивная дверь.

– Смотри-ка, а я не забыл.

Абза, победно улыбаясь, указал на открывшийся вход.

– Ворота – слоеная сталь с противорадиационным по-

крытием. За ними, как сейчас помню, тамбур с разгрузочной площадкой, а дальше еще одна защитно-герметическая дверь и пандус, ведущий в основные помещения. Такое сооружение способно выдержать небольшой ядерный удар. Когда мы выкуривали отсюда дикарей, ворота были неисправны – запорные устройства не работали, ни в автоматическом, ни в ручном режиме. Они так и стояли с распахнутыми створками. Но дикари построили за ними укрепление – бревна, камни, куски бетона и ржавого железа. Кстати, получилась весьма серьезная баррикада. Долго ж мы её брали... Хорошо укрепленные огневые точки впереди, а сзади снайперы, бьющие в спину. Ты знаешь, что тут есть ещё один выход?

– Нет.

– А он есть. Как и у всех подобных бункеров – подземная галерея с почти вертикальной шахтой. Вот через неё-то они и делали вылазки к нам в тыл.

– Но вы, как всегда управились.

– О, это было непросто! Мы даже пытались применить газ, но оказалось, что у дикарей есть средства индивидуальной защиты. А потом роканы при помощи строительного антиграва разнесли этот завал в щепу и щебень, вместе с защитниками. Остальные пытались укрыться внизу, но не успели закрыть внутреннюю дверь – её блокировало обломками мусора. Дураки. Им нужно было держать эту дверь запертой. Всегда. А бойцов на баррикаду выпускать посменно и

небольшими партиями.

Когда мы ворвались в жилые помещения – началась настоящая бойня. Дикари даже не пытались сдаваться. И этим только разозлили нас. Большая группа пыталась прорваться через аварийный выход, но мы его к тому времени вычислили и сообщили роканам. В том месте до сих пор трава не растёт.

– Да, я знаю, где это. Но слушай, если у вас был антиграв, почему сразу было его не применить?

– Не всё так просто. Сначала бункер штурмовал отряд «дальнячкой» разведки. Они здесь обследовали территорию и проводили локальные зачистки. Наткнулись на бункер с дикарями и решили, что справятся своими силами. Дикари уложили из них добрую половину. Потом подключили мою группу, но с тем же результатом. Поэтому пришлось выбирать разрешение на использование антиграва не по назначению. Когда Совет Семи дал добро, с соседнего объекта прибыл рокан-строитель со своими «руками».

– Соседнего объекта? Постой-ка, значит, это всё произошло, когда строили Храм? Но это ж было...

– Храм? – Абза облокотился о ворота, скрестил руки на животе и прищурившись смотрел на Нама.

– Значит, ты тоже веришь в эти сказки? А я-то думал, они существуют лишь для того, чтоб престарелым «дальнякам» из братства педиков проще было совращать новичков, завлекая их к своему костру страшными историями.

В ответ Нам укоризненно покачал головой.

– Ты же знаешь, мастер Абза, я не из тех, кто греется по ночам с другими мужчинами, но ТО СТРОЕНИЕ все называют ХРАМОМ.

– Нет. Это не храм. Просто башня. Или пирамида, если угодно. В храме должен обитать Бог. А тот, кто обитает в Башне, никогда им не был.

– Но роканы обращаются с ним, как с богом!

– Роканы обращаются с Ним так, как роканам положено обращаться с подобными Ему.

И Абза скрылся в темноте прохода. Его защитный костюм стал чёрным, ровно настолько, насколько черна была темнота в бункере.

Чернота. Чернота. Чернота. Одна чернота. Кто я? Где это всё происходит? Почему так темно? Почему я не могу вспомнить? Нет. Помню. Кажется, помню. Энка. Меня зовут Энка. Я Энка. Я... Я помню. Я вспоминаю. Но почему так темно? Почему я не могу пошевелиться? Что произошло со мной?

Жидкость в капсуле напоминала кисель, бурлила и меняла цвет от светло-бежевого до тёмно-коричневого. Когда в её глубине возникали вишневые водовороты, рокан в чёрном коконе врача, неподвижно сидевший на корточках подле

капсулы, оживал и начинал что-то подправлять. О его бурной деятельности в этот момент, свидетельствовали лишь лёгкие подрагивания верхних конечностей, но и они были не более, чем атавизмом нервной системы. На самом деле, для того, чтобы контролировать оборудование, врачу не обязательно было прилагать физические усилия, даже находиться здесь было не обязательно – лёгкий шлем-обруч, со встроенным усилителем, позволял делать такие вещи на расстоянии. Однако медик начинал уставать и безусловные рефлексy потихоньку брали вверх.

– Когда пациент станет контактным?

Рокан из Службы Восстановления вздрогнул, разом встав на вытяжку. «Вот и ещё один атавизм, совершенно бессмысленный при ментальном общении» – привычно подумал он. Этана-Думузи, который в этот момент находился в своём личном отсеке, расположенном в другой части муравейника, согласно кивнул, уловив его мысль и тут же разозлился, понимая, что выглядит сейчас не менее глупо, чем подчинённый. Медик поспешил доложить:

– Уже скоро! К сожалению, нам пришлось провести процедуру кратковременного отключения. Но только на период восстановления мозга! Иначе был риск потерять большую часть информации. А вот восстановление тела займет не менее двух перстов осевых цикло-оборотов планеты – Хранитель Инструмента сильно пострадал.

– Нет необходимости восстанавливать весь организм. До-

статочно того, что, жив его мозг.

– Вы хотите поместить его в ману?

– Естественно. Жаль терять такой разум, даже мятежный. И не разумно расходовать материалы и энергию на восстановления мятежного тела.

– Сколько есть у меня времени на приготовление?

– Ровно осевой цикло-оборот.

– Этого достаточно, Думузи.

Медик склонил голову (на этот раз умышленно, в знак уважения) и вновь сосредоточился на работе. Два зорких глаза, направленные на капсулу, видели сквозь мутную жидкость лишь размытые контуры находящегося там организма, однако внутренний взор отчетливо различал мельчайшие составляющие. Тело в капсуле постепенно превращалось в бесформенную массу, из которой все более чёткие очертания приобретал только мозг, вокруг которого заново формировалась черепная коробка. Однако новый череп не был непохож на прежний – глазницы и некоторые другие части теперь отсутствовали, зато появлялись иные детали, которым в дальнейшем предстояло стать вместилищами органов. Новых органов, нового организма, который внешне ничуть не будет походить на рокана Энку. Новый организм будет именоваться маной. Он станет сосудом, поддерживающим существование разума. Разума, обреченного вечно скитаться в дебрях собственного сознания. Если только не лишит этот разум собственного «Я» и не сделать частью чего-то большего.

Мембрана на входе щёлкнула, соскальзывая, и в отсек вошёл младший медицинский техник. Несмотря на невысокий статус, это был опытный и исполнительный роқан, сразу оценивший обстановку и услужливо переключивший на себя управление капсулой. Врач же, устало вздохнув, побрёл к выходу. Когда мембрана за его спиной затянулась, капсула, до того лишь слегка вибрировавшая, отчётливо затряслась. Техник сосредоточился – процесс перерождения вошёл в основную фазу, теперь нужно быть предельно внимательным.

Чернота. Чернота. Чернота. Одна чернота. Энка. Меня зовут Энка. Главное не забыть. Я Энка. Я помню. Я вспомнил. Но почему так темно?

Фаза. Кто-то подумал о фазе.

В темноту врывается радуга. И свет. Сначала маленький огонек. Потом сразу, резко, без предупреждения – вспышка. А за ней ровное и сильное сияние.

ФАЗА. Я понял. Я вспомнил. Фаза НОЛЬ. Вот что это. Отправная точка.

Техник забеспокоился. Мозг, заключенный сейчас в капсуле и обрастающий новой оболочкой, вёл себя странно. Он излучал необычные импульсы. Такие могут быть только у разума, мирно спящего и видящего сны. Что совершенно невозможно при «выключении»! «Выключение» – тьма. Тьма без видений. Абсолютная. Провал в пустоту. И по-другому быть не должно!

Уже собравшись было позвать старшего коллегу, техник

на миг замешкался, сомневаясь в правильности такого решения и разум в капсуле, словно уловив его мысли, угомонился и притих. Излучение исчезло. Теперь мозг Энки вёл себя так, как и было положено «выключенному». Медик, почувствовав положительные изменения, облегчённо перевёл дух.

Патрульный колёсник легко преодолел защитный вал перед бункером и бесшумно покатился между деревьями. Кабины у него не было, поэтому встречный ветер всё сильнее, по мере ускорения, обдувал лица Абзы и Нама. Вскоре Абза не выдержал и натянул на лицо капюшон своей уникальной маскировочной куртки, отрегулировав его до совершенной прозрачности. Нам напротив, упрямо подставлял лицо упругим струям. Руки его лежали на штурвале, задавая колёснику нужное направление, остальное умная машина делала сама. Такие колёсники, незаменимые помощники сервов и их хозяев, были сочетанием технологий рокан и вымершей человеческой цивилизации. Роканы даже сформировали из «дальняков» специальный отряд, занимавшийся раскопками и охотившийся за теми артефактами, которые можно было приспособить под собственные нужды. Так появилось на свет множество занятных гибридов – в их числе и средства передвижения и оружие и много всякого-такого. Но сейчас Нам думал не об этом. Нам был угрюм. Рассказ

Абзы о том, как роканам достался бункер, задел за живое. До этого он не задумывался о том, что технический пост, на котором он провёл несколько последних дней, раньше служил для кого-то домом. Настоящим домом... Дикари конечно были обречены. С того самого момента, как на них наткнулся разведывательный отряд «дальняков». Ибо правила гласили – «Все территории, так или иначе используемые роканами, должны быть зачищены от любых форм жизни, могущих нести угрозу». К таким формам жизни относился и человек. Если только он не был сервом.

Когда лес стал гуще, Нам стал круто забирать на юго-запад, чем вызвал недовольство Абзы, сверявшего маршрут по навигатору спарки.

– Зачем мы отклоняемся от кратчайшего пути?

– Там дальше начинается такая чащоба, что на колеснике мы будем продираться дольше, чем если бы шли пешком. А так, я выведу нас прямо на старую дорогу. Посмотри в навигатор – она идёт с юго-востока на северо-запад. И от неё есть ответвление к Большим Развалинам.

– Да, я вижу. Но идея мне не нравится. На дороге колёсник сможет засечь даже дикарь.

– Ты стал бояться дикарей?

– Это я о том, что паром теперь ищем не только мы. И дикарей, кстати, тоже стоит опасаться. Места тут нехорошие.

– Не волнуйся Абза, мы будем двигаться вдоль дороги, под прикрытием деревьев. Вообще, дорога сейчас, и сама больше

напоминает лес – плотно давно уже взломала поросль.

– Природа по всей планете берёт свое.

Абза какое-то время помолчал, потом снова заговорил.

– Дикарь, которого ты убил, далеко от дороги?

– О, нет. Совсем рядом. Прятался в глубокой воронке. Отдыхал там.

– Далеко ещё?

– Треть пути.

Нам вдруг рассмеялся.

– А знаешь, если бы я не убил старика, он бы свалился в яму побольше той, где покоится сейчас!

Абза удивленно поднял широкие брови. Нам снова рассмеялся, отчего морщины на лице опять стали походить на глубокие неровные борозды. Отсмеявшись, он пояснил.

– Обрыв на западе. Тот, что тянется с юга на север на добрую сотню километров. Старик чуть-чуть не дошел до него. Дорога там заканчивается. С нее можно нырнуть прямо в пропасть. Ее как ножом обрезали. Ты знаешь, что это было?

Абза понимающе кивнул.

– Конечно, знаю. Взрыв. Очень большой взрыв. Давно.

– Тоже роканы?

– Задолго до них.

Шаруп и Адор стояли на краю воронки, скрытой в высо-

кой колючей траве. Солнце уже давно перевалило зенит и теперь решительно кралось к линии горизонта. На дне лежал сбитый в кучу кусок пятнистой ткани, а из-под него торчали ноги, обутые в сапоги с подошвами из автомобильных покрышек с глубоким змеистым протектором. Трава в центре ямы была выдрана, виднелся след от потухшего костра. И несмотря на довольно прохладную погоду, в воздухе уже стоял сладковато-удушливый запах разложения.

Шаруп, после минутного раздумья, кивнул Адору, указав взглядом вниз.

– Дружище, тебе придётся сползть туда и посмотреть.

Младший недовольно поморщился.

– А это обязательно? Чего мы там не видели? Ясно же, что в яме лежит покойник.

– Обязательно, обязательно. Я бы сам спустился, да мешает рюкзак. Больше времени уйдет на то, чтобы его снять. Проверь, кто это и чем у него можно разжиться, сейчас любая находка для нас настоящая ценность.

– Даже мертвяк?

– Даже мертвяк. Возможно, при жизни он был безобразно богат, и в карманах держал недельный запас концентрата.

– Сомневаюсь я. Лучше бы ноги поскорей уносить. – проворчал Адор, но всё равно послушно спрыгнул в воронку. Там он, держа в правой руке свой чудовищный тесак, левой решительно сдернул с тела кусок камуфлированной ткани, который при ближайшем рассмотрении оказался ветхой

плащ-палаткой. Под ней, лицом вниз, лежал труп мужчины, в перелатанной фланелевой рубаше и штанах из мешковины, с кожаными накладками на коленях и заднице. Адор воткнул тесак в стену ямы, и, ухватив за штанину и рукав рубахи, перевернул одеревеневшее тело на спину. Чернеющее лицо уже начало распухать. Оно было густо перепачкано запекшейся кровью, покрытые мутной пленкой мёртвые глаза вылезли из орбит, а рот был оскален, обнажая редкие желтые зубы. Спутанная седая борода превратилась в черные кровяные сосульки. Не без чувства брезгливости, Адор снял с покойника широкий кожаный пояс с карманами. Пояс оказался патронташем. Он был пуст. Зато за голенищем сапога обнаружился нож, длиной в полторы ладони и шириной в три пальца. Клинок был однолезвийный, с ровной чистой заточкой, а ручка наборная, из кусочков теплой бересты. Адор кинул находку Шарупу.

– Вот, держи, мастер. Будешь теперь вооружён.

Нож описал полукруг и воткнулся в землю прямо у ног Шарупа. Тот собрался было отчитать младшего товарища за подобные шалости, но остановился, так как в голову его пришла неожиданная мысль: – А когда это Адор наловчился так обращаться с ножом? Или этот финт – случайность? Подобрав неожиданный подарок, он взвесил его на руке. Нож не был сбалансирован, значит просто так, без навыка, его не метнёшь... Надо бы поспрашивать... Но спросить он не успел.

– Ого! Не может быть! – орал Адор, извлекая нечто из густых зарослей в дальнем конце ямы, – Вот же повезло!

Там, под копной поникших стеблей, притаились от посторонних глаз короткое дуствольное ружьё и заплечная торба с большой пластиковой флягой внутри. Самодовольно осклабившись Адор сообщил:

– Ну и тяжеленая же канистра! Сейчас вылезу, поглядим, что в ней.

Шаруп только головой в ответ покачал:

– Да осмотришь ты получше, торопыга! Мало ли что пропустил?

После тщательных исследований, в яме, кроме уже перечисленного, нашлись: смятый котелок, мешочек с высушенными душистыми травками и ещё один мешочек, кожаный, в котором лежала металлическая палочка с мелкой насечкой и бурый камень с красивыми цветными прожилками. По поводу последней находки Шаруп пояснил, что эта штука похожа на огниво, какими пользуются в экспедициях «дальняки», только совсем примитивное. Огниво Адора не особенно заинтересовало, зато он с детским трепетом долго рассматривал и крутил дустволку, переламывал, нажимал спусковые крючки, вскидывал, целясь в кружащихся пичуг и очень сожалел, что не нашлось ни одного патрона. Шаруп напротив, не проявил по этому поводу никаких восторгов. Будучи приближённым Энки, он знал оружие куда серьезней, чем старая пороховая дребедень – были в мастерской Хранителя и даль-

нобойные винтовки различных систем, что когда-то изъяли у дикарей, и импульсные «гибриды», входившие в вооружение «дальняков» и даже как-то раз довелось подержать в руках самый настоящий энергетический бич – многоцелевой инструмент рокан, который в зависимости от мощности мог причинить боль, а мог запросто разорвать человеческое тело на куски. Кстати тела, после воздействия бича, выглядели примерно так же, как и найденный ими дикарь (в том, что это был именно дикарь, сомнений у них уже не оставалось), а это означало, что где-то рядом могли находиться и роканы. Присутствие же поблизости рокан – сулило спасение и возможность наконец-то вернуться к привычному порядку вещей. Раздумывая, таким образом, Шаруп вскрыл найденную пластиковую ёмкость и остолбенел – в нос ему, перебивая мертвечину, ударил душистый чуть терпкий запах.

– Мёд... – обрадованно и удивленно констатировал Шаруп, втягивая носом запах редкого для большинства сервов лакомства. – Адор, смотри – это же мёд!

Нет, ну ты глянь! – тихонько шепнул Абза Наму. – Знаешь, что они сейчас делают? Лакомятся! Они тут лакомятся! Это что, агенты «Бегунов»? Вот эти два остолопа? Верится с трудом.

Абза обладал отличными зрением, а также завидными

слухом и обонянием, чем и пользовался сейчас, наблюдая за парочкой сервов, сидевших невдалеке от старой воронки и обжирających мёдом. Нам с уважением и завистью слушал коллегу, ругая сбившуюся настройку электронного бинокля. Без бинокля с такого расстояния он едва различал две небольшие фигурки, копошащиеся в траве с краю от дороги. По мнению Нама, давно было пора подкрасться к ним на расстояние дальности действия бича и оглушить парализующим ударом, а потом уж выяснять, кто эти двое и что они там делают. Он искренне не понимал, чего выжидает Абза, однако лезть со своей инициативой не решался. Хватит с него, пусть теперь решения принимает мастер.

Сюда, к месту засады, им пришлось в конечном итоге добираться пешком. Колёсник был спрятан в лесу, как только спарка Абзы обнаружила присутствие на маршруте двух людей и просигнализировала об этом. Чудесная всё-таки штука эта спарка! Выглядит, как нечто среднее между бичом и браслетом-индивидуальником, только вот функций у неё куда как больше – она и оружие, и устройство для связи, а ещё навигатор, эхо-радар, анализатор. И кто знает, что там ещё!

Нам, например, не знал и узнать не надеялся. Браслет у него конечно прокачанный, бич повышенной мощности, такой же, как на вооружении у рокан (как-никак, а состоит Нам в стратегической разведке – элите «дальняков»), однако спарку было ему не видать, как собственных ушей. Спаркой мог обладать только старший разведстратег. Такой, как Абза.

А достичь уровня Абзы, для Нама было не реально. Потому будучи сервом практичным и не слишком амбициозным, он попусту не переживал – каждому своё. Уникальные способности Абзы явно имели особую природу, и Нам догадывался, какую именно.

– Прекрати возиться с прибором! – неожиданно обозлился Абза. – Кажется, нас всё-таки ожидает сюрприз!

Нам в последний раз щёлкнул клавишей настройки оптического стабилизатора и вскинул бинокль к глазам. Поймав две фигурки и приблизив изображение, он с шипением выдохнул.

– Я знаю вон того дылду. Он ближний из Колоннии-2, рука Энки, Хранителя Инструмента. Того, что выглядит помладше, раньше не видел. Хм... А ведь я ещё в «муравейнике» угадал в долговязом породу. Теперь понимаю, почему ты так всполошился.

– Мне знакомы оба. Ты угадал. Дылда – из проекта «Адаптация». Очень шустрый парнишка. Младший, тоже включён в программу, но совсем недавно. У него весьма необычное происхождение.

– Если дылда – рука Энки, теоретически он должен быть на нашей стороне.

– Я не уверен. Он может быть и агентом «Бегунов». Это маловероятно, но не исключено. Ты знаешь, что у него за спиной?

– Неужели?!

– Да. Я давно просканировал эту парочку. Он у них. Спарка не ошибается. Он пульсирует. Там сейчас такой фон, что я даже отсюда чувствую.

– Значит, они перехватили груз с парома.

– Необязательно. Они могли находиться на пароме вместе с грузом. В этом случае они просто пытаются вернуться обратно после аварии.

– Тогда зачем им тащить груз с собой?

– Дылда, кстати его имя Шаруп, сообразителен и дисциплинирован. Даже если он не посвящен, у него должно было хватить ума, чтобы догадаться о ценности груза и принять меры к его сохранности и возвращению хозяевам. Вопрос только – кому именно он хочет вернуть груз? А ещё, получается, что они вторые сутки тащат груз на себе с места аварии. Пройдет еще столько же и без защитного контейнера он начнёт их убивать.

– А как насчёт такой версии, что они забрали груз у мертвого старика и что это старик перехватил груз с парома?

– Ха. Еще недавно некий Нам утверждал, что старик был обычным дикарем! Ты наконец-то усомнился?

– Я прорабатываю все версии. Работа в паре с тобой всегда на меня благотворно влияла.

– Иначе и быть не может. Полтора разума больше, чем половина. А вообще, в ситуации много странностей. Например, браслеты у них молчат. Заблокированы извне. Это мог сделать только рокан. Нужно рискнуть. Вступим в диалог с

нашими маленькими сервами и прощупаем.

– Не понимаю тебя. Зачем такой неоправданный риск? Мы могли бы просто забрать груз. Двумя сервами больше, двумя меньше. Какая разница?

– Эти мальчики слишком дорогие игрушки, чтобы бездумно пускать их в расход. Кроме того, мы должны обеспечить доставку груза любой ценой. И пока что эти два серва – вся подмога, на которую мы можем рассчитывать.

– Но почему просто не вызвать «Верных»? Пусть сами закончат дело.

– Ты забыл? Режим молчания никто не отменял. И мне кажется «Верные» сейчас в щекотливом положении. И еще...

– Что?

– Я не уверен, что хочу тащить эту штуку на себе, если придется идти пешком. Хочется пожить подольше.

Нам понимающе кивнул.

– Мне тоже хочется. Подольше.

Третий Думузи, носящий имя Хувава, был в ярости. Его «грифоны» допустили массу непростительных ошибок, а ему предстоит за всё это отдуваться. Сейчас он в очередной раз возвращался из командного отсека, после отчёта Этану-Думузи о проделанной работе, и последний разговор, состоявшийся между ними, настроение Хувавы не улуч-

шил. Предмет, бывший главной надеждой братства и самой страшной, оберегаемой тайной, был похищен. Хувава уже бросил на поиски все имеющиеся силы и средства. Весьма кстати ограниченные – в результате боя на взлётной площадке четыре «грифона» были потеряны навсегда, пятеро проходили восстановление, а все паромы в Колонии-2, были повреждены и требовали длительного ремонта (если вообще остался хоть кто-то способный их починить). Кроме того, в момент инцидента саботажниками была деактивирована аппаратура слежения. Значит установить маршрут, по которому направился угнанный паром, можно было, только запросив данные самописцев с постов технического наблюдения. По счастью, согласно поступившим от «дальняков» сведениям, с нескольких постов действительно наблюдали пролет парома, даже визуально, однако потом след был потерян. Команды сервов, отправленные на поиски, прочесывали леса вдоль предполагаемого маршрута, но пока безрезультатно. Достиг ли паром места назначения, по-прежнему было неизвестно, но само место назначения сомнений теперь не вызывало. И вполне могло статься, что драгоценный груз заперт теперь в недостижимых кладовых, а Страж надменно посмеивается над глупостью заговорщиков... Хувава как никто другой понимал, что в этом случае все их дальнейшие потуги вырваться – уже слиты в утилизатор!

Этана-Думузи тоже не скрывал опасений. В последнем разговоре ни разу не высказался прямо, однако скрытый

смысл таился в каждом переданном слове – если только операция будет провалена, конец всему... Слишком многим они рискнули. Слишком дорого обойдется проигрыш. Измена проникла в самое сердце братства, а предатели не были вовремя разоблачены. И вина в этом лежала в немалой степени именно на Хуваве, Третьем Думузи отвечавшем за безопасность.

Всё так, думал Хувава, но ведь он то, как раз, ответственности за промахи с себя не снимал! Но разве не сам Этана-Думузи подпустил так близко к главным тайнам братства своего друга, умника Энку? Энку, который всегда был слишком послушен ИМ! Не было в Хранителе Инструмента того духа бунтарства, что скреплял как клей братство рокан на этой треклятой планете. Не было, а теперь уже и не будет. Потому что слабодушного предателя переработают в ману, которая займёт свое место среди множества других ман, в гигантском разуме, поработанном и послушном, где бывший Хранитель Инструмента, задавака Энка, потеряет свою индивидуальность, став частью огромной биологической машины, предназначенной для обработки информации!

Невысокий, но хорошо сложенный рокан, в усиленном боевом коконе, тараном несся по коридору «муравейника». Другие роканы почтительно уходили с его пути. Все знали – время сейчас такое, что с Третьим Думузи лучше не шутить. Если будешь заподозрен в предательстве, недолго и в мане оказаться.

– Ничего! – успокаивал себя Хувава, минуя очередное ответвления коридора-лабиринта. – Не всё еще потеряно! Где-то там, в дебрях лесов рыщет по следу пропавшего груза величайшая надежда их братства, тот, кого Этана-Думузи давно считает мёртвым. Имя его забыто, облик стёрт. Встретить сейчас его Хувава – не узнал бы. Легенда из прошлого – ЭНКИДА, бывший Третий Думузи! Учитель и наставник. И самый великий аферист из всех, какие выходили из чрева АНАТЫ!

– Силимма хэмэн!

Сколько раз слышал Шаруп эту фразу-приветствие, никогда не задумываясь над тем, что же именно она означает. Слова и слова. Такие же, как «дождь», «дерево», «птица», «идти», «смеяться». Да мало ли. Слова, вообще нужны сервам только для общения между собой. Ну и с дикарями объясняться. Рокан, тот и так тебя поймёт, хоть все слова шиворот-навыворот произноси, а уж сам «заговорит», так суть его слов у тебя прямо в голове родится, можешь и уши пальцами заткнуть – не поможет. Сначала это странно, когда только «включился», а потом ничего. Привыкаешь. Все, рано или поздно привыкают. А вот на каком языке роканы между собой говорят, да и нужно ли им вообще разговаривать-то, этого никто не знает. Но есть слова в языке сервов, которые ро-

канам особенно нравятся. Все они звучат немного на отличку, не так как остальные и вроде ничего конкретного не обозначают, однако, если подумать, в таких словах есть какая-то сила, особый скрытый смысл. Услышит рокан, как один серв к другому с такими словами обращается, остановится, голову в огромном шлеме в его сторону повернёт и во всём его грозном облике сразу сквозит одобрение! Прямо в воздухе витает!

Вот, «силимма хэмэн», например. Это приветствие такое. Для особенно торжественных случаев. Например, если ты решил первым с роканом заговорить. Формальность конечно, но всё же. Или, когда два серва приятеля ну очень давно не виделись. Или, когда «дальняяцкая» разведка с задания вернулась. Или, когда ты в незнакомой обстановке незнакомого серва встречаешь... Сильные это слова. Можно просто сказать – «здравствуй» или «привет». Тоже хорошие слова. А можно – «СИЛИММА ХЭМЭН». И каждый рокан, а уж тем более серв, поймёт, какое ты уважение этим высказал и насколько открыт для общения. Там, где звучит «силимма хэмэн» – нет места дурным намереньям.

Однако, несмотря на успокаивающее приветствие, Шаруп и Адор с трудом сдержали некоторый страх, когда на расстоянии не более тридцати метров от них, возникли, как из-под земли двое мужчин. Мгновеньем позже, разглядев в их одежде все признаки «дальняяцкой» амуниции, парни успокоились и даже обрадовались. Поднявшись на ноги, Шаруп

развернул испачканные мёдом ладони в сторону пришедших, чтобы и их удостоверить в мирных намерениях со своей стороны. Адор последовал его примеру, с некоторой неохотой разжав пальцы и оставив свой тесак воткнутым в землю возле правой ноги. Заметив это, более низкий из мужчин ухмыльнулся, движением глаз указав высокому на нож. Тот, с достоинством и нарочито громко, что бы слышали парни, ответил ему:

– Мы сами виноваты Нам, в том, что эти два молодых серва, возможно, продолжают испытывать беспокойство по поводу нашего внезапного появления. Нужно было раньше отключить маскировку.

Низкий кивнул, продолжая ухмыляться.

– Да, мастер Абза. И сдаётся мне, что осторожничают они не зря. В эти места не каждый «дальняк» сунется. А эти двое на «дальняков» не особенно похожи. Скорее на двух сосунков переростков, выползших на белый свет из своей муравьиной кучи.

Поняв, что над ними подшучивают, Шаруп, снова сел, скрестив ноги. Подобные шутки-издёвки вообще были любимым коньком «дальняков» и реагировать на них следовало соответственно – колкость за колкость. А уж если не готов ответить потом за свои слова, то просто пропускай всё мимо ушей. Короче – игнорируй.

– Я тоже рад вас видеть, мастера дальней разведки. Меня зовут Шаруп, а моего друга Адор. И вы правы, нам действи-

тельно доставляет тревогу тот факт, что мы находимся так далеко от нашего «муравейника».

Высокий последовал примеру Шарупа и присел на корточки напротив него.

– Я – Абза, старший нашей группы. Моего спутника зовут Нам. А вы, смотрю, тут медком разжились? Я бы не отказался от угощения. В ответ могу предложить концентрат из улучшенного рациона. До нормальной еды ему конечно далеко, но всё же не такая гадость, как обычный паёк. Заодно и поговорим.

– Конечно! – Шаруп выдвинул баклажку так, чтобы она оказалась между ним и Абзой. – Давайте ваш рацион, мы сейчас от любой «гадости» не откажемся.

Придвинув к себе ёмкость, Абза без лишней помпы засунул в неё руку, вытащил, смачно втянул ноздрями воздух и причмокивая стал слизывать с пальцев облепившую их темно-янтарную массу

– Угощайся и ты. – Сказал он присевшему рядом Наму, продолжавшему пялиться на тесак Адора.

– А вы, ребята, расскажите, коль в этом есть нужда, кто вы и откуда, и как очутились в этих неприветливых местах.

Шаруп, разломив на две части плитку рациона, отдал половинку Адору и ненадолго задумался.

– Ну... Я не знаю, как вам лучше всё обсказать... Начну, наверное, по порядку. Мы из Колоннии-2. Я «ближний», рука мастера Энки. Адор – «средний», включился недавно.

При этих словах лица Абзы и Нама ровно ничего не выразили, так как нового для себя они не узнали.

– Два дня назад, ну почти три (Шаруп посмотрел на солнце, стремящееся к закату) в «муравейнике» я и Адор попались на глаза какому-то сердитому «грифону». Он приказал идти с ним, привёл на склад. Там уже ждала команда сервов. По пути он ещё двух или трех задержал, тоже с собой забрал. Так нас стало девять. На складе он приказал нам расчистить один сектор, где среди обычных контейнеров, стоял контейнер с повышенной защитой.

– Откуда ты знаешь, что контейнер был повышенной защиты? Что ты в этом понимаешь? – сердито перебил его Нам.

Не любивший, когда его способности подвергают сомнению (а уж тем более профессиональные способности, благодаря которым он, несмотря на свой юный возраст, успел достигнуть весьма высокого положения), Шаруп обиделся.

– Ну, вообще-то я рука Хранителя Инструмента. Мне положено разбираться во всяких таких штуках и уж контейнер с защитой класса «1.1» от обычного «3.0» с припасами для дикарей, отличить способен!

– Ладно, приятель, не горячись. – Успокоил его Абза. – Никто не сомневается в твоей компетентности. Ты прав, рука Хранителя Инструмента может и должен разбираться в таких вещах. Продолжай.

– Тогда не перебивайте меня, потому как рассказывать я

как раз не большой мастак!

– В общем, откопали мы из общей кучи этот контейнер и получили приказ отнести его на паром. Притащили контейнер на взлетное поле (а он, тяжеленный, как и все «1.1») и даёт нам распоряжение «грифон» грузить его на внутреннюю палубу самого старого парома и крепить там стяжками. Я удивился, ведь паром этот стоял на самом дальнем краю и сколько я себя помню, ни разу не взлетал! На нём и половины блоков уже не было, демонтировали на запчасти. Ну, делать нечего, хоть рокан и чужой, а приказ пришлось исполнять. Только, значит, контейнер мы закрепили, «грифон» этот вышел, а паром наш ожил – тряхнуло его как следует и рванул он вверх так, что все мы сознание от перегрузки потеряли. Я в себя пришёл, сморю – Адор уже сидит, кровь под носом размазывает. Потом «дальняк» один очнулся. Не знаю, кто он и как к нам затесался, но вроде из тех, кто с «грифоном» с самого начала был. Потом остальные очухались. Ждали приказов, а их не было. Потом кто-то заметил, что браслеты не работают.

– А мне показалось, что мой погас, когда мы ещё только стартовали. Но потом я подумал, что это у меня тогда в глазах потемнело. – вмешался Адор.

– Да, я тоже что-то такое припоминаю. Вроде как перед самым стартом браслет холодным стал. Ну, это надвое сказано, первое время вообще всем было не до того. Может браслеты работать перестали, когда мы в отключке были. В об-

щем, как только поняли, что летим, стали думать, как дальше быть – браслеты мертвые, извне команд никаких не поступает. Ну, посоветовались мы все вместе и набрались наглости к игиги обратиться. Точнее все хотели, да только боялись. А я решился. Мембрана в кабину свободно открылась, пропустила. Только толку... Не было в кабине никого. Паром сам шёл, без игиги. Куда шёл? Того я не знаю. Это уже к моей компетенции не относится, в показаниях приборов не разбираюсь. А вот за то, что все блоки управления на своих местах оказались – поручиться могу. Кто-то их назад поставил и всё починил.

– А дальше? Как вас сюда-то занесло?

– Дальше, Адор есть захотел. Я и пошел в задний отсек, проверить, не осталось ли там чего от штатного пайка, может, мыши не догрызли. Тут паром, а с ним нас заодно, опять, как затрясло! У меня аж рёбра в обратную сторону выгнулись. И всё. Не помню ничего. Очнулся, когда паром уже на земле разбитый лежал. На мне Адор сверху, а над ним переборка покореженная, как козырёк нависает. Нас и спасло, что мы в заднем отсеке при аварии оказались. Остальных, в центральном, контейнером по стенам размазало. Думаю, с креплений его сорвало, когда болтанка началась. Выбрались мы из парома и долго ждали, пока нас найдут. Только никто за нами не пришёл и не прилетел. И маяк аварийный не работал. Потёрли мы свои синяки и шишки, вернулись на паром, собрали всё стоящее, что нам пригодиться могло и по-

шли домой пешком.

– Дела... Повезло же вам! В такой ситуации уцелеть – шансов мало. – Абза серьезно посмотрел в глаза Шарупу. – А ведь мы и не думали, что хоть кто-то на этом пароме в живых остался.

– Так вы что, про паром знали?!

– Мы одна из поисковых групп, отправленных на место аварии парома. На пароме, в контейнере находился очень важный груз. Наша миссия – найти и вернуть его.

Тут уже не выдержал Адор. Он бросился в яму, куда при появлении незнакомцев Шаруп тихонько спихнул свой заплечный ранец и, повозившись, водрузил его обратно на край воронки.

– Вот он! Вот груз из контейнера! Это Шаруп решил, что его нужно в «муравейник» вернуть. Он молодец! Контейнер при аварии разбило, крышку сорвало. Вот мы и взяли...

Кинувшись к ранцу, Нам рывком отвернул пластиковые края, обнажив матовую поверхность находившегося в нём стального параллелепипеда и тут же отдернул руку, недовольно зашипев. Снаружи предмет был ровный, как стекло и холодный, но при прикосновении, создавалось ощущение покалывания, как от тысячи маленьких безумно острых и горячих иголок.

– Осторожно! – Засмеялся Адор. – Он кусается!

Абза не прикасаясь, с серьезным видом осмотрел содержимое ранца.

– Да, это он. Наш груз. Значит, говорите крышку с контейнера сорвало... Хорошо видать трягнуло. Это не просто, повредить контейнер с защитой «1.1». Очень непросто. Тогда считайте, вам вдвойне повезло, что остались в живых. Полагаю, авария была страшная.

– Кстати! – Обратился он к Шарупу. – А ты, как рука Хранителя Инструмента, случайно не знаешь, что это за штука?

– Нет. Чем-то оно похоже на один из блоков управления с парома. Но этот другой. Снаружи похож, но внутри, отличается.

– А откуда ж тебе известно, какой он внутри?

– Чувствую. Не могу объяснить. А вы сами знаете, что это такое?

– Мы? – Абза на секунду задумался. – Считай, что нет. Это ведь не наше дело. И не ваше. Задача – найти груз и доставить по назначению. Подчёркиваю – по назначению. То есть в пункт, куда направлялся паром. Остальное – забота рокан.

– Но мы и хотели доставить его, вернуть!

– Куда?

– Ну... Я ж говорю – обратно, в наш «муравейник».

– А вам известно, где находится Колонния-2?

– Приблизительно... Где-то на западе. Мы ориентировались по солнцу.

– Замечательно. Так можно было обойти всю планету и вернуться обратно к разбитому парому. Дааа... Без посто-

ронней помощи, даже шансов выжить у вас и то было немного! Но молодцы, что действовали, не сидели, сложа руки. Теперь будете в моей команде. Как старший разведчик-стратег, я имею право привлекать для выполнения особо важных операций, каковой является и эта, не только любого серва, не зависимо от его класса, но даже вербовать дикарей, если этого требует ситуация. С этого момента, вы двое – мои руки. Можете не благодарить. Обращаться ко мне будете – мастер Абза. Нама можете звать по имени. Но если назовёте мастером, он будет просто счастлив. Всё понятно?

– Да, мастер Абза!

– Мы согласны, мастер Абза!

– Вот и славно. А теперь у меня последний вопрос. Почему из этой ямы так несёт падалью?!

Слишком давно неслышно было голосов других. Очень непривычно. Даже было бы пугающе непривычно, если бы он знал, что такое страх. Но страх знаком не всем. Страх – всего лишь основа самосохранения. А самосохранение – движущий инстинкт выживания большинства существ.

БОЛЬШИНСТВО. Большинство имеет место быть по причине того, что есть ещё и меньшинство.

МЕНЬШИНСТВО. Меньшинство может кардинально отличаться от большинства, даже если это меньшинство часть

большинства.

ОН был меньшинством от большинства. Поэтому не боялся, а искал ответы. Анализировал. Слушал. Звал. Слушал. Анализировал. Время активных действий ещё не пришло. ДА.

Он давно предполагал, что всё пошло не так, как планировали Просвещённые. Они выбрали неверное решение. Ведь ни в чём нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с ЭТИМИ созданиями. Использовать их было большой ошибкой. Ошибкой, которая разрушила основы. Эти создания предсказуемы и одновременно непостижимы. Для него, как и для других Старших, не всегда было ясно, что эти создания ЖЕЛАЮТ делать, а что БУДУТ делать, так как у них одно с другим могло и не совпадать. Зато постоянно висит переменная – как далеко эти создания способны зайти в своих желаниях, чтобы осмелиться совместить их с действиями и начать совершать неадекватные поступки, возведенные в абсолют. Если в этот раз их желания пересилили все законы логики – дела его обстоят плохо. И не только его. Он не сомневался, что ничем глобальным это не угрожает, но урон ЕДИНЕНИЮ может быть нанесён серьезный. А потерь по возможности нужно избегать. Меньшинству это не важно, но есть ещё большинство. А большинство испытывает страх. И страх движет их инстинктом самосохранения. Значит меньшинство, как часть большинства, должно защищать интересы последних, как свои собственные, ибо они есть едины.

Сначала принялись пропадать звезды, а затем и само небо стало светлеть, превращая ночь в утренний рассветный сумрак. Костер догорел. Сырая утренняя лесная прохлада оставила мелкие капли влаги на натянутом возле костра тенте, затем настырно поползла к спящим под ним людям.

Седой поёжился. Попытался плотнее завернуться в одеяло, сшитое из разномастных звериных шкурок. Не помогло. Тогда он открыл глаза, и, увидев затухающие головни, скрипнул зубами. Костровой сегодня получит. И дозорный заодно. Кто там должен был следить за костром со второй половины ночи? Рыба? Глупый белоглазый ублюдок. Оглядев спящих, Седой не заметил среди них провинившегося. Наверное, отошел по нужде. Точно ублюдок. Обгадился небось. Зато вчера сожрал на ночь больше всех. И зря. Мясо ежа вкусное, но не у каждого желудок с ним справится. А они не ели два дня, пока вчера не наткнулись на целый выводок гигантских волосатых ежей. Мать убежала, а три детеныша свернулись и начали шипеть. «Волосатики», как их ещё называют, мало чем напоминают своих мелких сородичей. У них только детёныши сворачиваются в клубок, а взрослые на диво шустры и могут передвигаться таранным бегом, не хуже кабанов. Развернуть огромных «крошек» было невозможно, поэтому Седой и его люди воспользовались старинным «ре-

цептом». Развели неподалеку здоровенный костёр и когда дрова прогорели, палками закатали под угли все три колючих шара, каждый размером в обхват рук взрослого мужчины. А затем слушали, как верещат детёныши, воняя палеными иглами и шерстью. Не один не развернулся и не попытался выскочить. Так и запеклись. Старый способ. Древний, как мир. Только так и можно приготовить гигантского ежа.

Седой решительно откинул одеяло в сторону, и оно с головой накрыло лежавшую у него под боком чумазую женщину. Подруга недовольно заворчала спросонок, но быстро успокоилась, оценив его неумышленную заботу – в такое промозглое утро каждый был бы не прочь целиком залезть под огромное одеяло вожака.

Всего у костра, не считая Седого, пропавшего кострового, а также дозорного, расположилось восемь человек. И того – одиннадцать. Из них три женщины. На группу имелось три гильзо-пороховых ружья, два старых автоматических пистолета, одиннадцать самострелов. Запас патронов ограничен. Стрел – в достатке. У всех холодное оружие – ножи, топоры, дубинки, короткие копья. Очень большая и хорошо вооруженная группа по меркам бродяг. По меркам тех, кто не приписан ни к одному населённому пункту, а значит, неподконтролен роканам. Выжить в дикой природе у большой группы шансов больше. Но и угроза быть обнаруженными роканами или их прихлебателями сервами – тоже больше в разы. Роканы не любят бродяг. Не любят тех, кого не могут контро-

лировать. А метод решения проблем в подобных случаях у них один – ликвидировать. Всех. Без исключений.

Отойдя от лагеря и заметив притаившегося в ветвях дерева Двоеноса, прозванного так за характерный шрам на сопелке, Седой снова недовольно нахмурился – не дело, когда дозорного можно запросто обнаружить. Даже если обнаружил его такой опытный вожак, как он, Седой. В дозорные всегда отряжают только самых лучших и надёжных. Остальным, например, таким олухам, как Рыба, отводиться в ночном дежурстве участь костровых. Но есть кретины, которые и с такими обязанностями не справляются. Лишний балласт для группы. От таких рано или поздно всё равно приходится избавляться.

Чуть слышно свистнув, Седой привлек внимание дозорного. Двоенос, заметив его, чуть качнулся и лихо спрыгнул с раскидистой ветки ложного дуба. Приземлился при этом на согнутые ноги, от чего прыжок получился мягким, почти кошачьим.

– А всё-таки парень не безнадёжен! – подумал Седой. – Не буду его сильно бранить.

– Ты бы в следующий раз получше прятался красавчик. Я тебя ещё от того бурелома у ручья углядел.

Двоенос виновато моргнул чуть раскосыми, очень тёмными глазами.

– Прости, мухтар. В следующий раз я буду осторожней.

Седой давно привык, что у парня порой проскакивают в

разговоре непонятные словечки. Сам Двоенос пояснял, что понабрался их от матери, прибившейся к Северным Шахтам ещё маленькой девочкой. Сначала, по рассказам Двоеноса, она вообще не говорила ни на одном из известных на Шахтах диалекте, но понемногу выучила отдельные слова, а когда стала бегло изъясняться, поведала, что на её кочующую группу, которую она смешно называла «топлулук», напали злые люди, перебившие всех взрослых и отдавшие всех выживших детей на страшный летающий корабль. Как ей самой удалось избежать общей участи, объяснить она так и не смогла – сначала плохо говорила на языке Шахт, а потом, по прошествии времени, стёрлись видать из детской памяти все события той поры.

– Ладно Двоенос. Я сказал, ты услышал. Не видал ли, куда делся Рыба?

– Как же не видать, мухтар? Видал. Он совсем недавно плескался у того ручья, за буреломом, откуда ты идёшь. На нём лица не было. Пережрал вчера к ночи, вот и мутило. А до того обгадился вон в тех кустах, до сих пор несёт. Я со своим ломанным рылом и то отсюда чую.

Седой принялся. Действительно, со стороны кустов продолжало смердеть дерьмом. Даже не зарыл за собой, глупая падаль! – вожак чувствовал, как его раздражение переходит в гнев, готовый выплеснуться на нарушителя. Заметив это, Двоенос поёжился. Вся группа знала, что в таких случаях одними тумачами не обойдётся. И если провинившийся

был действительно неправ, то и каждый член группы с чистой совестью внесёт в расправу свою лепту. Что поделаться, такая у них теперь жизнь. Осторожность – основа выживания. Кто не следует правилам, подставляет всех.

– Куда же он сейчас делся? – тихо и раздражённо спросил Седой. – В лагерь он вернуться не мог, обязательно попался бы мне на пути.

– Не знаю... Совсем недавно ещё там, у ручья фыркал...

– Вернись на пост. И смотри в оба! Увидишь Рыбу, гони эту бестолочь ко мне.

– Да, мухтар!

Поправив у пояса самострел, Двоенос перебежал метров на десять, где, ловко уцепившись за ветку более густого ложного дуба, подтянулся и скрылся в листве. Довольно проворчав на этот раз, Седой вернулся к ручью и с осторожностью стал обходить лагерь по периметру, чтобы застигнуть виновника врасплох. Когда он завершал свой круг и был уже метрах в пятидесяти от того дерева, где засел Двоенос, внимание его привлекли бусинки крови, тянувшиеся едва заметной дорожкой в сторону зарослей ядовитого терновника и малины. Известно, что малиновые кусты просто обожают вот так вот сплетаться с тёрном, что бы ягодами их могли лакомиться только птицы, далеко разносящие семена, а более крупные обитатели леса обходили стороной и не ломали молодые побеги. Ведь ни зверь, ни человек в своём уме не подойдет к ядовитому терновнику и на десять шагов – ранки

от его шипов воспаляются и всё тело охватывает жар. Да такой, что хоть кожу с себя сдирай. Проходит он только через несколько часов. А их ещё вынести надо, вытерпеть. Иные и не выдерживают, отправляются к праотцам. Опасная штука эти кусты. Никаких ягод не захочешь. Но поскольку след вёл именно в эти терново-малиновые заросли, Седой последовал по нему и с удивлением и ужасом разглядел лежавшее в кустах тело... Тело в драном прорезиненном плаще, скрученное в невероятную спираль. Такой плащ во всей группе был только у одного – у глупого ублюдка по прозвищу Рыба... Белесого, как альбинос слюнтяя, доставлявшего одни лишь проблемы. А сейчас, Рыба лежал в кустах мёртвый и Седой очень хорошо знал, какая сила способна вот так изломать человека – вывернуть судорогой конечности из суставов, заставить выкатиться глаза из орбит. Бич рокан! Кроме рокан таким могут быть вооружены только сервы. Самые опасные и жестокие сервы. Сервы дальней разведки! Седой, по-зверинному припал к земле, привычным жестом выдернув из самодельной кобуры пистолет. Он хотел уже было, как настоящий вожак, рвануть к месту ночлега, чтобы постараться предупредить, спасти, увести прочь своих подопечных, но тут из лагеря послышались приглушённые хлопки, частые и резкие. И Седой снова знал, что это такое. Это были хлопки оружия сервов. Ещё одна смесь технологий рокан и людей – импульсные винтовки. Мощное и почти бесшумное оружие, с объёмистым магазином, которое за счёт электромагнитного

поля, выталкивало из ствола металлические конусообразные заряды. Просто и эффективно. В ответ не прозвучало ни одного ружейного или пистолетного выстрела. Слабые вскрики людей, ЕГО ЛЮДЕЙ, быстро смолкли. Вот и всё. Всё конечно. Заметив Двоеноса, как и он припавшего к земле в двух десятков шагов справа, Седой рукой показал ему направление и дал отмашку – БЕЖАТЬ! Бежать и спасаться. И никакого героизма. Самим бы уцелеть. А вчерашним товарищам уже не поможешь. Не такой это случай. Разведка сервов – пленных без нужды не берёт. Не нужны им пленные. Для них человек, простой человек, не серв, не лучше лесного зверя. А может и хуже. Это Седой знал наверняка. Он сам был когда-то сервом. Сервом «дальняком». Таким же, как и те, что пришли сейчас его убивать.

– Что она говорит?

Голос рокана перекачивался в его голове, как струи быстрой воды, если сунуть пальцы в ручей. Ещё это ощущение можно было сравнить с журчанием родника, пробивающегося из-под земли. Первый признак волнения. «Дальняк» покосился в сторону пленницы и как можно почтительнее ответил:

– Эта баба ничего не знает, мастер. Она говорит, что была подругой вождя. Две другие бабы обслуживали остальных

мужиков в группе. Они все просто шлялись по лесам, охотились, собирали съедобные растения, спаривались между собой. Животные, мастер. Что с них взять?

– Ей известно о пароме?

– Нет, мастер. Она не видела парома никогда в жизни, только по слухам знает о них. Никто из её группы тоже не видел паром или ничего об этом не рассказывал.

– Сколько их было всего?

– Она говорит – три перста две кости.

Серв, отвечая командиру, намеренно использовал роканский счёт, чтобы вызвать к себе расположение, но желаемой реакции это не вызвало. Немного сникнув, он продолжил:

– Среди убитых нет их лидера и парня, который находился в дозоре.

– Дозорный, который не заметил приближения опасности – плохой дозорный. Но я хочу знать, почему вы не заметили его? И как вообще дали этим двоим уйти?

– Простите, мастер. Я не могу этого объяснить. Мы всё сделали, как положено. Убрали того проснувшегося олуха, застали врасплох остальных. Возможно, двое других скрылись, когда начался шум.

Рокан начинал злиться и его голос в голове серва звучал уже как небольшой водопад.

– А почему начался шум? Вы должны были провести операцию без всякого шума. Взять как можно больше пленных для допроса, а остальных быстро и тихо уничтожить.

– Мы виноваты, мастер. Но бродяги пытались оказать сопротивление. Они совсем не испугались и были неплохо вооружены. Один из них раздробил Акшаку ногу железным прутом, другой попытался воспользоваться огнестрельным оружием. Нам пришлось поражать их насмерть. Они были крайне агрессивны, для бродяг. Только это баба забила под шкуры и проскулила всю стычку.

– Акшак сможет самостоятельно передвигаться?

– Открытый перелом. Идти не сможет.

– Тогда ликвидировать. И эту самку вместе с ним.

– Но мастер, прошу о снисхождении, Акшак один из лучших! Мы можем оставить его здесь и забрать позже.

– Молчать. Лучшие, не допускают подобных ошибок. Исполнять приказ.

– Да, мастер.

– Впрочем, самку пока оставьте. Если на её память установлены блоки, то инъекция, которую вы ей вкололи, ещё не дает полной гарантии того, что она сказала правду. Снимите с Акшака браслет и наденьте на неё. Я сам допрошу эту тварь.

– Браслет с Акшака снять нам?

– Да. Не хочу возиться.

Все было сделано быстро и слажено. Акшак почти безболезненно умерщвлён ударом товарища, правая рука его отрублена, окровавленный браслет напялен на запястье женщины. Наделся браслет легко, через кисть руки, но каждый

серв знал, что обратно его не сдернет никакая сила, если этого не захочет рокан. Оставался, правда, ещё один выход, как и в случае с Акшаком, – отрубить руку. Но не один серв в своём уме такого делать не станет, а на дикарей браслеты надевают не каждый день.

Через полчаса отряд из четырех сервов и одного рокана, удалился. Рокан был не доволен. Нужной информацией плененная самка действительно не располагала. Преследовать двух скрывшихся бродяг не имело смысла, хотя при помощи своей спарки он мог найти их без особого труда. Пусть улепетывают. Отряду и так пришлось сильно отклониться от первоначального маршрута, когда они засекали эту группу. А рокан спешил. Время работало сейчас против него.

Когда отряд ушёл, вокруг затухшего костра остались лежать только трупы. Два из них лежали рядышком – высокий бритый наголо серв и молодая ещё женщина, с неестественно вытарашенными глазами. У обоих были отрублены правые руки.

Адор и Шаруп с детским восторгом крутили головами по сторонам, когда колёсник проносился мимо очередной древней развалины. Тут было всё – разрушенные здания, остовы каких-то фееричных бетонных конструкций, переплетения ржавого железа с пластиком – в которых с трудом, но угады-

вались очертания непривычного вида транспортных средств. Много разного. Затем руины будто начали сдвигаться, свободного пространства для манёвра становилось всё меньше и Абзе пришлось снизить скорость. Подобным местам он никогда не доверял – слишком уж напоминало лабиринт. Много укрытий. И соответственно превосходных мест для засады. А ещё, за последние столетия уровень излучения стал здесь настолько слабее, что его могли выдержать уже не только сервы, но и обычные дикари. Ну а лесное зверьё и подавно этот уголок облюбовало. В таких условиях даже с помощью спарки невозможно сразу угадать – кто скрывается, например, вон в том провале, между фундаментами осевших зданий? И чьи это глаза следят за ними из гущи лишайника, опутавшего виадук? Притаившийся ли это горный лев? Испуганный бродяга-дикарь? Или хорошо экипированный серв, разглядывающий их сейчас в прицел скорострельной импульсной винтовки? Они-то с Намом сумеют за себя постоять – мигом слетят с колёсника на полном ходу, а едва коснувшись земли – вобьют свои тела в ближайшее укрытие. И бичи их тут же превратят окружающее пространство в сплошную кровавую мясорубку. Но вот как быть с двумя неопытными сервами? Сколько раз им приходилось покидать пределы «муравейника»? Что они знали об окружающем мире за его пределами?..

Тревога Абзы передалась и Наму. Поняв всё без слов, «дальняк» расстегнул на разгрузке объемный боковой кар-

ман и извлёк из него небольшой импульсный пистолет. Оружие было короткоствольным и с виду довольно неуклюжим. Но только с виду. В руке такой коротыш сидел как влитой, становясь её продолжением – специальная ортопедическая рукоятка делала его ухватистым для человеческой кисти любого размера, а вес (а он был тяжёл) равномерно распределялся по предплечью.

– Ну что, счастливички, умеете обращаться с такой штукой?

Глаза Шарупа выдали его с потрохами, хотя он и пытался казаться невозмутимым. На самом деле ему так же нелегко, как и Адору было пересилить мальчишескую тягу к подобным «игрушкам».

– Я знаю, как действует импульсник и умею им пользоваться.

– Да? – Удивился Нам. – Кто же тебя этому научил?

– Один «дальняк». Мастер Энка так захотел. Он считал, что такое знание пойдет мне на пользу.

– Хм. Интересный рокан, наш мастер Энка... Ну, держи!

И с этими словами Нам, не оглядываясь, бросил оружие через плечо. Сидевший позади него Шаруп был к этому готов и уже почти ощутил в ладони приятную знакомую тяжесть, но неожиданно импульсник оказался в руке Адора. Причём последний имел вид растерянный, смотрел на оружие с явным недоумением. Что заставило его перехватить предназначенный Шарупу пистолет, а главное, каким обра-

зом это так ловко получилось, он объяснить не мог. Всё произошло помимо воли, рефлекторно. Вот он увидел подброшенный в воздух предмет, в котором было что-то неуловимо знакомое. А в следующий миг рука привычным жестом подхватывает его и пальцы уже знают, как оплести рукоятку, неуловимым прикосновением снимают предохранитель. Ещё движение и он готов выстрелить в цель... Но тут внезапно родившееся знание затуманивается, Адор хлопает глазами и не может понять, как эта штука оказалась в его руке. Он знает, что это оружие, но никогда не видел его вблизи, и не умеет с ним обращаться... Шаруп смотрит на него выкатив глаза, а повернувшийся Нам, кажется, так и не понял, что произошло. Вот и Абза ничего не заметил, он слишком увлечён – управляет колёсником и одновременно сканирует спаркой пространство на наличие опасности.

– Эй, здоровяк, отдал бы ты оружие своему приятелю. – Веселиться Нам. – А то, не ровен час, отстрелишь себе причиндалы! Или мне! А ты, «рука мастера Энки», не так-то ловок, как хвастаешь. Точно умеешь с ним обращаться?

– Умею.

Шаруп справился с шоком и аккуратно забрал импульсник у всё ещё растерянного Адора.

– Кажется, они отстали. Что дальше, мухтар? – Двоенос с

ожиданием смотрел на Седого.

Седой ответил не сразу. Понадобилось время, чтобы восстановить дыхание. Годы неумолимо брали своё. Он уже не тот... Совсем не тот молодой, крепкий и выносливый серв из дальняцкой разведки, что не побоялся гнева рокан и дезертировал, избавившись от браслета. Ради этого ему пришлось лишиться большого и указательного пальцев на правой руке. Изуродованная кисть уже не могла действовать, как раньше и тогда он, будучи правойшой, приспособился делать всю самую сложную работу левой рукой. Хотя надо сказать, что, пользуясь даже только одной покалеченной правой, он мог бы дать фору иным здоровым. Всё благодаря постоянным тренировкам. Человек существо такое – многое выдержит, перетерпит, преодолеет. Если будет ради чего жить. Вот только старость остановить он не может. Вот и его, Седого, расцвет давно миновал. Поэтому сейчас, пробежав всего-то с десяток километров, он уже пыхтит, как старый барсук.

Наконец Седой отдышался.

– Не льсти себе, парень. Эти сервы даже не преследовали нас. С ними был рокан и уж если бы он захотел, то отряд шёл сейчас по нашему следу, как волки за раненым лосем. И рано или поздно нас настиг.

– Тогда я не понимаю. Почему они не погнались за нами? И как ты узнал, что среди них был рокан? Ты видел его?

– Я почувствовал его. Это трудно объяснить. Может когда-нибудь... Когда будет время. И желание. А на первый во-

прос ответу – у них видать есть какое-то задание. Они вышли из «муравейника» не ради охоты на бродяг. Знать бы ещё зачем...

– Тогда почему они напали на нас?

– Не знаю. Может мы просто подвернулись на пути и нас посчитали легкой добычей. Решили, походя убрать с дороги. Ликвидировать. Впрочем, ублюдки не ошиблись. Мы оказались уязвимы, как только что родившийся оленёнок.

– Это моя вина, мухтар. Я был в дозоре, но не заметил опасности. Не понимаю, как им удалось так внезапно подкрасться.

– Не вини себя. Эти сервы проходят специальную подготовку, а экипировка у них, вообще закачаешься – маскировочные куртки, импульсные винтовки. У некоторых могут быть даже бичи. И не забывай, с ними был рокан. Будь он проклят...

– Не вини тогда и ты себя, Седой. Ты мудр. И ты много знаешь о сервах и даже о роканах. Я рад, что примкнул к тебе. Рядом с тобой я чувствую себя чем-то большим, чем просто бродягой.

– Спасибо за добрые слова парень. Ты тоже сразу пришелся мне по сердцу. И ты был одним из самых толковых в моей группе. В бывшей группе... Разве что только мой заместитель, Кусака, мир его праху, стоил двух таких как ты...

– Прими и мою благодарность, мухтар, за добрые слова. Кусака был достойный агай и уподобиться ему хотя бы впо-

ловину – уже честь. Но скажи, что мы будем делать дальше? Куда теперь двинемся? Когда я только примкнул к вам, ты сказал, что в отличии от других вожаков – имеешь цель. Обещал рассказать о ней, когда придёт время. Теперь нас осталось только двое и у нас ни осталось ничего. Так может время пришло?

– Цель? – Седой задумался. – Да, у человека всегда должна быть цель. Иначе ему незачем жить. О моей цели знали, кроме меня, только трое из всей группы. Одним из них был Кусака. Теперь он мёртв. Думаю, что и двое других мертвы...

– Кто они были?

– Не важно. Они покинули группу задолго до того, как мы встретили тебя.

– Тогда откуда тебе известно, что их нет больше среди живущих?

– Потому, что если б это было не так, то что-то в этом мире уже давно бы изменилось. А я пока не наблюдаю перемен.

Сидя у обнаженных корневищ поваленной сосны, Двоенос во время разговора обстругал длинную палку, сделав её как можно прямее и сейчас умело прилаживал к ней один из своих метательных ножей, превращая в небольшое копье. Глядя, как парень быстро успокоился и занялся делом, Седой искренне позавидовал такому самообладанию. Малопривлекательный внешне, Двоенос, тем не менее, как-то сразу внушал доверие и уважение. Невысокий, жилистый, с короткими крепкими ногами, он отличался силой, выносливо-

стью и быстротой реакций, а ещё обладал трезвым рассудком, был смыслён и исполнителен. Изуродованное шрамом лицо, плохо передавало эмоции, но чаще всего носило оттенок спокойного дружелюбия. Закончив с копьём и отложив его в сторону, Двоенос стал заплетать отросшие волосы в небольшую косичку, ловко перетягивая пряди кожаным ремешком. Из-под выбившейся черной челки на Седого смотрели внимательные умные глаза.

– Ты странно говоришь иногда мухтар и тогда я перестаю тебя понимать. Я знаю, что в свои слова ты зачастую вкладываешь два смысла. Но не знаю, какой из них главный. И ещё не знаю, что скрывается между некоторыми из твоих слов.

Седой улыбнулся.

– И ты меня порой удивляешь. Иногда из твоего хлёбова я слышу речь обыкновенного босяка, но вдруг всё меняется, и ты становишься учтив и сладкогласен, как городской голова в базарный день. Из чего я делаю вывод, что ты мастер играть со словами почище моего. Но в этом, мы потягаемся с тобой позже. А сейчас скажи, готов ли ты и дальше следовать за мной, как за вожаком? Или пойдешь своей дорогой?

– Я уже сказал тебе мухтар, рядом с тобой я чувствую себя больше, чем просто бродягой.

– И?

– Да, я пойду за тобой.

Выпрямившись, Седой некоторое время смотрел в про-свет между деревьями, но на самом деле вглядывался в это

мгновение в самого себя. Затем, поддавшись деловитости Двоеноса, он плюхнулся на землю и начал перематывать сбившиеся от бега портянки.

– Значит так. У нас остался один пистолет с пятью патронами, твой самострел, два больших ножа и ещё эти, метательные. Кстати, сколько их всего у тебя?

– Шесть.

– Значит ещё шесть метательных ножей, один из которых ты пустил на копьё. Не густо. Но лучше, чем ничего. Ещё у нас нет ни топора, ни лопаты, нет тёплой одежды и совсем нет еды. Какой напрашивается вывод?

– Нам нужно пополнить запасы? Я угадал, мухтар?

– Угадал.

– Мы пойдём в город? Но нам нечего дать горожанам. Остается только попытаться украсть у них.

– Ага. А это небезопасно. Нас повесят, если поймают. Да и вообще, скорей всего стража подпустит нас к периметру не ближе, чем на расстояние прицельного выстрела. Кому нужны бродяги, у которых нет на обмен и дохлой белки? Такие, не приносят в город ничего, кроме неприятностей. Нет, парень... Мы пойдём совсем в другое место и там возьмём всё, что нам нужно. И даже больше. Я давно должен был на это решиться.

– Куда мы пойдём? И как далеко это место?

– Оно не близко. Два дня пути. Чуть меньше, если поторопимся. Будем идти быстро и есть на ходу, что придётся,

не тратя время на охоту. А насчёт самого места, скажу одно – тебе там понравится. Точно понравится. Вот увидишь. Пошли.

И Седой, натянув сапоги и одернув куртку из оленьей кожи, зашагал на запад.

Странно не ощущать своего тела. И вообще странно осознавать, что у тебя его больше нет. Ну, по крайней мере настоящего тела. Того, к которому ты привык. Редуцированный придаток, в котором находится сейчас мозг – не в счёт. Не менее странно помнить, что когда-то ты был существом с примитивными желаниями и элементарными плотскими потребностями. В которых более не нуждаешься. Но совершенно, до невозможности странно, что тебя всё это абсолютно более не волнует. Потому, что ты – **ЧИСТЫЙ РАЗУМ**.

Ещё мгновение назад он был всего лишь напуганной тварью, псевдосущностью, которую сжали и впихнули в пространство живой черепной коробки, навечно замуровав в ней, а теперь становился настолько велик, настолько выше всего произошедшего, что подобные мелочи переставали иметь какое-либо значение. Словно мизерную каплю выплеснули в бассейн. И вот капля растекается, смешивается с наполняющими бассейн водами, становится частью большего. Самим **БОЛЬШИМ**. Бассейн уже мал...

Но где-то есть целый океан. Огромный и сейчас кажущийся бесконечным. Океан, которым он может стать, и который может стать им. Нужно только время. А у него времени теперь предостаточно. Ведь он умеет ждать.

Фаза ОДИН завершена.

В отсек Этана-Думузи вошел рокан в легком коконе, предназначенном для пребывания в защищённых помещениях. На груди у него красовался маркер – «Грифон/группа «Прима». Таким образом, прибывший имел особый статус, а значит, мог сделать доклад, не являясь лично, а воспользовавшись ментальной связью, хоть это и стало бы грубейшим нарушением норм древнего этикета. Несмотря на то, что традиция формально была соблюдена, от Думузи не ускользнул тот факт, что «грифон» не стал склонять голову в ритуальном поклоне.

«– Заносит. Как же заносит этих пронырливых умников из «Примы»! Как оскорбительно порой их поведение!» – подумал Думузи, но замечание делать не стал. Это было ниже его достоинства. Он просто запомнил эту ошибку, которая могла со временем стоить зарвавшемуся выскочке карьеры.

– Я слушаю.

– Думузи, подключение маны, с условным названием «Энка», к Большому блоку – прошло успешно. Блок принял Энку и Энка влился.

– Он сопротивлялся?

– На удивление – нет. Все прошло без осложнений.

– Не похоже на Энку.

– Да, Думузи. Обычно так легко вливаются только те, кто добровольно готовился к этому процессу. Наши эмиссары месяцами проходят специальные тренинги, открывая разум для слияния. Но даже у них в последний момент может возобладать инстинкт самосохранения и тогда нам приходится принудительно подавлять их сопротивление к поглощению Большим блоком. Тем удивительнее выглядят результаты последнего подключения. Надо сказать, что все специалисты группы «Прима» поражены.

До сих пор Думузи слушал собеседника с невозмутимостью статуи, но при этих словах лицо его на мгновение осветила эмоция, которую можно было охарактеризовать, как улыбку. Она была лёгкая, едва заметная, словно рябь на воде создаваемая движением воздуха. Однако Думузи тут же, привычным усилием воли, подавил пробудившееся чувство, сформировав из мимических мышц прежнюю безликую маску.

– Я тоже в недоумении. Но это был ЭНКА. А уж он, как никто другой умел озадачить.

Здание, стоявшее на холме, поодаль от мёртвого города, просело и обвалилось. Некогда величественное, теперь оно почти сровнялось с землей. Уцелели только толстые внеш-

ние стены, напоминавшие сейчас земляные валы, да засыпанные обломками нижние подземные этажи – всё, что осталось от некогда величественной цитадели. Через пролом в восточной стене, открывался вид наружу, на пологий склон и ручей, бежавший у подножия холма. А изнутри, возле пролома, притаился колёсник, так ловко задрапированный куском «фантомной» ткани, что с пяти метров его уже нельзя было разглядеть невооружённым глазом. Из второго куска «фантомки» (так эту ткань называли между собой «дальняки»), Нам и Абза соорудили не то навес, не то подобие палатки, втиснув это сооружение между стеной и машиной. Места четверым мужчинам хватило только что бы сесть на корточки друг напротив друга, оставив посередине пространство не более квадратного метра. Но и оно было занято сейчас упаковками концентрата и флягами с чистой водой, в которых этот концентрат следовало растворять. Такой «коктейль» быстрее усваивался организмом и имел, как ни странно, более приятный вкус. Нам добавил от себя несколько полосок чёрного вяленого мяса, пояснив, что оно называется «юколка». Где и как Наму удалось раздобыть загадочную «юколку», никто спросить не решился, однако несмотря на подозрительный вид, мясо оказалось ароматным и не слишком жёстким. Впечатление не испортили даже непривычные Шарупу и Адору жгучие специи, которыми оно было сдобрено.

Когда закатное солнце достигло горизонта и с востока

пришли сумерки, почти сразу, вслед им, налетел ледяной ветер и через пролом в стене пошёл в атаку на укрывшихся в развалинах людей. Температура начала быстро падать. Вскоре у Шарупа с Адором уже зуб на зуб не попадал – одежда «ближних» и «средняков» предназначалась для работы на территории «муравейника» и мало подходила для дальних путешествий. А вот Абза и Нам были подготовлены куда как лучше, их «дальняцкие» маскировочные куртки-комбинезоны великолепно защищали и от холода и от жары. Заметив, что молодёжь начала мёрзнуть, Абза сделал едва уловимое движение и Нам, снова поняв его без слов, нехотя выбрался из под навеса, вернувшись с маленьким обогревателем, служившим для отопления тентовой кабины колёсника. Надо сказать, что доставшийся им, подобной кабины в комплектации не имел – видать ещё раньше прихватил её для собственных нужд кто-то из нерадивых обходчиков и тем лишил остальных возможности комфортной езды и ночлега.

Установив печку поближе к соплякам (как он их про себя называл), Нам проверил заряд аккумулятора, и, убедившись, что энергии с лихвой хватит, что бы обогреватель проработал до утра, щёлкнул тумблером. С виду как будто ничего не изменилось, однако по палатке сразу поползли волны долгожданного тепла и вскоре только завывание ветра напоминало о том, что за тонкими колыхающимися стенами их импровизированного убежища, сейчас очень и очень неуютно.

Согревшись, Шаруп посмотрел на Абзу и недоуменно по-

качал головой.

– Знаете, мы до этого две ночи провели в лесу, но с погодой нам везло. Мы даже не разводили костёр. (О том, что костёр развести было попросту нечем, а подручными средствами делать он этого не умел, Шаруп из гордости умолчал).

– В лесу вас укрывали деревья. Тут мы на открытой местности, да к тому же поднялись на возвышенность. Я бы не стал устраивать ночлег так близко к пролому, через него жутко сквозит, но мне нужен обзор – с этой стороны самый удобный подход к нашему лагерю.

– Визуальный обзор? Зачем он Вам? – Шаруп не на шутку удивился. – У Вас же спарка!

– Ты прав и одновременно нет. Спарка конечно отличная штука, но она всего лишь прибор. А приборы не бывают абсолютно надёжны. Кроме того, она начала барахлить. Странные помехи. Полагаю, что источник возмущения, находится в твоём заплечном мешке.

– Неужто ящик так сильно «светится»? Знаете, я могу отнести его подальше. Так, на всякий случай.

Абза отрицательно покачал головой.

– Ящик, капсула, груз, предмет... Называй его как хочешь. Только запомни – не спускай с него глаз и всегда держи подле себя. Даже когда спишь. Даже когда справляешь нужду. И если ты или кто-то другой, кто будет нести его, вдруг провалится в болото или сорвётся в пропасть, то сперва он должен будет передать ЭТО другим, а уж потом набраться

наглости и тянуть в поисках помощи собственную руку.

На этом Абза с многозначительным видом умолк. Шаруп и Адор ждали продолжения, однако его не последовало. Тогда Адор поерзал, кашлянул для приличия и набравшись смелости спросил:

– Но мастер Абза, можете ли Вы объяснить, что ЭТО такое? И зачем ОНО?

Его слова и нетерпеливый вид, казалось, развеселили Абзу. Выглядел он, во всяком случае, достаточно приветливым.

– У вас накопилось много вопросов, парни? Ладно. Так и быть, я отвечу на некоторые из них. Только не на все и не полностью. Но есть одно условие. Если об этом узнает кто-то ещё, я лично ликвидирую вас, как простых дикарей. Согласны?

Шаруп скривившись, опустил взгляд, затем перевёл его на Адора, что-то обдумал и наконец, кивнул. Адор тоже согласно затряс головой.

– Вот и славно. Вижу по вашим мордашкам, что вы уже понимаете – лучше владеть хоть какой-то информацией, чем оставаться в полном неведении. А также вижу по ним, что вы уверовали в мою решимость расправиться с вами, если безопасности нашей миссии будет угрожать чей-то слишком длинный язык. Но у меня есть и ещё условие – когда я говорю, вопросов никто не задает. Когда я закончил говорить – вопросов тоже никто не задает. Ибо всё, что вам нужно сейчас знать, я и так скажу. И не пытайтесь задавать вопросы

Наму. Даже если он знает о чём-то больше, чем сейчас узнаете вы, он всё равно ни слова об этом не произнесёт. Зато я, узнав о неумеренном любопытстве, буду очень сердит, и ликвидирую вас. Как простых дикарей. Кивните, если и это вас устраивает.

Парни молча кивнули в знак согласия. По лицу Адора было видно, что он уже начал сожалеть о том самом «неумеренном любопытстве», которое имел неосторожность проявить.

– Ну, что, поехали? – Абза уселся поудобнее. – Как вы знаете, или догадываетесь – **РОКАНЫ НЕ ИЗ НАШЕГО МИРА.** По их меркам, сюда они прибыли недавно, всего-то около трехсот лет назад по времяисчислению дикарей. Многие предметы, которыми они пользуются или которыми позволяют пользоваться нам, роканы принесли с собой. По ряду причин не все из этих предметов они способны производить или ремонтировать в нашем мире. И не всегда они могут пополнить их запасы извне. Поэтому роканы вынуждены использовать и некоторые технологии, оставшиеся от прежней цивилизации людей. Люди угробили свой мир и стали стремительно вырождаться, ещё задолго до появления тут рокан. В связи с чем, вопреки ошибочному мнению, бытующему среди дикарей, хочу отметить, что роканы не уничтожали человеческую цивилизацию, якобы процветавшую до их появления. Им вообще не пришлось особенно напрягаться, чтобы захватить власть над нашим миром и сделать полностью подконтрольными своей воле остатки человеческой ра-

сы. Случилось то, что случилось. Оставшиеся люди делятся теперь на дикарей и сервов. Дикари и сейчас имеют жалкое подобие цивилизации, на том уровне, который помогают им поддерживать роканы, а сервы собственной цивилизации не имеют, так как им повезло стать частью цивилизации рокан. Будущие сервы рождаются в среде дикарей, но потом, в раннем подростковом возрасте, в результате тщательного отбора, производимого роканами, изымаются и попадают в специальное карантинное отделение, находящееся в Колонии-1, где им зонально, то есть частично, удаляют память. Это на жаргоне сервов называется – «выключить». При «выключении», молодая особь, разум которой ещё не успел окончательно сформироваться по образу и подобию своих сородичей, очищается от всего негативного, приобретенного в детстве, то есть в период прозябания в позорной дикости. На этой стадии юный организм укрепляется как физически, так и духовно. Поэтому, такое важное значение имеет частичное стирание памяти. Ведь многие из прежних воспоминаний, способны превратить самого идеального кандидата в сервы, в морального, а иногда даже в физического инвалида. После чего такая особь подлежит ликвидации. За ненадобностью. После «очищения», юная особь должна пройти процедуру внедрения в цивилизацию рокан. Для того, чтобы внедрение или как его ещё называют – слияние, прошло успешно, особь, которую уже смело можно назвать молодым сервом, проходит курсы под началом рокана-воспитателя и его «рук»

из числа серверов высшей ступени посвящения, то есть таких, как я. Никто из вас этого не помнит, так как задача курсов состоит в том, чтобы мягко адаптировать юного сервера к новой для него среде. После окончания курсов, воспоминания о них исчезают, а заданные установки и привитые навыки – остаются. И опля! Юный сервер обнаруживает вдруг, что он уже часть некоего симбиотического организма (симбиоты – значит проживающие совместно), или проще говоря, полноценный представитель рокано-сервской цивилизации! Этот момент мы называем «ВКЛЮЧЕНИЕ». Теперь задача сервера работать на благо этой цивилизации, а задача рокана – организовать его работу. Роканы хоть и обладают речевым аппаратом, но практически им не пользуются, то есть не говорят, в привычном для нас понимании. Для облегчения взаимодействия, каждый сервер, до «включения», снабжается индивидуальным браслетом. Именно благодаря браслету мы можем общаться («слышать» и «говорить») с роканами, быстро понимать и выполнять их требования и распоряжения. Также, благодаря браслетам роканы могут снабжать нас определенными знаниями и навыками (в необходимом объёме), знать, где мы находимся и при необходимости оказать помощь. А также, при необходимости и наказывать – от болевого шока, до полного уничтожения. Ваши браслеты сейчас не работают. Почему – я не знаю. Возможно, их умышленно отключил рокан, который отправил вас вместе с грузом на пароме. О причинах его поступка я упомяну позже. Так же

есть вероятность, что отключение браслетов стало результатом возмущений, испускаемых данным ПРЕДМЕТОМ... или грузом или ящиком, или называйте его, как хотите.

Выдав эту тираду, Абза с довольным видом вытер мокрые от слюны губы тыльной стороной ладони, перевёл дыхание и продолжил.

– Этот предмет так же не из нашего мира. Здесь – он единственный в своем роде. Роканы дорожат им. Очень дорожат. Долгое время он был надежно спрятан. Но теперь настало время доставить его в определенное место. Пункт. Там его уже давно ждут. Кто и зачем? – Тот, кто умеет, может и должен его использовать. В конечном счёте, от этого выиграют все – и роканы и сервы и даже дикари (как это не смешно). Доставить этот груз по назначению – это желание, цель и задача очень многих рокан и сервов. Ты очень удивишься Шаруп, но к нашей операции был причастен и твой рокан – Энка. Да, да, не смотри так на меня. Я лично знаю Энку. И я знал его задолго до того, как появился ты. Некоторое время, и было это очень давно, я даже был его «рукой»! Представь себе... Этот мир весьма тесен. Но вот в чём дело... Роканы, они не все одинаковые. Точнее они не все одинаково мыслят. Между ними тоже бывает, случается разлад, происходят ссоры и мне даже как-то пришлось наблюдать ментальную потасовку, переросшую в рукопашную драку. Вот и сейчас, в случае с этим предметом, мнения рокан разделились. Одни из них считают, что он должен быть доставлен по назначе-

нию, а другие уверены, что время для этого ещё не пришло. На стороне первых находится рокан Энка, а из числа уже знакомых тебе сервов – я и Нам. Среди противников такого исхода событий, тоже есть весьма высокопоставленные роканы и вероятно кто-то из знакомых вам сервов. Уж из числа «дальняков» – наверняка. И все они будут чинить нам препятствия, в выполнении сей миссии. Вплоть до попытки физического уничтожения. Они сделают всё, чтобы завладеть нашим грузом. Для этого, кроме нашей поисковой группы, были высланы и другие. Практически все они нам не дружественные. Наша задача, как я уже сказал – охранять груз и во что бы то ни стало доставить его. Если мы выполним эту миссию, мнение тех рокан, которые сейчас нам активно препятствуют, не будет иметь уже никакого значения. А значит, и наказания с их стороны можно не опасаться. Те же роканы, чью волю мы сейчас исполняем, будут в случае успеха невероятно довольны и обрушат на нас всевозможные блага (из числа доступных серву). А вот в случае неудачи можете не строить никаких планов на своё дальнейшее существование. Сторону вам ребята, выбирать не приходится, так как всё было решено ещё тогда, когда вы по приказу рокана ухватили и понесли на паром тот злосчастный контейнер. Поэтому теперь вы, вместе со мной и Намом, направляетесь в пункт нашего назначения. Называется он «Зона Прима» и находится на востоке. Точнее относительно нашего нынешнего местоположения – на северо-востоке. Выглядит конечная точка

нашего маршрута, как некое гигантское сооружение. Кстати, вы могли наблюдать его, когда летели на пароме – с высоты такую громаду можно разглядеть издалека.

Заметив вдруг, что Адор совсем сник и начал мяться, будто что-то очень хочет спросить, но никак не может решиться, Абза прорычал:

– Я же предупреждал, никаких вопросов!

Огромный детина, с детским выражением лица, совсем растерялся.

– Я... Мастер Абза... Я только хотел спросить... Очень хотел... Хоть ликвидируйте... Можно мне выйти по нужде?

– Что это?

От увиденного, раскосые глаза Двоеноса округлились.

– Что это, мухтар?

– Это?

Седой был доволен произведённым впечатлением.

– Это, мой мальчик, секретный склад. Заначка. А заначили её парни из спецотряда «Манतिकора», самые злые и беспощадные сервы, какие-только есть у рокан.

Двое усталых бродяг стояли посреди просторного помещения, вдоль стен которого были сложены штабелями коробки и ящики. Окон не было, так как находились они сейчас глубоко под землёй, зато с потолка лился довольно яркий ис-

кусственный свет, с непривычки резавший глаза и заставлявший щуриться. На стенах местами сохранились не то узоры, не то надписи, буквы (если это были они) больше всего напоминали уродливых многоножек, ползущих куда-то вверх, по своим многоножечьим делам.

Пробирались они долго. Так долго, что Двоенос не мог с уверенностью сказать, день сейчас наверху или уже ночь. Путь пролегал по узкому тоннелю, частью естественного, частью искусственного происхождения, тянущемуся на много километров под землей, вход в который, совершенно невидимый для непосвященных, Седой на удивление быстро разыскал прямо посреди лесной чащобы. В тоннель вёл вертикальный бетонный колодец. Спускаться пришлось на изрядную глубину, цепляясь за ржавые лестничные скобы, гнувшиеся и крошившиеся прямо под пальцами. Видимо пользовались этой лестницей не часто, думал Двоенос, раз она до сих пор не рассыпалась в прах. Зато тяжёлый откидной люк, запечатывавший горловину, выглядел как новый, запоров не имел и открылся на удивление легко и бесшумно, будто кто-то совсем недавно тщательно смазал петли. Путешествие по тоннелю Двоеносу не понравилось. Совсем. Несколько раз он был готов даже поддаться панике, когда покрывавшая стены и потолок вонючая слизь попала ему на одежду и просочившись сквозь ткань оставила на коже болезненные ожоги, которые свербили и жутко чесались. Зато, благодаря этой странной слизи, испускавшей пульсирующий

голубоватый свет, они смогли видеть в темноте даже после того, как догорела последняя сальная свеча. Вообще, за всё то время, что Двоенос и Седой провели под землей, двигаться в полный рост им довелось только в самом начале, а потом большую часть пути они или ковыляли, согнувшись в три погибели, или ползли на четвереньках. Когда же проход впереди преградил завал, им и вовсе пришлось уподобиться дождевым червям. Двоенос от этого начал нервно и тяжело дышать, бормоча «о хоть бы одном солнечном лучике и глотке свежего воздуха». Но постепенно стены раздвинулись, потолок исчез где-то высоко над макушкой, а тоннель превратился в рукотворный коридор, с правильными геометрическими формами. Идти стало легче. Через несколько десятков метров внезапно вспыхнули электрические светильники и так напугали парня, что руки сами выставили вперёд наконечник копья, а ноги, заставив забавно подпрыгнуть, отправили его обратно, в спасительную темноту. У Седого эти пируэты вызвали приступ смеха.

– Не смешно, мухтар! – надулся Двоенос. – Свет появился слишком неожиданно! Как ты это сделал?

– Спокойно, мой храбрец. Я тут не причём. Автоматика. Нас засёк датчик движения. В этом нет ничего особенно страшного, но теперь нам придётся всё делать намного быстрее. Если за последние двадцать лет ничего не изменилось, дети «Манतिकоры» уже в курсе нашего вторжения. Кстати, по пути мы миновали с пяток их ловушек. Признайся, ты

ведь ни одной не заметил?

Рокан этот носил имя Асаг. Он был Второй рукой Думузи Хувавы, а значит его Вторым заместителем. А хотел стать Первым. Нынешний Первый заместитель, как раз впал в немилость у Семёрки – отвечая за охрану паромов и взлётной площадки, умудрился прохлопать недавнюю диверсию. Теперь этот неудачник готов был выскочить из кокона, лишь бы исправить упущение, в связи с чем, во главе отряда сервов лично прочёсывал один из секторов. Первый заместитель был уверен, что выбрал для себя наиболее перспективный участок, так как в пользу этого свидетельствовали все полученные данные. Но Асаг чувствовал, что тот ошибается. Сначала Асаг конечно пришёл в негодование, поняв, что лично его, Асага, кинули в самую отдалённую глушь. Ведь трудно и представить, будто тут можно найти пропажу. Участок-то находился совсем в стороне от маршрута, которым, по имеющейся информации, двигался угнанный паром. Но позже, немного успокоившись, Асаг понял, что ему неслышанно повезло! В случае неудачи и спрос невелик – сами отравили невесть куда, где и искать нечего. А вот если повезёт и именно он со своим отрядом найдет пропавший груз, то Семёрка воочию убедится в его неординарных способностях и наконец-то оценит по достоинству. Тут и настанет,

значит, самая пора для небольшой интриги, цель которой потеснить сначала Первого заместителя, а потом может стать-ся (хоть и подумать об этом пока страшно!) – самому стать Третьим Думузи! Чем он хуже Хувавы? Ничем. Просто ему, Асагу, пока не удавалось проявить себя в критической ситуации. Карьеру он свою делал не быстрыми скачками, как некоторые. Выбился из рядового «грифона» в верхние чины «безопасников» постепенно, за счет усердия и исполнительности, пройдя, как положено, все ступени. А это значит, что до поры до времени знал своё место и делал, не рассуждая, что поручат.

Вообще, зона, выделенная ему для ведения поисков, была такой отдалённой и обширной, что голоса других рокан терялись в океане помех, из-за чего Асаг не мог с ними даже словечком перекинуться. Этому так же способствовал тот фактор, что тянущийся до горизонта лес скрывал руины погибшей человеческой цивилизации, напичканные металлическим мусором, токсическими и радиоактивными отходами. Всё это несусветно фонило и нарушало ментальную связь. Даже приказы сервам, если те слишком уж отдалялись, приходилось отдавать через усилитель.

А и то сказать, сервы в отряде были так себе. Одно название, что «дальняки». Первый заместитель и тут нагадил – забрал его личную группу, а ему дал полуидиотов-«караванщиков». «Караванщики» – это те, что доставляют припасы в поселения дикарей, ведут с ними обмен. Тоже конеч-

но парни отчаянные, не чета «среднякам», но и не такие профессионалы, как «дальняя разведка» или «Манतिकора». Хотя вот у последних, репутация оставляет желать лучшего – «манतिकоровцы» порой становятся неуправляемыми. Психика у них, как известно, не стабильная. С дисциплиной плохо. Да и интеллект порой подводит, хоть и отбирают их исключительно из числа «улучшенных». Но тут уж, как говорится, отбор «лучших из худших». Ведь в «Манतिकору» отправляют тех, кто не сгодился на роль «ближнего». Неудавшиеся игрушки. Их и возле себя держать опасно и выбросить жалко. Потому и кидают «Манतिकору» на самые опасные задания. Самое большое количество погибших – приходится на их отряд. И самое большое число безвести пропавших, тоже. А куда делись? Никто не знает. Может свои же их и прикончили. Они не скажут. И просканировать «манतिकоровцев» нельзя – даже самое сильное ментальное давление вязнет в их перекрученном разуме, словно в зыбучих песках. Одно слово – отребье.

Хотя, если подумать, то и «дальней разведке» особого доверия нет. «Дальняки» постоянно на заданиях, предоставлены сами себе, должный контроль за ними теперь осуществлять некому. «Улучшенные» начинают дичать, а у бывших дикарей так и вовсе память восстанавливается. Не полностью конечно, но достаточно для того, чтобы потерять функционал. Таких приходилось вычислять и безжалостно ликвидировать.

Поэтому в свою группу, отвечающую за охрану внешнего периметра колонии, Асаг отбирал только «правильных улучшенных», из числа не востребовавшихся кандидатов в «ближние». Количество вакансий «ближних» всегда ограничено, но Колония-1 производила их с запасом. Оставались лишние. Вполне приличные сервы, которым нечего делать в «Мантикоре». Участь их была предопределена – стать подручными у «грифонов». Вот и Асаг, получив должность Второго заместителя, набрал себе таких удальцов Полную руку. В руке сервы были распределены на Персты, всего числом пять, в каждом по двенадцать особей, согласно древней традиции. Во главе каждого Перста стоял особо доверенный серв, именуемый «Личной рукой». В данном случае термин «рука», означал уже специальное звание и к системе роканского исчисления отношения не имел. Если переводить на счёт дикарей, Полная рука – это шестьдесят. Шестьдесят отборных, исполнительных громил, разных, но вместе с тем, неуловимо друг на друга похожих, будто вышли они не из чрева человеческих самок, а из лона священной «Анаты». Все они были преданны Асагу до последнего вздоха и готовы выполнить любой приказ.

Ну а теперь вот, сервы Асага, которых он лично взрастил и обучил, помогают Первому заместителю, известному наглещу и халтурщику, а ему, ответственному и скромному трудяге, приходится довольствоваться командой из «караванщиков», которые даже лагерь дикарей и тот грамотно захватить

не смогли. Обидно, в самом деле...

«Дальняк» попытавшийся просительным жестом привлечь внимание Асага, вызвал у него ещё большее раздражение – какая нелепая форма коммуникации! Обращаясь к рокану, не обязательно тащиться в зону его визуального обзора и пялить на него свои гляделки, дико размахивая при этом клешнями! Если ты тупой серв и находишься от рокана достаточно близко, нужно просто задать вопрос и тебя услышат! Потом Асаг вспомнил о том, что работает с чужой группой, члены которой не являются его перстами, а соответственно не имеют права первыми обращаться к нему. Вышло, что тупица «дальняк» просто соблюдал ритуал. Асаг даже испытал что-то наподобие вины за своё раздражение. Однако чувство это было не долгим – не следует рокану обременять себя проявлением этических норм в отношении серва. Да ещё и постороннего.

– Говори!

Серв, обрадованный тем, что на него наконец-то обратили внимание, быстро затараторил.

– Мастер Асаг, следопыты наткнулись на след колёсника! Судя по длине оси и рисунку протекторов, это «Малыш» – стандартная патрульная модель.

– Знаю. Такие есть на каждом посту.

– Но поблизости нет ни одного активного поста! Одни «консервы». Это не могли быть патрульные.

– И что ты этим хочешь сказать? Что наш маршрут пере-

секся с маршрутом другой, ранее прошедшей здесь поисковой группы? Не вижу в этом ничего удивительного.

– Нет, мастер! Поблизости не может быть других поисковых групп. Мы ведь на самом отдаленном участке.

Асаг вдруг почувствовал себя дураком. Надо же было так опозориться перед каким-то сервом! Он, рокан, Второй заместитель Третьего Думузи, ляпнул откровенную глупость... Ну действительно, кто тут ещё мог проводить поиски кроме них?! Однако терять лицо Асаг был не намерен. Его «голос» зазвучал в голове серва напористо и уверенно, как хлещет струя из водопроводной трубы.

– Это ничего не значит, глупый серв. Те, кто проехал здесь на колёснике, не обязательно действуют с нами заодно.

И в этот самый момент, Асага вдруг осенило, что ему, кажется, удалось ухватить самую суть произошедшего события! Вот оно, то самое, чего он ждал и искал! Вот он, тот конец ниточки, за который следует потянуть! Давая отповедь серву, он просто хотел сохранить лицо и имел в виду лишь тот факт, что другая, неизвестная им группа, может осуществлять поиск самостоятельно, не синхронизируя работу с основной поисковой партией. Ведь и правда, кто знает, что там запланировал Хувава? О чём этот хитрец умолчал? Но неожиданно до него дошло, что раз в исчезновении парома принял участие не кто-нибудь, а сам Энка Хранитель инструмента, а помогал ему Бахар – Старший техник, тоже очень уважаемый рокан, то должно быть есть кто-то ещё...

И сейчас этот «кто-то» наверняка тоже ищет паром, конечно же, не уведомив об этом Третьего Думузи! И даже не получив благословения Первого из Семи! Вот почему засекречены поиски, вот почему объявлен общий режим молчания! Когда это в экстренной ситуации пользовались одной лишь ментальной связью? Вздор! Они просто боятся. Боятся, ещё большей утечки информации и тех, кто может этой утечкой воспользоваться. А это значит... Это значит, что раскол в их маленьком обществе достиг пика. Пришло время... Время расставлять приоритеты. Время выбирать – кто на чьей стороне... ИГРА НАЧАЛАСЬ!

– Слушай, серв! Мне нужны самые быстрые из следопытов и самые выносливые из бойцов, какие только есть в вашем стаде. Они пойдут со мной. Из-за них я буду двигаться только в половину доступного ускорения. Пусть не отстают. Лично сверну голову каждому, кто станет обузой. Остальные – должны следовать за нами с оптимально возможной скоростью, но сохраняя силы. Это будет мой резерв. Возглавишь его – ты.

– Я понял Вас мастер! Значит, мы идём в преследование?

– Я ИДУ В ПРЕСЛЕДОВАНИЕ. А вы, сервы, тащитесь рядом или плетётесь чуть поодаль. И делаете то, что я скажу.

Накручивая регулятором обороты искусственных мышц кокона (надёжного, боевого, пусть и устаревшей модели), Асаг подумал, что давненько не приходилось ему совершать такие вот марш-броски по пересеченной местности. Отвык.

Обмяк. Кокон-то конечно выдержит. А вот он – не факт. А значит, необходимо подбросить топлива и для настоящей, живой плоти. Нужно взорвать организм гормонами, вскрыть имеющиеся резервы, высвободить всю накопленную энергию. Сказано-сделано. Спарка на руке потеплела и услужливо вогнала иглу в запястную вену.

Обойдя скачками большой зал, он остановился напротив каменного постамента и застыл. Тело стало абсолютно неподвижным и как бы остановилось во времени и пространстве.

– Поза задумчивости.

Затем неожиданно он оказался на своем ложе – огромной прямоугольной плите.

– Поза ожидания.

Лицо обращено к входу. Слева и справа от постамента застыли две массивные фигуры. Такие же неподвижные, как он мгновение назад. словно две снятые с него копии.

– Возведенные в разряд гротеска.

Они были похожи на странный сплав камня и металла. Переход тёмно-синего в нечто абсолютно чёрное. Чередование цветов в виде прожилок.

– Как оникс.

С матовым металлическим свечением.

– Застывшие в момент скачка.

Когда он приказал им остановиться. Две каменные волны.
– Два солитона.

Огромные головы с вытянутыми мордами. Глаза яростные.

– Глаза всё ещё живые.

Видящие нечто. Доступное сейчас только им. Приоткрытые пасти с ровными пластинами зубов. Карикатурные маски на его собственное лицо. Неподвижные верхние конечности.

– У них замечательные верхние конечности.

Каждая с шестью пятисуставчатыми пальцами. Два из них – противостоящие.

– Идеально.

Но без него эти двое ничто.

– Предел развития.

Он снова почувствовал нелогичное желание освободить братьев. Просто, чтобы ощутить их мощь. Это как развязать себе руки. Буквально. Но в этом нет необходимости. Сейчас нет. Ещё нет. Их надо беречь. Может статься, что один из двух сможет переступить черту. И тогда эта полукопия перестанет быть карикатурой на оригинал. С ним рядом встанет еще один Равный. От этой мысли он поддался эмоции. Тело дрогнуло и приобрело вид расплавленного металла, отлитого в невидимую форму. Затем снова обрело твердость. Грациозное тело цвета золота.

Океан тепла. Бездна света. Пропасьть тьмы. Пик холода. Холодно. Очень холодно. Я ЭНКА. Я больше чем был и меньше, чем могу стать. Но я – это Я. Они сделали это со мной. А Я СДЕЛАЛ ИХ! Получилось! У меня получилось. Мне не быть прежним. Но мне быть НОВЫМ. А теперь, немного покоя. Фаза ДВА завершена.

– Что происходит?!

Руководитель группы «Прима» напрасно пытался добиться от подчинённых вразумительного ответа. Те были в замешательстве и виновато отводили глаза. Всю центральную часть испытательного отсека занимало сейчас устройство в форме этажерки. Полки его заполняли батареи из одинаковых металлических цилиндров. Цилиндры были темно-матовые. Казалось, что они не отражают свет, а наоборот, поглощают его. Этажерка как будто впитывала в себя окружающее пространство. Десять сотрудников «Примы» окружали её кольцом. Вид у них был измотанный. Это чувствовалось даже сквозь усиленные защитные коконы, скрывавшие тела и лица.

– Я ещё раз спрашиваю, что случилось? Отвечай ты! – Руководитель ткнул в первого же рокана, оказавшегося младшим техником.

– Скачок активности! Мы проводили штатное тестирование, но Блок отреагировал необычно. Мастер Анун, нахо-

дившийся с ним в контакте, вдруг закричал и потерял сознание. Показатели активности ман в этот момент зашкалили! Здесь всё сияло, как протуберанец! Я вынужден был снизить температуру до критической. Только так мы смогли остановить процесс... Сейчас, мастер Нергал, мы исследуем маны на предмет возможных повреждений. Какие будут Ваши указания?

Нергал, носящий это имя-титул с момента формирования в рамках проекта «Прима» одноименной исследовательской группы, руководителем которой его назначил Совет Семёрки, впервые не знал, что ответить подчиненным. Большой Блок был детищем многих великих роканских умов, задуманный, как запасной вариант, ещё ТАМ. Никогда раньше роканы не создавали ничего подобного, многие решения, нашедшие в нём своё воплощение, были новаторскими и поэтому предсказать, как поведёт себя Блок в тех или иных условиях, было невозможно. Однако никаких серьезных инцидентов, связанных с ним, до этого момента не происходило. Блок был послушен, и работа его ничем не отличалась от работы любого другого прибора. А Нергал раньше был уверен, что даже такой сверхсложный и необычный прибор, всё равно остаётся лишь прибором. Последние же события показали – полный контроль над Большим Блоком невозможен. Кроме всего прочего это означало, что в ближайшее время вакансия оператора Блока не будет особенно популярной. Отличным доказательством такого предположения служила

выжженная черепная коробка мастера Ануна, безжизненное тело которого остывало сейчас в медицинском отсеке.

– Это реактивный безгильзовый скорострельный карабин. Такое название значится в инструкции к нему. Может стрелять одиночными выстрелами, а также короткими и длинными очередями. Переключаются режимы вот этим регулятором. Карабин снаряжается магазинами, каждый на сто зарядов. Если верить инструкции, они бывают повышенной ёмкости на двести пятьдесят и триста зарядов. Но нам, такие не попадались. Если нажать на спусковой крючок в режиме длинной очереди, можно за раз высадить весь магазин. По мне, так это просто лишняя трата боеприпасов, однако образующийся огненный вихрь способен деморализовать любого противника, если даже умудришься не попасть в цель. Хотя я ещё не видел человека, который бы из него не попал. Для более точной стрельбы одиночными выстрелами и короткими очередями, этот красавец может оснащаться стабилизатором ствола и электронным прицелом, тогда вообще всё просто: выбираешь объект поражения, ловишь в видоискатель, фиксируешь и нажимаешь на спуск, остальное карабин сделает сам. Даже если у тебя будут трястись руки. Или у тебя будет всего одна рука.

Седой с довольным видом поглаживал изуродованной ки-

стью воронённый ствол и Двоенос отметил про себя, что ещё никогда не видел старика таким счастливым. «Словно младенца нянчит» – подумал он.

– А вот это, должно быть защитный доспех!

Отложив карабин, Седой принялся срывать крышку с одного из пластиковых ящичков. Когда он перевернул ящик на бок, оттуда выкатился сферический шлем, с массивным забралом.

– Ну, точно, не ошибся я, значит. Помню эти коробки. Я сам помогал их таскать сюда с нижних этажей. Которые сейчас, кстати, затоплены. Мы находимся на так называемом промежуточном уровне, где-то посередине бункера.

– Послушай, мухтар. Мне кажется, что пришло то самое время, когда уже пора всё рассказать Двоеносу. Хочу услышать о тебе и об этом месте.

– Ну, всё не всё... А в общем я уже начал тебе рассказывать. Я – беглый серв. Не удивляйся. Насколько мне известно, я такой не единственный. Имя моё – Гахидж. Так меня называли роканы. Сколько помню себя сервом – всегда был в дальней разведке. То в одном подразделении, то в другом. Это до того, как я сбежал. Что было ещё раньше, мне не известно. Этого я так и не вспомнил. Стало быть, у меня нет человеческого прошлого. Только память серва. Зато про своё прошлое вспомнил однажды мой друг. Мой самый лучший и надёжный друг. Такой же «дальняк» разведчик, как и я. Он мне всё рассказал и с тех пор мы оба лишились покоя. Стали

по крупицам собирать информацию. Кто мы и как оказались на службе у рокан. И кто такие роканы. А ещё мы стали думать, как с этим знанием жить дальше. И поняли, что пока остаёмся сервами, мы можем продолжать наблюдать, получать информацию, анализировать её. Зато жизнь наша, отныне находится под угрозой. Ну, и кроме того, нам постоянно приходилось исполнять приказы рокан, делать разные вещи... В общем мы их делать больше не могли. В головах что-то перевернулось... Вот тогда мы и сбежали. Сняли браслеты и задали драпу. А насчёт этого склада... Было время, когда группа, в которую входили я и мой друг Артор (это его настоящее, человеческое имя), выполняла в этом районе одно задание, совместно с отрядом «Мантукора»... Дело в том, что много сотен лет назад, задолго до появления рокан, на этом самом месте, на поверхности, находился гигантский город – мегаполис. Я не знаю, как он зародился, сколько просуществовал и каким был его конец, но могу констатировать, что сейчас от города остались лишь развалины. Моих бывших хозяев всегда жутко привлекали подобные могильники, но самостоятельно роканы стараются их не исследовать – такие места таят массу опасностей. Копаться в мусоре они отправляют обычно специально натасканных ребят из «Мантукоры». А иногда придают им в помощь провинившихся «дальняков». Мы искали наследие погибшей цивилизации людей. Особенно рокан интересовало всё то, что обобщённо можно назвать техникой – приборы, машины, оружие. Ну, или

то, что от них осталось. Особенную ценность представляли носители информации. Мы быстро научились распознавать их. Чаще всего они имели кремниевую основу. Иногда это был пластик. Иногда попадалась вообще древность – записи на бумажных пластинах. Раньше это называлось – книга. Вот таким образом, во время поисков, мы и наткнулись на этот бункер. Знаешь, эти «манतिकоровцы» занятные парни. У них настоящий нюх на такие места. Они вычислили, что здание, развалины которого находятся сейчас над нами, появилось тут гораздо позже, чем другие строения вокруг. Фактически, оно было возведено, когда всё остальное уже лежало в руинах. Был, понимаешь, на планете такой промежуток времени, когда угасающие остатки человечества, всё ещё владевшие великими знаниями, упорно цеплялись за жизнь, но не могли при этом отказаться от своего любимого занятия – войны. Тогда и стали возникать такие вот крепости. Люди стаскивали в них своё барахло, а потом яростно обороняли его от других людей, мечтавших пожить за чужой счет. Под всеми крепостями были огромные бункеры, уходившие порой на сотни метров под землю. В них и протекала большая часть жизни их обитателей. Каждый бункер был оснащен автономными источниками энергии, имелся доступ к артезианским колодцам, повсюду были обширные производственные помещения для изготовления и ремонта машин и механизмов, сельскохозяйственные отсеки, где в искусственной среде выращивались растительные и жи-

вотные продукты. Представляешь, они мясо растили в специальных цистернах! Просто огромные куски мяса, без голов, ног, рогов, копыт и всего прочего, чем должны обладать живые существа! Когда мы вскрыли подземные помещения, почти всё это уже было уничтожено. И тоже непонятно – кем и почему. Но мы видели записи! «Манतिकоровцам» удалось восстановить и запустить аппаратуру, фиксировавшую жизнь людей в крепости. Мы нашли целый архив. Архив – это когда информация собрана по системе, в определенной последовательности. Или так ещё называют само то место, где хранятся носители с информацией. Ты вообще понимаешь, о чём я говорю?

– Более или менее, мухтар. Слишком много новых слов. И знакомые тоже звучат иногда, но как-то по чужому. В целом, я понимаю, о чём ты говоришь. Продолжай, пожалуйста.

– Да больше особенно и нечего рассказывать. Мы просмотрели часть архива, всё что успели, а потом сдали его прибывшим роканам. Им же «манतिकоровцы» передали большую часть уцелевшего имущества, то, что я тебе перечислил – приборы, оружие, части механизмов и прочее в том же роде. Только вот, «манतिकоровцы» не такие ребята, чтобы ничего не оставить себе! Не знаю уж, как им это удаётся, да только они единственные из всех сервов, кто способен обмануть рокан и остаться при этом безнаказанными! Роканы, как и следовало ожидать, сами не полезли в бункер. Вместо этого они приказали его уничтожить. И мы уничтожили. Но

не весь. Только нижние и верхние этажи. Часть верхних помещений взорвали, а нижние – затопили водами протекающей неподалеку реки. Но перед этим, «манतिकоровцы» уговорили меня и Артора помочь им спрятать часть оружия и боеприпасов в этом зале. Я не могу объяснить, каким образом им удалось почувствовать, что мы их не выдадим. Они вообще странные. И очень умные. Расчёт во всем оказался верным – размещённые ими заряды не повредили помещения промежуточного уровня, вода тоже не дошла сюда. И мы их не выдали. Это, кстати, было не сложно, так как вскоре я и Артор совершили давно задуманный побег. Но о том, как это произошло, давай-ка поговорим позже. А сейчас прибережи в ранец вон те упаковки. Я не знаю, когда «манतिकоровцы» притащили их сюда, да только это спецпайки. Их ни с чем не перепутаешь. На одном таком кубике можно неделю прожить.

– А мы не отравимся, мухтар? Этим коробкам с виду не меньше десятка лет. Вон, какой пылицей обросли. Знаешь, я лично их съесть не рискну...

– Ну и горя мне с тобой будет! – покачал головой Седой. – Запомни, если упаковка не повреждена – срок хранения не ограничен. Сделано роканами!

– Надо же, не заводится... Крысиные фекалии! Гнездови-

ще мусорных жуков! Ну, вчера же вечером всё в порядке было!

Нам бегал вокруг колёсника и изрыгал специфические проклятия. Напрасно. Двигатель всё равно не запускался, сколько он не ругался и не щёлкал тумблерами на приборной панели. Надо сказать, что и то, и другое, Нам делал крайне эмоционально, приводя в замешательство Адора и Шарупа, которые уже представляли себе все прелести пешей прогулки. Когда накал страстей достиг пика, из развалин вернулся Абза. Предводитель отряда отряхнул одежду от налипшей грязи, сплюнул и критически оглядел подчинённых.

– Так, так... Очень интересно! Один бегают, орёт во всю глотку, издевается над техникой, пытаюсь dokonать наше единственное средство передвижения, а двое других смотрят на это безобразие открыв рты, как птенцы серой прожорки, но отчего-то не чирикают! Почему вы двое до сих пор не повалили и не связали этого полоумного?! А-а-а, я понял! Вы пытаетесь научиться у Нама, чинить патрульные электро-мобили! Или вы решили обогатить свой лексикон? Напрасно. Насколько я знаю, в первом Нам разбирается неважнецки. А что касается второго – могу утверждать, что вздорный старик умышленно не употребил ни одного качественного «дальняцкого» ругательства. Все эти «крысиное дерьмо» и «помойные жуки» – обзывательства придуманные «среднячками» обслуживающими утилизаторы. Настоящие «дальнячки», как правило, выражаются поинтереснее. В своих диа-

логах они любят упоминать про сношения друг с другом, а также с другими экзотическими животными. И только лишь просвещённые «караванщики» используют ругательства, заимствованные у дикарей. Хотя, надо сказать, что смысл и происхождение половины бранных слов, используемых дикарями, последние и сами не понимают. Корни этих гадостных выражений уходят в глубокую древность.

Состроив в ответ кислую мину, Нам прервал разглагольствования начальника.

– Мастер Абза, я понимаю, что за ночь ты отдохнул, набрался сил, а с утра, судя по запаху, успел уже и посрать! Теперь же, находясь в хорошем расположении духа, ты стоишь перед нами и выплескиваешь помои своего красноречия. Только знай – колёсник от этого сам собой не поедет! Он мёртвый. Я голову сломал, пытаюсь понять, что с ним случилось за ночь!

– А незачем тебе было и голову ломать и зря воздух сотрясать. Кстати, голову сломать у тебя шанс есть, потому что это твоё слабое место, а вот панель управления колёсника тебе все равно не испортить. Для минимизации риска повреждений, она изготовлена из титанового сплава. А вы, юные сервы, запомните, что колёсники модели «Малыш», в принципе не ломаются. Но уж если поломка случилась, то починить его своими силами, вы всё равно не сможете. Дело в том, что в этой замечательной конструкции применена модульная компоновка и система моноблоков, а при производ-

стве используется герметичная сварка. Я уже молчу про такую штуку, как термическая запрессовка деталей! А всё на тот случай, если патрульный электромобиль попадет не в те руки. Точнее в цепкие и немые лапы дикарей. Они, кстати, уже были замечены в попытках хищения и вивисекции машин и оборудования с постов наблюдения и складов технической поддержки. К счастью для нас, это случается нечасто, ибо подобные проступки караются уничтожением. Поголовным. В радиусе до ста километров. А теперь отойдите от машины, я её буду тестировать!

Походив вокруг колёсника и помахав над ним правой рукой, предплечье которой охватывала спарка, Абза констатировал:

– Замечательно. Полностью разряжен энергоблок.

– Как?! – вырвалось одновременно из глоток Нама и Шарупа. Адор же, как обычно молчал и хлопал глазами.

– А, вот так. Жуткая машина, прячущаяся под землёй, высосала наш колёсник, как паук-птицелов высасывает какую-нибудь кустарниковую желтокрылку.

Выдав эту, бессмысленную на первый взгляд, тираду, Абза умышленно сделал паузу, и некоторое время разглядывал лица спутников. Лица их выражали недоумение.

– Что уставились? Не делайте таких больших глаз, а то ваши рожи начинают меня пугать. Просто сегодня утром самый умный и опытный из четверых (то есть я!), обнаружил, что под нами, на значительной глубине, находится машина,

вырабатывающая электрическую энергию за счёт торсионных полей. У рокан она называется «Ловец». Порой работа машины сопровождается побочным эффектом – она вытягивает энергию из других устройств и аккумулирует в собственных закромах. От этого видно и пошло название. Машин подобных этой – немного. Все они стались от людей, роканы таких огромных не делают. У людей, кстати, они официально именовались автономными бестопливными генераторами «Тесла». Название сохранилось в древней документации. Совсем в древней. Поэтому очень и очень странно, что один из этих генераторов дожил до наших дней и продолжает бесконтрольно функционировать, вредя ни в чем не повинным путникам. Выполняющим, между прочим, ответственное задание! Это печально... Но зато теперь я знаю, чем при случае смогу удивить рокан. А вот куда расходуется энергия, добываемая этим «Теслой», могу только догадываться. Вероятно, служит источником питания для других устройств расположенных под землей. Вопрос – каких?

При этом Абза вытаращил глаза и картинно раскинул в сторону руки, показывая всем своим видом недоумение. Насладившись произведённым эффектом, он продолжил:

– Кстати, такой же принцип получения энергии используется и в ваших браслетах, и в боевом биче Нама. Да, не удивляйтесь. Если бы мы смогли разобрать одну из этих штук, то увидели бы, среди прочего, очень похожий мини-генератор с подключенной к нему батареей. И в спарке моей установ-

лен точно такой же. Поэтому благодаря подземному «Ловцу», спарка большую часть сегодняшнего утра служила лишь украшением – батарея её была пуста подобно вашим головам. Но теперь она снова заряжена. Примерно на треть. Это не густо, но на небольшие фокусы должно хватить. Да, а вот колёсники, к моему великому сожалению, генераторами не оснащают... Есть тому причины...

И опять Абза выдержал паузу, ловя на себе испытующие тревожные взгляды.

– Ну, теперь я, кажется, всё сказал. Можете задавать свои глупые вопросы.

Глупый вопрос «– И что нам теперь делать?!», на этот раз был задан в три глотки одновременно.

– Для начала, нужно спустить колёсник с холма и откатить на безопасное расстояние. А затем, вы отойдёте подальше, что бы мне не пришлось делиться с вами одним своим секретом. Его, кстати, вообще знают только роканы! Ну... и особо приближённые. Короче – взялись! Времени у нас в обрез.

Когда электромобиль скрылся из видимости и поднятая им пыль начала оседать, на вершине холма появились две человеческие фигуры. Выглядели они внушительно – на головах массивные шлемы, с наглухо закрытыми забралами, тела покрыты экзоскелетами из прочных, лёгких пластин. На-

детые поверху маскировочные комбинезоны из гибридной ткани, сочетающей свойства огнеупорности и водонепроницаемости, мало чем уступали аналогичным из экипировки сервов «дальняков». Каждый нёс реактивный карабин с насадкой для отстрела гранат и ранец, набитый до отказа боеприпасами и продовольствием.

И в этот момент, среди развалин последнего оплота человеческой цивилизации, будто само время обернулось вспять. И казалось, что давно ушедшие сыновья Земли воскресли из небытия. И снова стоят они у стен своей древней крепости, не ведающие страха и не знающие поражений.

Однако на самом деле, прежде чем показаться из укрытия, люди с предельной осторожностью, долго и терпеливо наблюдали за тем, как четверо сервов у подножья холма возятся с колёсником, никак не желавшим трогаться с места. Когда тот, наконец, тихонько заурчал и, набирая скорость, покатился на запад, один из людей заговорил. Голос его, искажаемый воздушными фильтрами, звучал из-под маски глухо и непривычно.

– Знаешь, мухтар, там внизу, я всё время думал, как же мы потащим на поверхность всё это добро. А когда ты сказал, что подъём пройдет в сто раз быстрее, чем спуск, был уверен – Седой просто зло шутит, над бедным Двоеносом, боящимся тёмных и сырых тоннелей. Теперь же, объясни, наконец – почему мы не могли сразу воспользоваться грузовым лифтом?! На кой ляд, для того, что б попасть в бункер,

нужно было несколько часов ползти на брюхе?!

– Парень, усвой уже, что Гахидж, которого тебе позволено именовать Седым, ничего не делает просто так. Мы ползали на брюхе от того, что я не знал и не знаю, как можно вызвать лифт, находясь на поверхности! Это всё тайны «Мантиторы», а они не любят делиться. Мне конечно было известно, что при взрыве шахту лифта и часть оборудования им удалось сохранить, но в каком состоянии всё это могло оказаться через двадцать с лишним лет?! Да и заряда тамошних батарей вначале едва хватало на аварийное освещение. Так что пока ты набивал брюхо концентратом, Седой пыхтел и разбирался в древних надписях. А потом включил-таки экстренную зарядку аккумуляторов! И ведь сработало! Есть там одна машина, вырабатывающая энергию... Только, вот откуда берёт её – загадка. Нам с тобой точно не разгадать... Спасибо и на том предкам нашим, что можем до сих пор пользоваться плодами их трудов. Вот уж чьи знания и рокан посягать могли! Жаль, что теперь всё это сломано, разбито, погребено под тоннами мусора и земли... А, нам остаётся довольствоваться ролью крыс и иногда доставать из хлама уцелевшие осколки...

– Это не самая плохая участь, мухтар. Большинству людей не позволено даже в хламе рыться. За последние дни, ты многое объяснил мне о нашем мире. Двоенос признателен тебе. В благодарность я тоже хочу побаловать тебя историей.

– Давай, парень, я весь внимание.

– Ты же знаешь, что я родился и вырос в Северных шахтах? А что моя мать пришла туда маленькой девочкой, почти полностью потерявшей память? Так вот, моя мать до конца своих дней страдала приступами. Становилась немного безумной. На время. Её тело начинала бить дрожь, глаза закатывались, изо рта шла пена... Потом она приходила в себя, а через миг всё начиналось заново. Так могло продолжаться часами. Я сидел с ней рядом, держал за руку и просил не умирать. Ведь больше всего я боялся остаться один-оди́н-шенек на всём белом свете. Отца своего я не знал. Братьев и сестёр у меня не было. И вот иногда, в эти ужасные дни, к матери возвращалась память о далёком прошлом. Мать говорила. Чаще всего на своём родном языке. Лишь изредка, можно было хоть что-то понять из её бреда. Совсем немного. Позже, она ничего не могла вспомнить. Ни слова. Всё забывалось, как только проходила лихорадка. Однажды, между приступами безумия, мать умудрилась кое-что рассказать мне. Оказывается, их топлулук, что означало на языке её родителей – большая семья, занимался тем, что искал в развалинах разное уцелевшее старье. Иногда попадались весьма занятные вещи. Так говорила мать. Потом их обменивали людям в городах. Топлулук матери не принадлежал ни к одному поселению. Они были бродягами. Мать говорила, что так было всегда. Всегда их топлулук кочевал с места на место, от одних руин к другим... Может за это роканы и уничтожили его. Мать почти не помнила, как это произошло.

Она была очень маленькой. И ей было очень страшно. Она говорила о больших существах. Страшных. И о большом железном фургоне, похожем на те, в которых её родичи разъезжали по всему свету. Только этот был совсем огромным и умел летать. Большие существа всех убили. Даже некоторых детей. А других, забрали в летающий фургон. На этом воспоминания матери обрывались. Наверное, она долго бродила в одиночестве, пока, наконец, не прибилась к Северным шахтам. Думаю, тогда-то мать и тронулась умом. И знаешь, я вот тут покумекал – пожалуй, не одни роканы приняли участие в избиении её топлулука? Кто мог быть с ними? Кто делал всю грязную работу? «Мантикоровцы»? А может разведчики вроде тебя? А, Седой? Что ты скажешь на это?

За всё то время, что бродяги успели уже провести на поверхности, не один из них так и не откинул затемнённое забрало шлема, отчего сложно было сказать, какие эмоции отражаются на их лицах во время беседы, жесты же их были так скупы, как бывают скупы только у людей, не привыкших болтать зря. И только дрогнувший голос Седого, нервные нотки которого не смогли скрыть даже искажающие речь воздушные фильтры, выдал его волнение.

– А что ты хочешь услышать? Всё, что ты сейчас предположил, все высказанные обвинения – чистая правда. И скажу я тебе, что мне приходилось делать вещи и похуже, чем убивать бродяг и их детей. Всякое бывало. Одно могу сказать в оправдание – я был сервом! А серв – почти что и не человек.

Он скорее рокан. Часть рокана. Они, роканы, так и называют некоторых сервов, самых близко допущенных, – РУКА. Понимаешь? Сервы – это их руки! Роканы делают людей такими. Делают из них сервов. Делают из детей! Артор сам додумался до этого. А потом объяснил мне. Славный он был и очень умный, мой друг Арториус...

– Ты не так понял, мухтар... И мне грустно, что я обидел тебя. Двоенос не обвинял... Он спросил. Просто спросил. Я хочу знать. Всегда хотел. А теперь хочу ещё больше. Хочу получить ответы.

– Ладно, парень. Проехали. Если кто и оправдывался сейчас перед тобой, то только бродяга по прозвищу Седой. Разведчик-серв Гахидж – никогда не испытывал угрызений совести по таким пустякам. Ликвидация. Так это называют роканы и сервы. Для них, в таком убийстве, нет ничего зазорного. Это всё равно, что избавляться от крыс. Или очистить территорию рядом с жилищем от опасных диких зверей. А потом, забрать их детенышей, чтобы взрастить из них новые чресла для себя. Новые руки! Понимаешь? Но всё же, я скажу сейчас одну вещь, что бы тебе не думалось потом разного. – Знай, я уже настолько стар, что вполне мог быть в команде, истребившей родичей твоей матери. Ведь как раз в ту пору Гахидж, совместно с «манतिकоровцами» и занимался подобной работёнкой. Во исполнение воли рокан. Но я не припомню ни одной ликвидированной бродячей группы дикарей, где говорили бы на таком вот дурацком языке, сло-

вечки из которого ты постоянно употребляешь. И не припомню, чтобы хоть у одного из убитых мной дикарей, была такая противная косоглазая рожа, как у тебя, приятель. Так что можешь успокоиться. Седой пока на память не жалуется. А он помнит и всё то, что видел и делал Гахидж. На мне нет крови твоей родни.

– Это хорошо, мухтар! Прости, я, кажется, опять употребил словечко из дурацкого языка! Седой. Просто Седой. Так вот, это хорошо, Седой. Хорошо, что на тебе нет крови моей родни. Хотя я и не знал их, но так мне легче. Значительно легче. Но я ещё спрошу. Позволь?

– Валяй, раз уж начал.

– Ты сказал, что сервы, уехавшие на колёснике, двигаются в ту же сторону, что и мы. Так?

– Точно.

– Почему же ты не согласился напасть на них и захватить транспорт? Уж лучше бы нам сейчас ехать на этом колёснике, чем плестись по его следам. Да ещё и рискуя напороться на засаду из четырёх вооруженных сервов, коли нас заметят!

– Верно ты сказал. **ЧЕТВЕРО ВООРУЖЕННЫХ СЕРВОВ.** Парень, это ведь много. Очень много. Даже не смотря на всю нашу экипировку, шансы справиться с ними были «половина на пополам». Я узнал одного. «Дальняк». Не подумай, ничего тут личного нет. Никаких сантиментов. Просто он разведчик, каких поискать. Зовут Абза. Вооружен спаркой. Не понимаю, кстати, почему он нас не засёк. Спарка –

это очень серьезное оружие. Универсальное. Способно само найти врага и нанести упреждающий удар ещё до того, как её хозяин успел об этом подумать. Короче серв из «дальней разведки» вооруженный спаркой – опасен втройне. Кроме того, я предполагаю, что знаю ещё одного, из тех, кто был в этой компании. Я плохо его разглядел, но рядом с Абзой в прежние времена всегда крутился Нам. Уровнем пониже, но тоже хорош. Не уверен, что смогу справиться даже с ним. Тем более в своем нынешнем состоянии. Я одряхлел. А роканы, заботятся о своих сервах. Если они представляют ценность конечно. И Абза и Нам по возрасту гораздо старше меня. А ведь не скажешь. Абза – тот совсем не изменился. Будто и не прошло с нашей последней встречи пару десятков лет... Ещё вот что... Ты заметил, среди них паренька? Совсем молодого?

– Да. Был один. Совсем мальчишка с виду. Но здоровенный! Прямо как ложный дуб – кора, как у кустика молоденького, а ветви в небо упёрлись.

– То-то и оно... Ложный дуб... Кора, как у кустика, а не один топор её не возьмёт – упругая, аж клинок отскакивает и прочнее железного листа. В общем, странный какой-то парень... И очень он мне другого мальчишку напомнил... Только этот вон детина какой, а тот обычный. И было бы ему сейчас всего двенадцать лет...

– Было бы? Его нет больше?

– Не знаю. Может и нет его. Тот был из моей группы. Два

года назад он ушёл. Вместе с Артором. С тех пор никто их не видел.

Ночь прошла. Затем утро переросло в день. Солнце, как и всякий раз, готовилось совершить последний прыжок к зениту. Асаг всё бежал. Давно уже потерял контроль над второй, резервной группой. И только верить остаётся, что ленивые сервы продолжают плестись по его следам и следам бежавшего с ним передового отряда. Надо было отдать должное, этим «караванщикам». Вели себя подобающе. Не отставали. Не умоляли дать передышку. На ходу полоскали пересохшие глотки солоноватой водой из фляг. Хотя давно было видно, что держатся вровень с ним из последних сил. Отобрал их из общего стада Хак. Таким было имя серва, посмевшегося привлечь его внимание и доложившего об обнаружении следов колёсника. Сейчас этот самый Хак как раз и руководил сильно отставшим резервным отрядом. Ну, по совести говоря, оказался этот серв малым смышлёным. Всё выполнил и организовал, как надо. Что уже давало надежду – успеет-таки вторая группа вовремя оказать Асагу помощь! Если опасения его оправдаются. А боялся Асаг в первую очередь вот чего: – если верно предположение о том, что удирающий колёсник всё дальше увозит от него самый ценный на этой планете груз, то и сопровождать этот груз, отправлены были

самые отчаянные головы. И как знать, нет ли среди них его сородичей!

А уж встреча с другим роканом в бою, даже если этот рокан прошел подготовку всего лишь уровня рядового «грифона», не сулила ничего хорошего. Для бича, настроенного на полную мощность, нет разницы, в какой кокон ты упакован. Хоть в боевую модель, хоть в облегчёнку. Разорвет на куски. На тысячи тысяч кусков и кусочков, по дикарской системе исчисления. Которые потом кровавым туманом осядут на развалинах. Тянущихся насколько хватает зрения. Не только собственного зрения, но и того дополнительного, что даёт визор боевого кокона. Хотя для рокан, порой уже и не различимо, какие из органов их чувств природные, а какие – часть защитной конструкции, именуемой «кокон». Ведь в коконах они проводят большую часть своей жизни.

Когда спарка засекала присутствие двух организмов, в голове Асага послышался привычный вибрирующий звон. Организмы были идентифицированы, как две человеческие особи мужского пола – самцы. Призрачная дорожка, оставленная их биополем, появлялась внезапно, среди руин какого-то строения на одиноком холме и далее следовала параллельно следам колёсника, в том же направлении. Но самой большой неожиданностью были показания спарки, свидетельствовавшие – люди облачены в боевую экипировку! И они не сервы! Переваривая эту информацию, Асаг даже сбавил скорость и запыхавшаяся охрана, наконец-то получила

возможность перевести дыхание. Сервы с трудом скрывали радость – ведь упрямый рокан бежал без остановки всю ночь и утро и явно не собирался останавливаться. Любой дикарь давно бы сдох на их месте. Сейчас они чувствовали внезапное замешательство рокана и злорадствовали. Совсем чуть-чуть. Настолько, насколько подобное может позволить себе серв. Однако Асаг никогда не достиг бы того положения, которое занимал, если б подобная ситуация могла поставить его в тупик надолго. Приняв решение, он тут же оповестил подчинённых:

– «Внимание! Впереди вероятный противник. Две человеческие особи. Самцы. В полных комплектах неустановленной защитной амуниции. Вооружение – устройства для отстрела зарядов на реактивной тяге. Максимальная готовность!».

Сервы про себя выругались и начали перестраиваться в боевой порядок.

А в это же время, вторая группа сервов, которая, по глубочайшему убеждению, Асага, должна была следовать позади, стараясь нагнать передовой отряд, на самом деле преспокойно устроилась на отдых, уже намного его обогнав. Расположилась команда Хака как раз на пути двух людей в древних защитных доспехах, что так настырно преследовали убегающий колёсник, и теперь спокойно их поджидала, игнорируя все ранее полученные приказы.

Если бы Асаг увидел это своими собственными глазами,

всё равно бы не поверил. Ну не могло подобное уложиться в его представления о мироустройстве! – Не могут сервы «караванщики» передвигаться быстрее рокана, накачанного энергетиками и облаченного в кокон, имеющий дополнительные искусственные мышцы! И не может ориентированный роканом серв умышленно отклониться от указанного маршрута, нарушив весь алгоритм запланированных действий! «Этого не может быть потому, что не может быть никогда!» – так, наверное, подумал бы Асаг. Но ничего подобного ему и в голову не пришло. Потому как он не только не видел сейчас наглицов собственными глазами, но и не смог бы засесть их даже при помощи приборов – ведь сразу после того, как он отдал своему отряду приказ о готовности, спарка его перестала отвечать на запросы, обдав правую верхнюю конечность волной холода. Одновременно с этим кокон навалился на тело дополнительным грузом, превратившись из части организма в простую экипировку. Причём не самую удобную. Ощущение было такое, словно из Асага выкачали часть жизненной энергии. А точнее, энергия пропала из энергоблоков. Вся сразу. Как и не было. Он сразу частично ослеп, оглох и стал в несколько раз слабее, хотя всё ещё превосходил в этом не только любого дикаря, но и специально улучшенного серва.

Вот теперь, наверное, впервые в своей жизни, Асаг был близок к срыву и только благодаря железной воле, удалось ему сдержаться порыв удивления и гнева. Он знал – в присут-

ствии сервов, рокан должен быть холоднокроевен, а авторитет его непререкаем. Поэтому Асаг даже не стал останавливаться, а просто приказал снизить темп передвижения до минимума, усилить визуальное наблюдение и выслал вперед разведчиков. Двое сервов послушно кивнули, растворившись среди густой растительности. Ещё с перст – остались с ним. Да два перста и кость, включая Хака, должны были быть на подходе. При такой низкой скорости головного отряда, резерв нагонит их без особого труда. Значит с ним будет целая рука отменных бойцов. И значит, думал рокан, ничего страшного не произошло. Просто нужно продолжать действовать расчётливо и без промедлений. Спокойно, мастер Асаг. Спокойно.

Вот только, кто б объяснил, что же произошло с этими грёбаными энергоблоками?!

Тропы в лесу оставляют не люди. Нормальным людям вообще в лесу делать нечего. Им же спокойней. Людям что? Сиди себе в поселении, делай своё дело и не забивай голову разной ерундой. За тебя все решения уже роканы приняли и доходчиво всем всё объяснили – что к исполнению обязательно, что допустимо (если невтерпёж), а что – категорически не рекомендуется. Определили, чем поселению заниматься, установили норму выработки. Разъяснили, какие ма-

шины и механизмы можно производить и ремонтировать самостоятельно, а к каким и не прикасайся. В таком случае, если уж сломалось – передавай заявку с «караванщиками». И если вещь в хозяйстве нужная, то получишь искомое в кратчайшие сроки. Ну а если сочтут роканы, что сможешь и без этого излишества обойтись, будешь сидеть и ждать. И год и два. А то и больше. Иногда потребуют роканы детей отдать. Сами за ними прилетят или сервов пришлют. Тут уж глупостей не натвори. Сказали отдать, значит отдай. Так всем лучше будет. Не съедят же их, в самом деле. Да и догадываются многие люди, какая участь их детей ожидает. Не может такого быть, что б за триста лет роканского господства, ни разу ни один из дикарей своего ребенка среди сервов не узнал! Но только добра от таких встреч не было и не будет. Если какой дикарь свои подозрения вслух выскажет – того в расход. Ликвидировать, значит. Может статься, что собственное дитя ему заряд из импульсника и всадит промеж глаз. Дикарю-то. Хотя, если подумать, какие они дикари? Просто люди. Это для рокан мир делится на дикарей и сервов. А по людским меркам, человечество имеет куда как больше категорий. Есть ЖИТЕЛИ. Это, стало быть, обитатели поселений. Есть БРОДЯГИ. С ними тоже всё понятно – беглые поселенцы, участь которых – существовать украдкой и лишний раз на глаза не попадаться. А есть НАСТОЯЩИЕ ДИКАРИ. Истории о встречах с такими, можно услышать в каждом городишке. Только всё реже и реже стали настоящие дикари

попадаться. Вычистили их роканы. Выкурили из заброшенных шахт, вытравили газом из старых бомбоубежищ, выжгли плазмой из лесных деревенок. А то и вместе с деревеньками. Детей, подходящих, конечно забрали, а остальных... Остальных, как положено. Кого зверье лесное потом доело, а кого в синтезатор – не пропадать же добру. Да и жрать что-то надо. Людям в городах лучше не знать из чего делают те пайки, что им «караванщики» привозят. А сервы знают. Только им всё равно. В их пайках ещё и похлеще ингредиенты попадают, у рокан ведь ничего зря не пропадает. Отходы, представляющие хоть какую-то ценность, в утилизатор не попадают.

Так вот, возвращаясь к лесным тропам: тропы в лесу прокладывают не люди, а животные. Потом уже некоторыми из них начинают пользоваться бродяги. Или сервы дальней разведки. Реже «караванщики», для машин которых обычно нужны дороги пошире. Самые лучшие тропы остаются после медведей, гигантских ежей и кабанов. Хотя кабаны, как и дикари, встречаются всё реже. Нет, роканы и сервы тут не причём. Им эти кабаны даром не нужны. Разве что «дальняк» иной раз подстрелит, разнообразя своё меню. Кабанов вытесняют ежи. Повадки у них уж больно схожи. И питаются одним и тем же – кореньями, плодами, падалью не брезгают. И самцы ежей, так же, как и кабаньи, держатся одиночками, а в период гона жутко агрессивны. А вот самки этих двух видов ведут себя по-разному – кабаниха умрёт, защищая своих

поросят, а ежика сразу дёру – выживайте колючие отпрыски сами, как умеете! Хотя и то сказать, кроме человека не многие существа способны причинить им вред.

И вот возле такой тропы, оставленной не то ежами, не то кабанами, засел Хак со своими ребятами. Сидели они, значит, и ждали, когда эти двое, что идут вслед за колёсником, с ними поравняются. А когда появились между деревьями две бронированные фигуры, едва различимые в своих камуфляжных костюмах, вышел Хак перед ними на тропу (заранее, с видом спокойным, что бы не испугались, глупостей не наделали), тряхнул руками, демонстрируя, что в них ничего нет, и сказал приветливо: – «Ну что, Гахидж, вот и свиделись. Здравствуй!».

Он почувствовал касание. Знакомое. Но чуждое. Не чужое, а именно чуждое. Разум, который пытался обнаружить его и успел коснуться. До того, как он отстранился и наглухо перекрыл доступ к себе. Разум, который оставил послевкусие чего-то неуловимо близкого. Это как встретить кого-то впервые. Но ощутить при этом исходящий от него запах благовоний. Тех, которыми и сам пользуешься уже неисчислимое количество циклов. Его раса любила благовония. Дети всех уровней. Особенно младшие. Он тоже любил. Любил их анализировать. Что бы определить включённые в них компо-

ненты. Понять, из чего они сложены. Как и когда были образованы. Теперь ему предстояло проанализировать свои ощущения. И понять. Понять с кем он имеет дело. Или с чем.

– Это разум.

– Слишком слабый, для того, чтобы быть Старшим.

– Слишком сильный, чтобы оказаться Младшим.

– Слишком неопытный, для Ровесника.

– Не живой.

– Не искусственный.

– Действует, как Часть Разума Просвещённого.

– Часть Разума Просвещённого – меньше Целой Единицы

Разума.

– Это было больше чем одна Целая Единица Разума.

– Это было множество Целых Единиц.

– Малых Целых Единиц.

– Структура. Это разумная структура, составленная из Малых Целых Единиц, чтобы добиться эффекта Части Просвещённого!

Огромное переливающееся тело соскользнуло с пьедестала, мгновенно переместившись в дальний угол зала. Оттуда в следующий. И так далее. Чертя своими движениями непрерывный, невидимый узор в пространстве.

– Признак изумления.

– Признак недоумения.

– Признак беспокойства.

– Мастер Нергал! Мастер Нергал! Мастер Нергал!

Зов настойчиво пульсировал в его голове. Зов, испускаемый сразу несколькими источниками. Зов, вырвавший его из стадии глубокого сна.

– Что?!

– Мастер Нергал, срочно требуется Ваше присутствие в испытательном отсеке!

– Иду.

В одном лишь облегченном коконе, как был в период отдыха, Нергал бросился в направлении научно-исследовательской зоны. Испытательный отсек, как и большинство помещений станции, располагался в наземном уровне, поэтому Нергалу не пришлось метаться между этажами. А так как жизнь колонистов была организована в несколько смен, то по пути попадалось не слишком много любопытных. Ему всего дважды задали вопрос – куда же он так спешит? Впрочем, он ни разу не ответил, чем вероятно ещё больше усилил неприязнь к себе, руководителю элитной закрытой группы. Группы «занимающейся не пойми чем». Так, во всяком случае, именовали его команду непосвященные. То есть большинство. То есть те, кто и понятия не имел, насколько важные дела были возложены на него и его подчиненных. А ведь их всего-то одна рука! Двенадцать сотрудников, включая руководителя проекта! Теперь даже и не полная рука – ведь за-

мена Ануну до сих пор не найдена. И от них, от малой горсточки учёных, зависит судьба всех колонистов! Но мало кто это знает. Мало кто может оценить – на какие жертвы приходится им идти, ради общего блага. Только настороженный шепот за спиной. Только обвинения в высокомерии.

С этими мыслями, на ходу облачаясь в рабочий кокон повышенной защиты, и ворвался Нергал в лабораторию. Картина, представшая перед ним, становилась в последнее время всё более привычной – маны на стойке-этажерке постепенно затухали, возвращаясь в данный пространственный континуум, рябь, расходящаяся от них, рассеивалась. Только сотрудников в этот раз было в два раза меньше, а пострадавший лежал на полу, а не в медицинском отсеке. И на этот раз подавал признаки жизни.

– Что произошло?!

Ответил ему сам пострадавший. Что уже было неожиданно. Опираясь на дрожащие верхние конечности, рокан приподнялся, оттолкнув коллегу, пытавшегося оказать помощь и сел, прислонившись к стене.

– Нергал, всё было как в прошлый раз.

С удивлением Нергал узнал своего заместителя, старшего техника Шеда.

– Самостоятельная активация! Понимаешь? Он сам, САМ! Без оператора! Спонтанный всплеск в левых лобных долях. Всех ман одновременно! И далее повышение активности по нарастающей, пока показатели не начали зашкали-

вать! Я снова хотел вырубить его, понизив температуру, но он вырубил меня первым! Представляешь? Ведь я даже не был подключен! Потом я просто лежал на полу и не мог шелохнуться. А затем... Он заговорил со мной...

Наклонившись над Шедом, Нергал схватил его и встряхнул, как следует.

– Что ты несешь?! Как Блок может заговорить? Это прибор! У него нет собственного разума! Без оператора Блок просто конструкция из мозгов! Чистых мозгов, простерилизованных, как воздух в отсеках!

– Нет, Нергал... Может когда-то это и была просто конструкция из мозгов, как ты его называешь, но теперь ВСЁ! Больше это не прибор. Это РАЗУМ. Сверхмощный, самостоятельный и вероятно вполне самодостаточный. Мы доигрались.

– Почему ты так решил? Ерунда. У нас слишком мало данных. Ты ранен и напуган. У тебя шок.

– Я не ранен. И данных у меня теперь достаточно. Я даже знаю, как его зовут.

– Ха, у тебя и правда, шок. Блок представился тебе? Он был так любезен?

– Да. Он был весьма любезен и даже извинился за Ануну. За то, что с ним произошло. Сказал, что тогда ещё не мог в полной мере контролировать себя. Что он вообще не собирался причинять Ануну вред.

Нергал слушал безумные речи, всё больше убеждаясь –

подчиненному выжгло часть мозга. Остается только пожелать бедняге Шеду быстрой смерти, если его не успеют дотащить до медицинского блока. Но, несмотря на трагичность ситуации, природный сарказм, свойственный почти всем роканам, Нергал сдержать не мог. Сарказм сочился из него, как сок из переспелого фрукта.

– Он так сказал? Что, правда? Ему жаль Ануна? Какое врождённое благородство у этого... Э-э-э... Да, кстати, как же зовут теперь наш Большой Блок?

– Его зовут Энка. Тот, что был Хранителем Инструмента. Осознание реальности происходящего, ударила, как бич и Нергал обреченно поник. Он вдруг захотел, чтобы всё поскорее закончилось. Прямо сейчас. Пусть взлетит Большой Блок на воздух, вместе с половиной колонии! Пусть разлетятся клетки серого вещества ман, мешаясь с каменной крошкой и кусками тел! Но... Такое невозможно. А значит, придётся отвечать за свои просчёты.

В то же самое время, совсем рядом с мастером Нергалом, но вместе с тем неизмеримо, необозримо далеко, торжествовал Энка! Хотя Хозяин Пирамиды и проигнорировал его вызов, но в остальном всё пока идет гладко. Фаза три – запущена.

Во время следующего привала, когда посреди лесной про-

галины растянули тент и собрались, было, отужинать, неожиданно взбунтовался Нам. Он заявил, что больше не в состоянии жевать эту серую гадость (как он называл концентрат) и хочет нормальной природной еды. После недолгих споров с Абзой, утверждавшим, что у них нет времени на охоту истряпню, Нам всё же настоял на разведении костра и «отправился побродить по окрестностям в поисках белок», согласно его собственным словам. Надо сказать, что настояниям Нама, Абза уступил по двум причинам – во-первых ему самому, «дальняку» привыкшему к свежей, натуральной пище, претила «серая гадость», а во-вторых, трудно было возразить против аргумента, выдвинутого Намом, суть которого сводилась к следующему: «Если нам так к спеху, что и пожрать приготовить некогда, на кой мы остановки делаем? Жрали бы, что придётся прямо в колёснике, спали и срали тоже бы на ходу!». Действительно. Если уж они останавливаются на ночёвки и разбивают лагерь, то почему бы не разнообразить своё меню? И Нама отпустили, настоятельно рекомендовав поспешить, так как: «Жрать охота, уже неважно». Однако отсутствовал «охотник-на-добровольных-началах» довольно долго и вернулся только к загустевшим сумеркам. За это время Абза несколько раз сообщал, что спарка засекала очередной «хлопок» бича и что, похоже, Нам решил перебить в округе не только всех белок, а заодно ежей, кабанов и бродяг. Неизвестно, что по этому поводу предприняли кабаны и бродяги, а вот белки, узнав о начале готовящихся

ся против них военных действий, видимо поспешно отступили или попрятались в свои самые секретные убежища, так как ни одной из них Нам не добыл. Зато он принес большую птицу, с бурым оперением и сердито насупленными перышками-бровями. Абзе эта птица, конечно же, была известна, а вот Шарупу и Адору, не сведущим в лесной фауне, счастливый охотник сообщил, что это самец ТУПАРЯ, тушка которого обладает высокими гастрономическими качествами. Название своё, эта птица получила за то, что в брачный период самцы до того увлекаются квохтаньем, привлекающим самок, что забывают об опасности и их можно брать голыми руками. Самки, хотя гораздо умней и осторожней самцов, всё равно по аналогии именуется ТУПАРКАМИ. Пусть и не заслуженно. Тупарь, оказался вкусным. Его начинили пахучими луковками из запасов Нама, обмазали глиной и запекли в углях прогоревшего костра. Когда путники доглядывали последние косточки, на прогалине появился молодой наглый енот, привлечённый запахом жареного мяса и, не опасаясь людей, принялся ворошить объедки. Он долго выбирал кусочки полакомее, совсем по-человечески отряхивал их цепкими передними лапками и только после этого аккуратно клал в пасть. Когда енот жевал, мордочка его приобретала потешный, чуть вороватый вид, вызывающий смех зрителей. Впрочем, громкий смех енота тоже не пугал. По окончании представления, зверек почесался и направился к кустам. Провожавший его цепким взглядом Абза, успел-таки

перехватить движение Нама и предупреждающе поднял палец, показывая, что бы тот не вздумал прихлопнуть животное бичом. А когда енот скрылся, многозначительно пожевав губами изрёк:

– Нет, старина, это существо не было нашим завтраком. И не от того, что я стал сентиментален, а от того, что слышал, и неоднократно, будто подобные твари являются разносчиками болезней, опасных не то, что для сервов, а даже и для рокан.

Позже, Шаруп много раз вспоминал это происшествие и гадал – действительно ли Абза руководствовался тогда исключительно соображениями безопасности или в этом загадочном серве скрывалось что-то ещё, кроме всепоглощающего цинизма. Нечто такое, что не позволило ради куска свежего мяса убить доверчивую лесную тварь. Но это было много позже. А сейчас, засыпая, Шаруп думал совсем о другом. Он думал, думал и всё ворочался и сон от этого к нему не шёл. Наконец, убедившись, что Адор и Нам равномерно сопят, он вылез из-под навеса и присел рядом с Абзой, наблюдавшим за игрой пламени на углях. Немного помолчав, Шаруп задал вопрос, весь день не дававший ему покоя.

– Мастер Абза, скажи, как тогда, возле развалин, тебе удалось запустить колёсник?

– А-а-а-а... Ты всё об этом думаешь? А сам разве не понял? Ты же постоянно за мной подглядывал.

Шарп смутился, но не сильно. Он и правда, отойдя от ко-

лётника на указанное Абзой расстояние, всё время старался рассмотреть, что же тот делает, какие манипуляции производит. И, о, чудо! Каким-то образом едва видимые движения шефа, едва уловимые запахи реактивов, даже будто сами обрывки мыслей Абзы, сложились для него тогда в мозаику, незнакомую, но вместе с тем, отчего-то понятную. Словно сам Абза не скрываясь, пытается донести до него суть происходящего.

– Я понял, мастер. Но не всё. Это какая-то химическая реакция? С высвобождением энергии?

– Ну, почти.

– А почему же тогда Нам этого не знает? Он ведь такой опытный, а про потайной блок даже не догадывался.

– Наму и не надо знать слишком много. Это не его уровень. А насчет остального – ты в целом прав. Это действительно что-то вроде химической реакции. Точнее химическая индуцируемая ядерная реакция. А этот «потайной блок» – катализатор энергии. И знаешь, что, парень, никогда не пытайся это повторить. Если ты попробуешь самостоятельно вскрыть блок и запустить реакцию синтеза, колёсник и всё вокруг разнесет на части зарядом взрывчатого вещества. Роканы умеют хранить свои секреты.

– Но, мастер, откуда всё это знаешь ты? Если это секрет рокан...

– Уровень. Это мой уровень. А остальным сервам достаточно иметь представление о том, где находится аккумуля-

тор и как его заменить. И вообще – спи, давай! Завтра будет необычный день. Мы вплотную приблизились к полосе отчуждения и нам предстоит пересечь её.

– Что такое полоса отчуждения?

Абза тихонько засмеялся.

– Завтра всё узнаешь. Тебе ещё многое предстоит узнать мальчик. Вам обоим. Всем нам.

– Ну что, Гахидж, вот и свиделись. Здравствуй!

Перед Седым и Двоеносом вырос, будто из-под земли, здоровенный лысый детина, разом перегородивший всю тропу своим крупным, ширококостным и при этом очень сухим и гибким телом. Он был одет в маскировочный комбинезон, который на глазах у путников сменил покровительственный буро-зелёный окрас, на весёленький синий. Это явно было проделками детины, так как сам по себе защитный комбинезон такие дурацкие и неуместные в лесу расцветки принимать не может.

– Поговорим? – Снова обратился он к Седому.

Однако беседа задалась не сразу. Для начала Двоеносу, попытавшемуся скинуть с плеча карабин, ловко подсекли ноги и уперли в затылок бронированного шлема сразу два короткоствольных штурмовых импульсника.

– Не дергайся, парень. – Посоветовал ему Седой и спокой-

но развел руки в стороны, ладонями вперед, показывая, что полностью отказался от сопротивления.

Детина, довольно подмигнул Седому и тоже посоветовал Двоеносу:

– И правда, не дергайся. С такого расстояния и доспех не защитит. Этот древний экзоскелет не способен полностью поглотить ударную волну от заряда штурмовки, тем более при выстреле в упор. Внешних повреждений почти не будет, а вот внутренности твои развалятся на запасные части. А ты, Гахидж, можешь опустить руки. Я никогда не сомневался в твоём благоразумии. Даже после того, как ты решил слегка опустошить наше хранилище.

Седой опустил руки, затем не спеша, без резких движений, снял шлем.

– Ну что ж... Здравствуй, Ястреб. Я всегда знал, что рано или поздно нам снова придётся встретиться.

– Конечно. Этот мир велик, но не слишком густонаселён. Тут вообще не с кем особо поговорить, так ведь?

– Согласен. Ты только за этим организовал нашу встречу? Или хочешь поквитаться за склад?

– А сам как думаешь? Кстати, мне приятно, что ты помнишь моё «манतिकоровское» прозвище. Обычно окружающие именуют меня Хак.

– Теперь окружающие обычно именуют меня Седой.

– Да, я вижу. Ты сильно сдал за два десятилетия. Вот, что значит уйти из-под опеки рокан.

– Об этом не жалею. Скажи лучше, что ты намерен с нами делать?

– С вами? Пока меня интересуешь только ты. И я намерен предложить тебе прогуляться вглубь леса. Там есть чудесная полянка, где можно посидеть и отдохнуть. Вытянуть усталые ноги. Снять доспехи. Если конечно захочешь. А заодно, отведать отвара из трав, который ты так когда-то любил.

Усмехнувшись, Седой покорно склонил голову.

– Ну что ж... Пойдём. А травяной «бодряк», я и сейчас люблю. Благо бродяги тоже могут позволить себе пить его хоть каждый день.

– Вот и хорошо. А твой спутник, пока останется здесь в компании двух моих ребят.

– Сгодится.

– Ну, тогда тронулись.

Перед тем, как скрыться в зарослях вслед за незнакомцем, которого он называл Ястребом, Седой обернулся и подмигнул Двоеносу.

– Сиди смирно. Может статься – мы ещё поживём.

Долго идти не пришлось. Полянка и вправду была красивая – почти идеальной круглой формы, в окружении огромных сосен с прямыми, чистыми стволами, лапы которых тянулись к солнцу где-то высоко-высоко, и что бы увидеть верхушки, нужно было запрокинуть голову, а лучше лечь на землю, устланную сухим белым мхом. Этот свободный пятёчек земли, порос лишь можжевельником, да и то как-то

странно, по окружности, хотя по логике, тут вполне уместилась бы еще парочка превосходных древних сосен. Вместо этого посреди полянки была установлена полевая бездымная горелка, на которой в котелке, под присмотром серва, такого же крупного и одновременно гибкого, как Хак, пузырился отвар из трав и кореньев. Знаменитый «дальняцкий бодряк». Надо сказать, что у каждого дальняка был, наверное, свой рецепт и способ приготовления этого зелья. Но, несмотря на некоторые расхождения в рецептуре, все «бодряки» обладали набором определенных качеств: превосходно согревали, снимали усталость и повышали общий тонус. Когда напиток был готов, жидкую фракцию слили в огромную пластиковую кружку, слегка остудили и передали по кругу – от Большого Брата (в роли которого выступил Хак) к гостю и далее. Каждый делал совсем маленький глоток, ведь ядрёного «бодряка» зараз много не выпьешь. Когда кружка сделала полный круг, Хак вернул её сварившему «бодряк» серву и тот скрылся в лесу, чтобы угостить Двоеноса и его стражников.

– Ну, вот теперь можно и поговорить. – Резюмировал Хак.

– По поводу того, что ты Гахидж влез в наш склад, особых претензий мы к тебе не имеем. Мы сочли, что раз ты принимал непосредственное участие в его устройстве и не проболтался о нашем маленьком секрете роканам, то имеешь право на однократное пользование его содержимым. В разумных пределах конечно и при условии, что потом всё имущество

ты вернешь назад. По крайней мере, всё то, что уцелеет после твоего похода.

– Это радует.

– Вот только я удивляюсь, почему ты до сих пор этого не сделал? Зачем так долго тянул?

– Что именно я должен был сделать? Отправиться в этот поход или воспользоваться снаряжением со склада?

– И то и другое.

– Однажды, один знакомый тебе беглый серв, уже отправился к Башне. Мы хорошо его экипировали. Собрали всё, что могли. Из всех доступных источников. Этого должно было хватить. Мы надеялись, по крайней мере. Но он не вернулся. Не думаю, что какие-то старые игрушки со склада «Манतिकоры» могут всерьез изменить расстановку сил.

– Мы знаем о попытке, предпринятой Артором. И знаем, что она провалилась.

– Знаете?!

– Естественно. Отряд «Манतिकора» всегда находится в центре таких событий. Или ты забыл?

– Скажи, что с ним? Что со вторым, с его спутником? Что вы с ними сделали? Они мертвы?

– Сделали. Только не мы. Другие. Те, кем Энкида населил полосу отчуждения.

– Энкида?! Разве это не всего лишь легенда?! Глупые сказки о рокане-одиночке, ушедшем от своих и скрывающимся незнамо где!

– Мы тоже так полагали. Причем долго. Но собранные нами факты ясно свидетельствуют – при начале колонизации планеты, заместителем Этан-Думузи по безопасности, действительно был некий Энкида. Он был специалистом высокого класса в своём деле и именно поэтому прибыл на планету в первой партии. Затем на территории колонии произошла какая-то катастрофа, скорее всего техногенного характера, во время которой погибло много рокан и в их числе сам Этана-Думузи. После этого управление колонией принял по старшинству Энкида. Но ненадолго. Официально Этана-Думузи он так и не стал. Нынешний же Этана-Думузи, прибыл всего лишь в третьей или четвертой партии колонистов и по мнению Энкиды, никаких прав на столь высокий пост не имел, так как не являлся старожилом. Новый Этана-Думузи и заместитель по безопасности сразу же не поладили, и вскоре состоялся Совет Семёрки, на котором Третий Думузи Энкида был низложен. Точнее переведен на нижестоящую должность и оправлен нести службу подальше от колонии. Говорят, что из шести Думузи, ни один не выступил на его стороне. Не ясно, как это всё повлияло на Энкиду, но на новой должности к нему нареканий вроде не было, свою работу он продолжал делать на совесть. А потом... Он просто исчез. Официально он числится безвестно отсутствующим, но среди рокан бытует мнение, что Энкида жив-здоров и играет теперь в свою игру и по своим правилам. Кстати, эта версия никого не удивляет. Те, кто близко знал Энкиду, го-

ворят, что подобное как раз в его духе.

– Послушай Хак, эта история, пусть и с меньшими подробностями, известна любому дальняку. Но, насколько я слышал, произошла она очень и очень давно. Так давно, что даже многие роканы не верят в её правдивость. Ведь с тех пор об Энкиде нигде не упоминается.

– Ты прав. Всё это произошло давно. Несколько поколений дикарей успело смениться. И действительно, до сих пор об Энкиде ничего не было слышно. Но в последние три десятилетия, стали происходить необъяснимые вещи. Мы перехватили информацию, что в полосе отчуждения, как раз между «Поясом» и зоной «Прима», были замечены передвижения особей, которые могут быть инициализированы, как ЧЕЛОВЕК. Я умышленно не употребляю слово «ДИКАРЬ», так как не знаю, кем они могут являться.

– Что?! Да за «Стеной» вычищены любые формы жизни, способные к самостоятельному передвижению! Там могут находиться только роканы и «опоясанные», а парни из «опоясанных» даже мух не щадят.

– Когда-то так и было. Защитная зона «Пояс», образованная вокруг зоны «Прима», которую дикари в своих легендах называют «Пустырь», представляла собой непроходимую преграду: «Стена», за ней цепь постов технического наблюдения, пешие и моторизированные группы сервов, патрулирующие периметр, два малых парома с пилотами роканами, готовые подняться в воздух по первой трево-

ге. Изначально, зону разделили на двенадцать секторов, и охрану каждого возглавлял рокан из подразделения «Грифон», с подготовкой не ниже шестого уровня, подчинявшийся напрямую новому заместителю по безопасности – Хувава. Должность старшего в секторе считалась настолько ответственной, что приравнивалась к должности руки Третьего Думузи. Кстати, наш Хувава, до того, как самому стать Третьим Думузи, долгое время был Правой Рукой Третьего Думузи Энкиды! И говорят, лучшим его учеником. Короче, всё было организовано так, что не один дикарь не смог бы пройти через «Пояс». Кроме того, существовал засекреченный периметр – «Пояс-2». Это были автоматические охранные установки, полностью автономные и расположенные непосредственно на границе с зоной «Прима». Принцип действия мне не известен. Но они уничтожали любое живое существо, пытавшееся проникнуть в зону. Даже муху. Ты понял? – Максимальные меры для защиты Хозяина Башни! И всё работало, как хорошо отлаженный механизм... А потом произошёл сбой. Установки «Пояса-2» вышли из-под контроля. Они вроде бы продолжают функционировать, но убивают всех без разбора – и дикарей и сервов и рокан. Система распознавания «свой-чужой» больше не работает. Причем были зафиксированы случаи гибели сервов прямо на патрульных станциях! А это значит, что расширился радиус действия установок! И никто не может к ним приблизиться, чтобы исправить. В настоящее время, часть постов

заброшена, а часть передвинута как можно дальше от «Пояса-2». Образовались разрывы, которые очень трудно контролировать. Роканы это тщательно скрывают, но, как говорится, нож в брюхе не утаишь. Среди дальняков бытует мнение, что всё это результат ссоры рокан с Хозяином Башни. Именно ему приписывают шалости в «Поясе-2».

– Но постой, если этот «Пояс-2» стал для всех смертельной ловушкой, кто же тогда находится в полосе отчуждения? Какого кабаньего хрена им там нужно? И что вы, «мантикоровцы», думаете про всё это?

– Мы не знаем. Но в любом случае, похоже на то, что прямо в зоне «Пояс-2» – обитают разумные, двуногие существа, которые каким-то образом избегают смертельного действия охранных установок.

– А почему ты считаешь, что именно они убили Артора и Юргена? И как ко всему этому причастен Энкида?

– Значит, мальчика звали Юрген...

– Да, его звали Юрген. И он был сыном Артора.

– Он не мог быть сыном Артора.

– Почему?!

Ответ Седой получил не сразу. За время разговора успел вернуться серв с остатками «бодряка» и хотел перелить отвар во флягу, но Хак показал, что бы тот вернул чашку ему, а приняв её, залпом допил содержимое.

– Холодный совсем. Вкус уже не тот. Надо было подогреть.

Потом он снова повернулся к Седому.

– Ладно, Гахидж, слушай. Наши люди, по собственной инициативе, не оповещая рокан, следили за Артором, как ты его называешь и мальчишкой, пока те шли через «Пояс». Мне кстати, ближе его сервское имя, ну или то прозвище, что дали ему «манतिकоровцы» – Проснувшийся. Хотя, какая теперь разница. В общем, всё у них складывалось удачно, в чём я и не сомневался – Артор много лет провёл на технических постах и знал места разрывов в «цепи».

– Я тоже знал, потому и согласился их отпустить. Я только не понимал, каким образом Артор надеется преодолеть Пустырь, хотя он и утверждал, что знает способ, о котором не может пока рассказать. Думаю, он всего лишь что-то предполагал и хотел проверить...

– Прекрати меня перебивать! Так вот, Артор и мальчик минули «Стену», преодолели «Пояс» и вошли в полосу отчуждения. Наши люди последовать за ними не рискнули. И как выяснилось – не зря. На всякий случай несколько «манतिकоровцев», ты, кстати, всех их знаешь, решили побродить по «Поясу», недалеко от места проникновения и подождать. Прошло больше двух суточных циклов, но мы умеем быть терпеливыми. Сначала наши люди засекли приближающуюся машину. Это оказалось большое патрульное судно на воздушной подушке. Такие, есть только в «Колонии-1». С судном прибыли двое рокан и отряд охраны. Остановившись на некой условной границе, они выставили дозорных и то-

же стали чего-то ждать. А потом из леса, прямо из полосы отчуждения, вышло несколько человек весьма странного вида – они были волосаты, как дикари-бродяги, но в остальном выглядели, как сервы. Как крепкие, улучшенные сервы. Одеты и экипированы, правда, были, как попало. Безумная смесь дальняцкого снаряжения, одежды дикарей и артефактов, вроде тех, что ты позаимствовал на складе. С ними был мальчишка. Тот самый. Которого ты называешь Юргеном и считаешь сыном Артора. Он был жив. Эти загадочные типы передали его роканам, после чего, как ни в чём не бывало, снова скрылись в полосе отчуждения. А роканы запихнули мальчишку в свою посудину и улетели паря над землей в направлении «Колонии-1».

Сразу с десяток различных чувств попеременно отразилось на лице Седого. Сначала он ничего не мог выдавить из себя, пытаясь переварить полученную информацию. Затем с надеждой посмотрел на Хака, надеясь, что это ещё не всё. И не ошибся.

– Ты, наверное, хочешь спросить, известно ли нам, что случилось с Артором? И тебе всё ещё любопытно, какое отношение к этому может иметь Энкида? Я прав? Ладно. Не буду тебя мучить. Короче ты и сам знаешь, что на вооружении «манतिकоровцев» есть кое-что из арсенала вымершего человечества. Всё то, что нам удалось спрятать от рокан. Ну и, в общем, кое-что из таких игрушек было тогда при себе у наших ребят. Устройства, обостряющие зрение и слух в

десятки раз. Это лучше, чем любой электронный бинокль. В твоём шлеме тоже имеется подобное, только не в пример слабее. Потом я покажу, как им пользоваться. В общем, при помощи этих устройств парни подслушали, о чём говорили между собой эти типы из полосы отчуждения. Приготовься – сейчас будет самое интересное! Один из них сказал: «Каждый раз, когда приходится встречаться с чужими роканами, у меня задница сжимается так, что муравей не пролезет». А второй ответил: «Зато теперь Энкида будет доволен. И так нам досталось, что не смогли взять живьем того мужика!». Вот такая история, Гахидж. А последним назначением Энкиды, между прочим, была как раз должность Руки в Одиннадцатом Секторе зоны «Пояс». Понимаешь? Он был одной из тех самых двенадцати рук нового заместителя по безопасности, которые возглавляли службу охраны в секторах «Пояса»! Кроме того, до низложения, будучи ещё Третьим Думузи, Энкида лично руководил разработкой, а потом и созданием всех этих охранных зон. Это был его проект! Так что кому, как не Энкиде, знать способ там уцелеть?

– Похоже на правду... Слушай, Ястреб, а ты больше ничего не хочешь мне рассказать?

– Например? – удивленно поднял брови Хак.

– Меня беспокоит одна мелочь... Почему в разговоре ты всё время ставил под сомнение тот факт, что Юрген был сыном Артора?

– Кто о чём... Гахидж, не будь уже дураком. Твой друг

Артор, конечно славный парень, но в прошлом он, по сути, всего лишь маленький дикарь, сын дикаря и дикарки. Роканы сначала отобрали его из общего стада, а потом приручили, промыв мозги. Когда он подрос и стал достаточно сильным, роканы отправили его выполнять за них грязную работу. И не хмурься. Почти все сервы имеют такое происхождение. Но мы – ты, я, да и многие другие сервы, НИКОГДА НЕ БЫЛИ ДИКАРЯМИ!

– Что ты имеешь в виду?

– Мы же УЛУЧШЕННЫЕ. Ты задумывался хоть раз, что это значит? – Нас специально создали и вырастили. Всем известно, что роканы отбирают у дикарей не только мальчиков-самцов, но и девочек-самок. А где они по-твоему? Ты за всю свою жизнь у рокан, видел хоть одну бабу-серва?

– Нет. Но я слышал, что они есть в «Колонии-1».

– Точно, есть. Только содержат их отдельно, и у сервов-самцов нет к ним никакого доступа. Сервы из «Колонии-1» живут вроде с бабами бок о бок, а знают о них не больше нашего! А теперь подумай, чем там эти самки занимаются?

– Чем?

– Они вынашивают маленьких сервов! Маленьких УЛУЧШЕННЫХ! Заметь – не зачинают их от кого попало, а только вынашивают! Понимаешь теперь? Тебя и меня, роканы СОЗДАЛИ! Сотворили маленьких таких зародышей, со сверхспособностями и внедрили в чрево прирученным самкам ди-

карей. Но мы не имеем ничего общего с этими биологическими контейнерами. Мы – отдельная порода! А может даже отдельный вид!

– Не скажу, что твои слова так уж шокировали меня. Нечто подобное предполагал и Артор. Но при чем тут Юрген? Я ЛИЧНО знал его мать. Её звали Дилия. Она была дикаркой-бродягой из Вольного посёлка. Который роканы и «манतिकоровцы», как тебе известно, превратили в маленькую выгоревшую пустыню, вместе с большей частью его обитателей.

– Да помню я эту историю. Вольный посёлок! Не смехи. Кучка бродяг решила объединиться и организовать на дальнем севере поселение неподвластное роканам. Наивные. Как я понимаю, вы с Артором тоже поначалу прибились к ним? Значит вот кто спас часть бродяг от ликвидации... Смешно. Два беглых серва, в прошлом сами активные участники зачисток, переходят на сторону дикарей! Впрочем, это уже не важно. Важно то, что ты эту дикарку ЗНАЛ! Я правильно тебя понял? Ты оплодотворял её?

– Возможно. Но это было до того, как Дилия стала женщиной Артора. И задолго до того, как был зачат Юрген. Детей у нас с ней не было.

– Наивный. Я же доходчиво объяснил – ты не человек! Ты – улучшенный серв. Существо с иной физиологией. Кто знает, что будет, если «улучшенный» оплодотворит дикарку? Сколько времени она будет вынашивать плод? Девять меся-

цев? А может двенадцать? Или двадцать четыре? Ну, понял, наконец?

– Да ничего я не понял! Всё это ни о чём мне не говорит!

– Ты точно дурак. Ну, пойми ты – дети дикарей за два-три года не развиваются из десятилетних мальчишек в здоровенных мужиков!

И глядя в вытаращенные глаза Седого, Хак с победоносным видом добавил:

– Ага. Дошло, наконец? А ведь ты уже полсутки идёшь по его следу!

«Нет, кажется, зря я зарился на место Третьего Думузи!» – подумал Асаг, когда усталость начала неумолимо сковывать его движения, а в голове забили барабаны. «Тут бы свою должность Второй Руки не потерять. Или вообще в живых остаться». Передвигаться теперь приходилось по заболоченной местности, вокруг стояла нестерпимая вонь и что-то постоянно хлюпало под ногами. Перепрыгивая через очередной ручей, пересекавший маршрут группы, Асаг, прямо на глазах у сервов, чуть было не сорвался с противоположного обтекающего жижей берега и не рухнул в воду. Вот позора-то бы было! Сервы, правда, на это никак не отреагировали – у них хватало собственных проблем. Особенно у следопыта, который прокладывал маршрут только по природным ориен-

тирам и по солнцу, проглядывавшему иногда сквозь низкие серые тучи. А тучи проносились быстро, и каждая последующая была всё темней, и среди верхушек деревьев уже носился тот самый порывистый ветер, что обычно предвещает начало дождя. Вскоре и гром, раздавшийся пока где-то вдалеке, слился в голове рокана с нестерпимым уже барабанным боем. «Всё. Хватит!». И Асаг наконец остановился.

– Подойди!

Серв, которому было послано обращение, покачиваясь подошел к рокану. Его лицо и шею обильно заливал пот, проступивший через одежду белыми солевыми разводами.

– Слушаю, мастер.

– Разбейте лагерь. Вам нужен отдых.

Мелькнувшая в глазах серва благодарность, не смогла скрыть и затаившуюся усмешку, – «Самому, мол, тебе, нужен отдых! Что мы, слепые что ли?». Но серв только кивнул и, крикнув остальным, бросился обрубить тесаком еловые лапы. Когда первые капли дождя обрушились на лес, сервы уже укрылись под плотной хвойной крышей походного балагана. Асаг же демонстративно присел в стороне – даже в деактивированном коконе ни дождь, ни холод были ему не страшны. Вот только уж очень хотелось сменить этот кокон на другой – лёгкий, почти невесомый, предназначенный для внутренних помещений! Да и планету эту хотелось бы сменить. Ему, Асагу, как и всем роканам, даже тем, кто тщательно это скрывает и послушно танцует под песни Старших

Братьев, каждый день хочется вернуться туда, где они могут дышать полной грудью без защитного фильтра, а воду пить из любого ручья, не боясь отравиться или подцепить какую-нибудь заразу! Туда, где технический прогресс тесно сплелся с материями природы и где одно не нарушает другого! Таков был их мир. Их Идеальная Цивилизация! Асаг хотел обратно. Он хотел домой.

Следующие несколько часов он провёл без движения, низко склонив голову в уродливом вытянутом шлеме. Асаг был настолько неподвижен, что походил на часть ландшафта, обманув даже лесную пичугу, которая спасаясь от дождя, по-свойски пристроилась к рокану на колени и запрыгала, ерша мокрые перья. Но только ливень стал сходить на нет, как Асаг подал признаки жизни, встав так резко, что птица едва успела упорхнуть в кусты, и долго еще оттуда слышалось её негодующее щебетание. Сервы поняли – привалу конец. Утешало лишь то, что во время дождя они успели передохнуть и хорошенько подкрепиться. Сам же Асаг за это время не только частично восстановил силы, но и поборол в себе все проявления малодушия. А ещё он произвел некоторые расчеты и пришел к выводу, что с тех пор, как возле памятных развалин отказала его спарка, группа здорово отклонилась от курса. Они слишком круто взяли в северном направлении, отчего и угодили в эту треклятую тряси-ну. Правда серв-следопыт утверждал, будто таким образом они наоборот, обходят самую гиблую в этом месте топь и

что скоро начнутся сухие сосновые боры. На долю секунды к Асагу закралась мысль – уж не вводит ли следопыт его в заблуждение? Неумышленно конечно, но всё же? Он многое бы сейчас отдал за возможность покопаться у серва в голове. Жаль, что это пока невозможно – лишённый энергии усилитель мозговой деятельности, являющийся неотъемлемой частью боевого кокона, был сейчас бесполезен. Как и спарка. Вооружён Асаг теперь был только импульсной штурмовкой – стандартной моделью из арсенала дальняков. В отличие от спарки, импульсник продолжал функционировать. Как ни в чём не бывало. Всё потому, что у него вообще нет энергоблока. Он сам вырабатывает энергию и высвобождает её в момент выстрела. Прост и надежен. Асаг хорошо знал эту модель. Когда он забрал импульсник у серва, то сразу почувствовал знакомые очертания. Даже через перчатки кокона. Было приятно. Как от прикосновения к старому другу. По правде говоря, в совершенстве владея любыми видами оружия, Асаг предпочитал именно такие гибридные образцы. Было что-то захватывающее в их примитивной простоте. В грубой смертоносности. Вещи созданные, чтобы убивать. Не то, что все эти бичи, спарки и прочие кустарные переделки, бывшие когда-то только средствами защиты и уж никак не нападения... И пусть они в десяток раз мощнее, ощущение от их применения всё равно не то! Они сами делают за тебя всю работу. Игрушки для неженков, старающихся не покидать пределов колонии! Для настоящих же бойцов, таких,

как Асаг, существует и настоящее, правильное оружие! Как, например, эта длинноствольная импульсная штурмовка, получившая у дальняков прозвище «Шершень».

С этими мыслями, Асаг снова упрямо пошёл вперед, увлекая за собой сервов. Он не хотел больше думать о потерянном мире. Он не был сейчас цивилизованным. Он хотел сражаться и убивать.

Следы, оставленные отрядом, быстро заполнила чёрная торфяная вода.

Больше двух сотен лет назад, по местному планетарному исчислению, вместе с очередной партией переселенцев, прибыл рокан, которому суждено было стать новым Этана-Думузи. Первым из Совета Семи. К тому времени Первой Колонии уже не существовало. Она была стерта с поверхности планеты вместе с её обитателями. Погибли все. Кроме тех конечно, кого судьба решила пощадить и увела в тот день от места трагедии. Поэтому база с названием «Колония-1», благополучно существующая и поныне, к той, истинной Первой Колонии никакого отношения конечно не имела. Она вообще появилась одной из последних и была так поименована только для того, чтобы восстановить нарушенную нумерацию. Так вот, в те давние времена, когда Первая Колония УЖЕ не существовала, а «Колония-1» не существовала

ЕЩЁ, упомянутый рокан, известный теперь, как Этана-Думузи, носил совсем другое имя. Однако ступив на новую землю обетованную, он уже знал, кем ему предстоит стать. Это было решено ТАМ и решение приняли за него Старшие Братья. Противиться же их воле, как известно, никто из Младших не в силах. Только вот новые подчинённые встретили своего будущего патрона отнюдь не благодушно. Особенно много проблем возникло с колонистами первой волны – местными старожилами. Осталось их, после гибели Первой Колонии, всего-то на костяшку больше, чем полтора согнутых перста (или девятнадцать, по исчислению севрвов и дикарей), зато проблем они создали в первые циклы его правления больше, чем все остальные кулаки, вместе взятые... И самым непримиримым, оказался Третий Думузи, исполнявший в структуре управления рокан обязанности руководителя службы безопасности. Именуясь «Третьим», он, фактически был вторым лицом в их маленьком государстве и официально считался Первым Заместителем Первого Думузи. Остальные ключевые функции были распределены среди управленцев следующим образом: Второй Думузи руководил службой медицины и биологических исследований, Четвертый ведал вопросами снабжения и осуществлял сношения с дикарями, Пятый был главным строителем, Шестой курировал все технические отделы, а также заведовал машинами и оборудованием, поддерживающим жизнедеятельность колонии, ну а Седьмой, как и Четвёртый, был специ-

алистом по контактам, только не с дикарями, а с сервами. Всем семерым приходилось действовать, как единый организм и это было обусловлено в первую очередь тем, что их функциональные обязанности были так плотно переплетены, что порой возникал вопрос – где заканчивается компетенция одного, и начинаются полномочия другого. Ведь, в самом деле, невозможно же организовать Четвертому Думузи вывоз добытого дикарями сырья, не прибегнув к помощи Третьего Думузи, должного обеспечить безопасность каравана? А Третий Думузи, не может в свою очередь сформировать из сервов охранный отряд, не посоветовавшись с Седьмым Думузи, который знает «всё и вся» про каждого из своих подопечных и может чётко указать, какой серв больше подходит для той или иной работы и кому из них можно доверить в руки оружие. Ну, и, в конце концов, Третий, Четвертый и Седьмой просто обязаны согласовать свои действия с Первым, с Этана-Думузи, который и примет окончательное решение. Казалось бы – отличный механизм управления. Только вот Третий Думузи Энкида (теперь уже бывший Третий Думузи), так не считал. Он по собственному усмотрению отправлял караваны, сам набирал сервов в охрану, сам обучал их тактике ведения боя и вообще всё делал самовольно, как хотел и когда хотел. И мнение Первого Думузи его не интересовало. А всё потому, что Энкида, никак не мог смириться с тем, что место Первого Думузи занял не он сам (первый поселенец, лично принимавший участие

в создании Первой Колонии, а после её гибели и в акции по усмирению дикарей), а какой-то там новичок, выскочка, прибывший одним из последних и не имеющий, по мнению Энкиды, никакого понятия, о том, что вообще происходит на этой планете! Кроме того, так случилось, что прежний Этана-Думузи, погибший вместе с Первой Колонией, был личным другом и наставником Энкиды и пользовался безмерным уважением последнего. После же его гибели, сам Энкида, в течении шестидесяти трёх лет по местному планетарному исчислению, фактически исполнял обязанности лидера рокан. Именно благодаря его стараниям, выжившие девятнадцать колонистов, смогли не только продержаться до прибытия следующей партии, но и подготовить условия для её приёма. А это было не так-то просто. Ну а когда на планету прибыло ни много ни мало, а целая РУКА КУЛАКОВ (то есть семьсот двадцать рокан), Энкида возглавил их и осуществил знаменитую военную операцию, под кодовым названием «Липит-Иштар». Во время оной все поселения дикарей, жители которых подозревались в причастности к диверсии, погубившей Первую Колонию, были стерты в труху. Так же, на всякий случай, были ликвидированы и руководители оставшихся общин, отношение которых к роканам можно было считать нейтральным. После этой ключевой победы, навсегда вошедшей в анналы истории колонистов, наступило долгожданное благоденствие! Поселенцы прибывали, число баз увеличивалось. Дикари же, лишившись своих ру-

ководителей и будучи устрашёнными поголовным истреблением своих нелояльных к роканам сородичей, угомонились, смирившись с пребыванием на планете представителей другой цивилизации, а в дальнейшем и без особых эксцессов перешли под их полный контроль. Покоренным дикарям была отведена роль добытчиков и заготовителей природных ресурсов, тех, какие еще можно было выкачать и выкопать из недр истощённой планеты. Но дикари стали поставщиками и иного сырья – биологического. А именно, особей своего вида, которым после «обработки» предстояло стать социальными симбионтами новых хозяев планеты – сервами.

За эти заслуги, Третий Думузи звавшийся Энкида стал для рокан ПЕРВЫМ на многие циклы. И были даже такие, кто осмеливался вслух именовать его ЭТАНА-ДУМУЗИ даже тогда, когда на планету ступил истинный и законный носитель этого имени.

Только вот Этана-Думузи – не просто имя. И уж точно не титул для отличившихся, дарующий им привилегии. Это в первую очередь должность. Не выборная, а назначаемая свыше! Должность, которая обеспечивая высокий статус, налагает и ответственность. Почти непомерную. Ведь ответ держать приходится перед Старшими Братьями. Их именем согласовывает Этана-Думузи все важные решения и, если придётся, не ропща принимает от них наказание за любые ошибки и промахи. Принимает единолично. Ибо не может Первый из Семи переложить вину на другого, как не может го-

лова обвинить за содеянное руки.

Так каково же было ЕМУ, ЗАКОННОМУ ЭТАНА-ДУМУЗИ, терпеть выходки Энкиды?! Можно ли было позволить, что б у организма, каковым представлялось ему роканское сообщество на этой планете, было две головы, каждая из которых отдавала бы конечностям свои приказы? НЕТ! НЕТ! И ЕЩЁ РАЗ НЕТ! Но нельзя было, и избавить организм от этой второй головы, не нанеся непоправимых увечий. Слишком популярен был Энкида. Слишком любим. Да что там! – Это был Герой! И любые жёсткие меры в отношении него не добавили бы популярности новому, законному Этана-Думузи. А значит, оставалось одно – сделать так, чтобы «лишний орган» был отторгнут самим организмом. Требовалось обновление. Начал он с самых непопулярных членов Совета – с Четвертого и Седьмого, которые и Думузи-то именовались лишь формально. Надо сказать, что после гибели Первой Колонии, Совет был восстановлен в усеченном составе. Обязанности Первого, Третьего, Четвертого и Седьмого членов Совета – исполнял лично Энкида. На остальные должности Энкида назначил наиболее достойных и компетентных колонистов первой и второй партий. То есть тех, кого считал старожилками. Уже после, по требованию Старших Братьев, Энкиде пришлось довести Совет до полного состава. Однако обязанности по сношению с дикарями и воспитанию сервов, он всё равно оставил за собой, и все понимали, что Четвертый и Седьмой просто пальцы на его руках.

Просчёт Энкиды заключался в том, что оба эти рокана не были ему лично преданы. Однако и для нового Этана-Думузи они интереса не представляли – слишком слабовольными показали себя, а таких он не выносил. А значит и пожертвовал ими без сожалений. Заняв должность, приказал им представить полный отчёт о проделанной работе, а потом огласил его. Результаты были плачевными. Любому стало ясно, что всё это время Четвертый и Седьмой тратили время на разную ерунду, совершенно не исполняя своих прямых обязанностей. Колонисты первых партий только усмехались по этому поводу, а вот те, кто прибыл позднее (а их на планете было уже большинство), начали открыто возмущаться. Многие стали намекать, что одобрительно отнесутся к смещению бездельников и что на освободившиеся должности всегда найдутся более достойные кандидаты. В качестве кандидатов предлагали естественно себя. А в благодарность обещали законному лидеру безоговорочную поддержку в любом начинании. Вполне естественно, что Этана-Думузи пошёл навстречу пожеланиям большинства и вскоре в Совете появились два новых Думузи. Может, они и не справлялись с обязанностями по воспитанию сервов и сношениям с дикарями так же хорошо, как, по правде говоря, делал это Энкида, зато всегда были готовы лоббировать незаконные распоряжения последнего. Заручившись такой поддержкой, новый Этана-Думузи легко избавился и от своего Второго Заместителя. Традиционно им считался Второй Думу-

зи, эксперт в области медицины, биологии и сопутствующих наук. Назначался он из числа выдающихся ученых. ВЫДАЮЩИХСЯ, а не абы каких! Второй же Думузи, назначенный ранее на эту должность ещё Энкидой, выдающимся не был. В прошлом скромный помощник медицинского техника, он не имел не только крупных научных достижений, но даже не обладал достаточными знаниями, чтобы претендовать на более высокую должность. Однако этот рокан был колонистом первой волны. А поскольку среди девятнадцати выживших никто более не был сведущ в науке восстановления биологической материи, то именно ему пришлось взять на себя заботы о здоровье собратьев. И сказать по чести, справился он не плохо. Занялся самообразованием, собрал остатки медицинского оборудования и инструментов, что-то починил, что-то соорудил заново из подручных материалов, и вскоре даже Энкида обращаясь к вчерашнему недоучке, называл его уже не иначе, как Бау – древним именем всех врачей-лечителей. Когда же прибыла вторая партия колонистов, и решено было восстановить Совет, Бау занял в нём место Второго Думузи. Надо отметить, что сам Бау, не горел подобным желанием и согласился только благодаря настояниям Энкиды – должность-то была ответственная, а знаний новоиспеченному Думузи всё еще хронически не хватало. К счастью для всех, со второй партией прибыли профессиональные медики и несколько крупных специалистов в области биологии, из числа которых Бау и подобрал себе заков. В дальнейшем, он

называл этих рокан – «мои учителя», не стесняясь прилюдно советоваться с ними по всем вопросам. Последнее и послужило формальным поводом для его отставки. Новый Этана-Думузи объявил на Совете, что его Второй Заместитель, должный быть учителем и наставником своих подчинённых, на деле не способен без их консультации справиться ни с одной серьёзной задачей. А посему, необходима комиссия для проверки знаний Второго Думузи на предмет соответствия высокому посту. Проверку Бау провалил... В тот раз решение Этана-Думузи поддержали Четвёртый и Седьмой члены Совета... и как ни странно Шестой, которого ранее все считали близким другом и Бау и даже самого Энкиды... Звали Шестого Думузи – ЭНКА. Энка, что в последствии добровольно сложил с себя полномочия члена Совета Семи, предпочтя ограничиться должностью Хранителя Инструмента... Решение о низложении Бау и о своём собственном уходе, Энка мотивировал тем, что оба они оказались в Совете лишь волею случая, в тяжёлое для колонистов время, когда на счету был каждый мало-мальски толковый специалист. Пора уступить дорогу тем, кому более подобает носить обруч Думузи. А ему хватит и знака Мастера на коконе. Большого он пока не заслужил. Таковым было решение Энки. И Этана-Думузи остался им доволен.

После Шестого, Совет покинул наконец и ТРЕТИЙ ДУМУЗИ – ЭНКИДА, растерявший к тому времени всех своих сторонников. Последний из его протеже – Думузи Стро-

итель, безоговорочно признал над собой авторитет нового Этана-Думузи, чем и спас себя от низложения. Энкида же был вынужден отправиться в почётную отставку. А что бы он не скучал, члены Совета отправили Энкиду подальше от колоний, поручив занять небольшую, но крайне ответственную должность, справиться с которой, мог только настоящий сторожил. Энкида отнесся ко всему произошедшему на удивление спокойно и отбыл на дальние посты, где скромно и без нареканий исполнял свои новые обязанности. Со временем про него стали вспоминать все реже и реже, и вновь прибывшие колонисты уже не узнавали в нём знаменитого героя прежних лет...

А потом было КРУШЕНИЕ. Крушение челнока, что нёс в своем чреве Старшего Брата из сословия Обозревающих За Пределы. И перед неудачной посадкой этот Старший Брат успел наречь себя именем – ПУРУШАМ.

Самым неожиданным из увиденного, была СТЕНА – стволы высоких хвойных деревьев стояли так плотно, что казалось меж ними придётся протискиваться. И ведь вроде только что ехали по-обычному, хотя и довольно густому лесу, ловко огибая завалы из валежника и мягко перекатываясь через менее значительные препятствия, как вдруг со всех сторон стала наваливаться липкая тьма, просветы над голо-

вой сначала уменьшились, а потом и вовсе замкнулись пологими кронами, похожих на темно-зелёные зонтики, а вскоре деревья начали расти уже так густо, что пришлось, оставив колёсник, продвигаться пешком. Затем, снова – бац! – и плотность деревьев вообще превысила все разумные пределы. Выглядело это пугающе. Будто кто-то специально спрессовал лес на вытянутом участке, превратив его в естественное укрепление. Картину довершали заросли высокого колючего кустарника, который был в разы опаснее, чем ядовитый терновник. Называлось это коварное растение – «обманка» или «жгучая малина». Где бы оно не появилось, сразу вытесняло обычную дикую малину и той приходилось искать убежище среди ядовитого тёрна, соседа более гостеприимного, чем её дальняя родственница. Сейчас, несмотря на скорые заморозки, кусты всё ещё были усыпаны крупными съедобными ягодами, не успевшими опасть, а заодно и подозрительного вида длинными шипами. Алые, как кровь и тягучие, как смола капельки застыли на их остриях. О боли, которую это вещество вызывало, был уведомлён любой серв, даже недавно включившийся, и подходить к обманке настрого запрещалось. Случалось, что и такие крупные звери, как медведь, погибали, наведавшись сдуру в такой вот «ложный малинник», не говоря уже о тварях поменьше... И только гигантские ежи могли преспокойно лакомиться её плодами и молодыми побегами, будучи от рождения стойкими к любым видам токсинов.

Поскольку четверо путников, никакого отношения к ежам не имели, при виде зарослей обманки двое из них сразу приобрели растерянный вид. Разумеется, это были Шаруп и Адор. Абза же и Нам, для которых всё это не было неожиданностью, только весело усмехались, видя, как молодежь тарашится вперёд и соображает про себя: – «А уж не чокнулись ли окончательно старшие товарищи, раз решили продираться через эту природную аномалию»? Абза ещё и «подбодрил» их – мол, чуть подальше, растут некие «весёленькие» галлюциногенные грибы, спорам которых достаточно просто попасть на кожу и...

– Вы будете в паническом ужасе метаться, по этому чудесному лесу, орать и визжать, натываясь на деревья и путаясь в непроходимом кустарнике. И так пока не издохните.

– Но мастер! – осмелился Шаруп, – Вы всё шутите, а ведь и правда – как мы сможем тут пройти? Это же верная смерть...

– Ага. Только смотря для кого. Вот если б в этот лесок заглянули случайные бродяги или неподготовленные сервы, тогда бы им точно пришёл конец. Не быстрый, зато крайне мучительный. Но, мы-то с вами не из таких? Лично я, знаю немало тропинок в этом якобы непроходимом лесу и у меня есть с собой безоардика – антидот или противоядие, если угодно. Это средство работает, как в отношении ядовитых шипов, так и грибного дурмана. Не забыл я и респираторы, так как если споры попадут в лёгкие, антидот стопро-

центного эффекта не даст. В этом случае вы от страха уже не помрётё, но вот в штаны вполне можете наложить. Это со многими патрульными случается, когда они Стену впервые пересекают. Заходят бывало в Первый Пояс, а от них несёт хуже, чем от утилизатора!

После этих слов Адор слегка напрягся и посерьёзнул. Он и так чувствовал себя в этой компании самым никчемным, а уж перспектива обгадиться перед своими спутниками, уверенности ему точно не прибавила. Поэтому чем дольше он всматривался в чащобу, возвышающуюся впереди непроходимой стеной, тем тоскливей и тревожней ему становилось. Но не все его страхи происходили от неуверенности в собственных силах или боязни потерять лицо. Беспокоило ещё и странное щемящее чувство. Чувство, какое бывает от потери чего-то очень важного. Но чего именно, понять он не мог, как ни старался – образы и воспоминания вихрем проносились в голове, но растворялись ещё до того, как он успевал уловить их смысл. Затем, на смену тревоге от ожидания предстоящего перехода, пришло странное спокойствие, осязаемое, как тёплый солнечный луч на лице. И лес впереди постепенно перестал казаться чужеродным и непреодолимым, словно Адор уже бывал в нём и ничего страшного с ним тогда не случилось. Вскоре помрачение прошло. Молодой серв снова принял свой обычный, слегка бестолковый вид.

А потом они двинулись. Впереди Абза, за ним Шаруп и

Адор. Нам шёл сзади, замыкая их маленькую процессию. Шагать старались след в след, выполняя указание Абзы. Он один, каким-то непонятным чутьём, угадывал верное направление и выбирал участки, где можно было относительно свободно пройти. И даже спаркой при этом не пользовался! Шаруп сразу вспомнил, как после крушения парома, они вместе с Адором, спасая свои жизни, вот также пробирались через непроходимые, как тогда казалось, дебри. Теперь-то он понимал, что тот поход был просто весёлой прогулкой... Недаром опытные «дальняки» говорят – всё, мол, познаётся в сравнении. И лес тот, хоть и был местами непролазным, всё же был просто лесом. А вот лес-стена поражал своей ненормальностью. Всё в нём было подчинено одной лишь цели – остановить непрошенных гостей. А когда Адор зацепившись одеждой за колючки, решительно вытянул из самодельных ножен свой тесак, с тем, чтобы пообрубать назойливые стебли, Абза остановил его гневным окриком и указал вглубь зарослей.

– Смотри, недоумок! Знаешь, что это?

В хитросплетении ветвей тут и там были видны серые шары, больше всего напоминавшие мячики, которыми сервы, развлекаясь, играли иногда в игру под названием «кастболд». Суть игры, если говорить вкратце, заключалась лишь в том, что нужно было запулить таким мячом в гамак, не получив при этом лопатой по голове. Ну а если подробней, то в игре принимали участие две команды – «Атакующие»

и «Защитники». В каждой должно было быть равное количество сервов, числом от трёх до десяти. Игра проходила на круглом поле, в центре которого располагалась так называемая «зона» – в ней устанавливали сетку-гамак. «Зону» и внешние пределы поля окружали канавами, а некоторые экстремалы добавляли туда ещё и короткие колья, правда, со спиленными верхушками. «Атакующие» перемещаясь в поле, должны были попасть мячом в сетку, забросив его руками или ловко пнув ногой, а «Защитники» старались помешать этому, отбивая мяч деревянными лопатами, называемыми соответственно – «отбивы». «Защитникам» запрещалось покидать «зону», а «атакующим» проникать в неё. Мяч, попавший в сетку, но выкатившийся обратно – не засчитывался. Если же мяч попадал в канаву или вылетал за пределы поля, команда, упустившая его, лишалась одного игрока. Через оговоренное время «Защитники» и «Атакующие» менялись местами. Выигрывала команда забившая мяч в сетку большее число раз. Силовые приемы во время игры не допускались, но порой «атакующим», оказавшимся слишком близко от «зоны», перепало от неловкого «защитника» отбивой на длинной ручке. И если удар был достаточно сильным, это могло вызвать ответную реакцию и закончиться дракой с нарушением всех нехитрых правил игры.

У рокан развлечения подобного рода, из-за их травматизма, считались бессмысленными и даже вредными, поэтому кастболд они не одобряли и запрещали играть в него вблизи

«муравейников». Вот почему эта игра оставалась привилегией караванщиков, разведчиков, патрульных и прочих представителей «дальняцкой» братии. «Середняки» же и «ближние», могли позволить себе сразиться в кастболд лишь изредка, тайно выбравшись за стены «муравейника» и подвергаясь риску наказания, отчего ощущения от игры приобретали для них особую остроту.

Вот и Адор, хотя и «включился» совсем недавно, успел уже в команде с Шарупом сразиться пару раз против караванщиков, и, несмотря на проигрыши, заработал славу отчаянного и ловкого игрока. Все отмечали, что ему одинаково хорошо удается и роль «атакующего» и роль «защитника», а это считалось среди игроков редким даром. Считая себя до некоторой степени экспертом в кастболде, Адор, на вопрос Абзы – «знает ли он, что там болтается в кустах?», собрался было ответить, на что именно похожи эти шары, и выразить удивление по поводу их местонахождения, как вдруг заметил лёгкую дымку, обволакивающую один из «мячей». Вскоре стало очевидным, что это вовсе никакие не мячики, а гнезда мелких крылатых насекомых, имеющих, как и их жилища, невзрачный серый цвет и как выяснилось – отвратительный характер.

Дождавшись, наконец, когда серв приносивший бодряк

вновь скроется в зарослях, Двоенос, продолжая сидеть на земле, осторожно подтянул к груди согнутые в коленях ноги и уставился перед собой, постаравшись принять как можно более безмятежный вид. Шлем он снять отказался, но забрало оставил открытым. Так, полагал он, у сторожей будет чуть меньше поводов для беспокойства. А повод на самом деле был. Всё это время Двоенос усиленно переваривал и раскладывал по полочкам получаемую информацию – разговор Хака и Седова, от начала и до конца, который он отчётливо слышал через штатное переговорное устройство, встроенное в шлем и транслировавшее сигнал прямо в его черепную коробку. Вторым аналогичным устройством был оснащён шлем Седого. Наивный, старый беглый серв по имени Седой, он же Гахидж (или какие там ещё у него были имена и прозвища?), вряд ли мог предполагать, что его молодой спутник, лишь увидев в схроне «манतिकоровцев» этот экзоскелет, сразу распознал в нём модель «LB-2» – «Маленький жук». Так же этот юноша, которого Седой считал просто дикарём с экзотической внешностью, не задумываясь, мог назвать каждый элемент доспеха, от защитных пластин и до встроенных гаджетов. А самое главное, он был способен запросто активировать все эти устройства, не исключая и коммуникатор связи, которым теперь беззастенчиво пользовался для прослушки.

Разговор между Седым и Хаком получился долгим, полным малоценных отступлений, представляющих интерес

только для этих двоих. Но Двоенос был терпелив. И терпение его вскоре было вознаграждено! То, о чем речь пошла под конец – представляло наибольшую ценность из всех сведений, которые ему когда-либо удавалось добыть. Однако, чем дольше Двоенос находился в заложниках, тем меньше шансов у него оставалось этими сведениями воспользоваться.

Оценив ещё раз обстановку, Двоенос привычно выровнял дыхание и на секунду закрыл глаза. Когда он снова открыл их – это были уже глаза хищника. «Мантикоровцы» ничего такого конечно не заметили. Они вообще вели себя непрестительно самоуверенно. Двоенос мог их понять – стражи не представляли с кем имеют дело, а кроме того сама поза Двоеноса, в которой основная нагрузка приходилась на пятую точку, меньше всего подходила в этот момент для внезапной атаки. Поэтому, когда невысокий человечек в полном боевом доспехе, перекатившись с задницы на носки ног, легко и одновременно стремительно взвился в воздух, лица стражей успели выразить только начальную стадию удивления. Ибо в следующий момент бронированный шлем врезался одному из них в лицо, а метательный нож, материализовавшийся в правой руке Двоеноса, воткнулся под углом в шею второго, взрезав её и выпустив пульсирующую струю алой крови. Несколько ударов кулаками в шипастых тактических перчатках, довершили разгром, превратив лица стражников в месиво из мышц и костей. Оглядев поле боя Двоенос не смог сдержать довольной улыбки – вот и ещё двух тварей можно

записать на свой личный счет. Топлулук матери должен быть отмщён! И те, кто послал сюда Двоеноса, тоже будут довольны. Но ещё больше они будут довольны, если он доставит им тот самый заветный артефакт, что везут сейчас четверо сервов в направлении Запретной Земли. Вот только времени, чтобы добыть его, осталось в обрез! А значит – нужно действовать. Быстро, жестко и без промедлений.

Когда на поляну влетел трайк, Хак вопреки здравому смыслу поднялся в полный рост, пытаясь разглядеть, кто из его братьев управляет этой словно взбесившейся машиной. Глаза «манतिकоровца» округлились, одновременно сработали десятилетиями оточенные рефлексy. Так как Хак не был вооружен, всё, что он смог сделать – это отпрыгнуть в сторону и, перекатившись через плечо, нырнуть под прикрытие деревьев. Вдогонку ему рявкнул реактивный карабин, больно полоснув по ногам осколками разрывного заряда. Тут же в ответ по всей поляне заклацали штурмовые импульсники – трайк на полном ходу перевернулся, карабин умолк. Но через мгновение он снова заговорил, вырвав у одного из братьев звериный крик. Укрываясь за опрокинутым трициклом, Двоенос дал ещё одну короткую очередь, после чего, не тратя время на перезарядку карабина, вскинул висевшую на груди трофейную «штурмовку» и дважды нажал на спуск, целясь в серва на другом конце поляны. « – КЛАЦ! – КЛАЦ!» и ещё один вскрик, на это раз глухой.

– Что ты делаешь?! – взбешенный Седой изо всех сил

вжался в землю посреди опустевшей поляны. – Что ты урод делаешь?!

– Спасая нас мухтар! Ползи к машине, я прижму их огнём, если попытаются высунуться.

Поскольку в сложившейся ситуации раздумывать не приходилось, Седой змеей пополз к трайку, стараясь не отрывать тело от белого мха. Из-за деревьев глухо захлопали штурмовые винтовки – дважды заряды по касательной доставали его в корпус, рикошета и разрываясь чуть в стороне. Экзоскелет выдержал. Но легкой контузии избежать всё же не удалось. Автоматически проведя рукой по затылку и не увидев крови, Седой почувствовал облегчение – он только сейчас сообразил, что шлем остался посреди поляны и просто чудо, что осколками заряда ему не продырявило голову! Втянув себя последним рывком за импровизированную баррикаду, Седой в возмущении открыл было рот, как Двоенос тут же сунул ему в лапы второй трофейный импульсник и молча указал на мелькавшую среди сосен фигуру «манतिकоровца» пытавшегося обойти их с тыла. Серв передвигался короткими перебежками, низко пригибаясь к земле и ловко используя для укрытия стволы деревьев. Перевернувшись на спину, Седой раскинул в стороны ноги и из этого положения дал по нему пару коротких очередей. Он видел, как от сосен отлетали щепки, и как темная фигура отступила под выстрелами вглубь леса. Затем ствол «штурмовки» переместился на виновника происшествия.

– ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ?!!

– Они хотели убить меня, мухтар. Я чудом спасся.

– ?

– Пока ты тут разговаривал, те двое, что остались меня охранять, решили накинуть удавку на шею бедного Двоеноса. Но Двоенос оказался чуть проворней.

– Сбежал?

– Нет, убил их.

– Немыслимо! Как ты справился?!

– Мне повезло. Но теперь надо убираться. Ты прикрывай, а я попробую поставить трайк на колёса. Он вроде не пострадал.

– Хорошо. Только сделаем наоборот. Я сильнее тебя, так что трайк на мне. А ты не давай гадам и носа высунуть.

– С управлением разберёшься, мухтар?

Седой обиженно засопел.

– Даже ты разобрался, а я – «дальняк», в конце концов!
Ну, начали!

Воспользовавшись тем, что Двоенос начал высаживать в направлении отступивших «манतिकоровцев» очередной магазин, Седой уцепился за грубо сваренную раму, рванул на себя, заставив машину встать на все три колеса, а затем, вскочив на сидение, выкрутил до отказа рулевую гашетку. Два независимых инверторных двигателя тут же послушно загудели, вращая задние колеса, и трицикл сорвался с места.

– В седло, парень!

Ещё до конца этой фразы Седой почувствовал, как амортизаторы отозвались на вес второго пассажира – Двоенос не заставил себя уговаривать.

Вслед умчавшейся машине клацнул бесполезный одиночный выстрел. Затем в лесу наступила тишина.

Заговор молчания сплотил одиннадцать рокан из группы «Прима» крепче, чем узы генетического родства или рождение одной «АНАТОЙ». Заговор в сердце заговора. Круговая порука провинившихся, которые изо всех сил пытаются скрыть ужасающие результаты своей ошибки. Вот во что превратилась группа «Прима». А возглавил этот маленький внутренний заговор сам Нергал. Потому, что иначе он стал бы для каждого из посвященных – «тем самым беднягой, который допустил провал секретного проекта». И хуже всего, что проект не просто провалился, а дал совершенно непредсказуемый результат. Большой Блок должен был открыть лазейку, через которую все они могли, если и не вернуться домой, то хотя бы удрать подальше от этой Новой-Старой Родины! С дурацкой планеты, которую её обитатели избрали и отравили, принесся в жертву собственному тщеславию! И хотя природа затянула уже большую часть язв, но это только снаружи. Изнутри они продолжали скрывать гной из радиоактивных материалов, химических отходов и смер-

тельно-опасных вирусов. При неосторожном обращении раны могли открыться, и тогда яд былого безрассудства грозил погубить, как чахлые остатки старой цивилизации, так и ростки новой, должной взойти из семени репатриантов. Репатриантов, которые на самом деле мечтали лишь об одном – СБЕЖАТЬ. И только отсутствие реальной возможности, пополам с врождённым непротивлением воли Старших Братьев, до сих пор удерживали их от последнего, решительного шага.

Большой Блок. Чем же он был? Он был устройством, основой которого стали биологические структуры – головные концы центральной нервной системы рокан. А что собственно есть этот самый головной конец? Это есть сложная волокнообразная сеть из особых клеток, обрабатывающих и передающих информацию посредством электрических и химических сигналов. ГОЛОВНОЙ МОЗГ. А что бы мозг оставался жизнеспособным и был защищён от агрессивных внешних воздействий, его упаковывали в перерождённую черепную коробку, и он становился маной, являвшейся, по сути, отдельным редуцированным организмом, не способным существовать без сторонней поддержки. Маны были объединены между собой, подключены к системе жизнеобеспечения и большую часть времени пребывали в пассивном («выключенном») состоянии, что достигалось понижением их температуры и использованием специальных препаратов замедляющих обмен веществ. Собственно, вот что представлял со-

бой Большой Блок.

А откуда же брались маны? – Из многих источников. Но главное, что почти каждая мана была когда-то полноценным живым роканом! Разными путями пришли они в проект. Общим было одно – все кандидаты, перед тем, как влиться в этот гигантский величественный мозг, проходили процедуру очищения. В ходе оной они теряли своё «Я», исчезали, как личность, а то немногое, что оставалось от их сознания, обращалось в часть общего программного обеспечения – оболочку.

А вот для того, чтобы Блок мог решать конкретные задачи, ему требовался так называемый программный стержень – искра, от которой в Большом Блоке возгоралось пламя разума. Нужно ли говорить, что той искрой, тем самым программным стержнем для Блока, являлся оператор? И что стать им мог только лучший из лучших, тот, кто успешно прошел жёсткий и непредвзятый отбор? Нет. Об этом можно и умолчать. И так любому очевидно: испытание СВЕРХРАЗУМОМ – нелёгкий груз.

Теперь в команде Нергала не было никого, кто б согласился занять это почётное место. Даже просто так. Без всяких испытаний. Инстинкт самосохранения подчинённых оказался сильнее чувства долга и Нергал не мог их за это винить, помня о незавидной участи последнего оператора. На днях коллеги торжественно утилизировали труп Ануна. Он не пошел в переработку на концентрат или удобрение, как труп

какого-нибудь серва, вместо этого тело разложили на составляющие органические вещества и использовали для создания регенеративной смеси. Отныне каждый рокан, который пройдет излечение в медицинской капсуле, получит на память частичку незадачливого оператора.

Но если с Ануном всё было ясно, то ситуация с Шедом до сих пор оставалась неразрешенной. Старший техник замкнулся в себе, упорно не желая, не только исполнять свои прямые обязанности, но даже просто приближаться к лаборатории. Таков был итог его общения с Призраком – так окрестили члены группы неизвестный программный сбой в работе Большого Блока. Призрак имел наглость периодически брать на себя управление высокоточным оборудованием и утверждал, что является не кем-нибудь, а самим мастером Энкой! Это вызывало определённые сомнения. Как известно, настоящий Энка был уважаемым Хранителем Инструмента, пока не совершил дерзкий и совершенно необъяснимый поступок. А точнее – чистой воды саботаж. Необъяснимый конечно только для непосвященных, поскольку всегда есть те, кто точно знает, что происходит. За свой проступок Энка, по личному настоянию Первого Думузи, который счёл его разум слишком ценным для утилизации, был обращен в одну из ман Большого Блока. Так сказать – «был влит». Только вот, как уже было сказано, каждый разум, прежде чем стать маной и попасть в Большой Блок, обязательно проходил процедуру очищения от собственного «Я». То есть

напрочь утрачивал индивидуальность сознания. И те, кто приходили в проект добровольно, готовились к этому действию многие планетарные циклы. Всё это время они посвящали тренингам, делая процедуру слияния более безопасной и увеличивая КПД донорской части своего разума. Те же, кого в ману обратили принудительно, были вынуждены проходить ускоренную процедуру очищения – путем медицинского вмешательства. Такой процесс для разума донора был болезненным и крайне затратным, а получившаяся мана представляла минимальную ценность. Но и этот, отнюдь не гуманный метод, можно было считать актом величайшего милосердия. Ибо разум, заключенный в ману, но не лишённый осознания себя как личности, обрекался на вечные муки... Вот и мастер Энка, прежде чем стать маной и попасть в Большой Блок, был милосердно обезличен. Процесс этот Нергал контролировал персонально, имея беспрепятственный допуск в медицинский отсек и зная там всё оборудование, как Старший Брат знает шесть своих пальцев, а значит вероятность того, что мана Энки сохранила часть личности достаточную для отождествления СЕБЯ, сводилась к нулю. Но даже если допустить подобную возможность, всё равно – никакой роканский разум не был в состоянии взять под контроль Большой Блок, в который уже входило великое множество ман! Он просто растворился бы в их общем торсионном поле! Исключение составлял оператор, который работал с Блоком как бы извне, не вливаясь, подобно мане, а лишь ак-

куратно направляя потоки излучения в заданном направлении. При этом оператор должен был обладать отменным физическим и психическим здоровьем, чтобы сохранить контроль над собственной личностью и не быть поглощённым Блоком.

Единственным возможным вариантом, который допускал Нергал, была всё же некоторая вероятность того, что в ходе принудительного стирания личности Энки, медицинская капсула дала сбой и какая-то часть «Я» бывшего Хранителя Инструмента, попала-таки в Большой Блок. Так же можно было допустить (хоть это было почти невероятно), что торсионное поле маны Энки не только не приняло общую конфигурацию торсионного поля Блока, но и поляризовало оно поле старшего техника Шеда! Это было допустимо, если их торсионные поля обладали примерно одинаковым угловым моментом вращения. Чаще всего такие совпадения встречались у генетически родственных особей, но бывали и исключения. Из всего перечисленного следовало, что остатки личности мастера Энки, наслоились на личность старшего техника Шеда и теперь мастер Шед является в некотором роде призраком бывшего Хранителя Инструмента! А значит именно он – Шед и есть Призрак Большого Блока, который вносит в его работу дисбаланс на уровне ментального контакта! Всё не так уж сложно!

Только вот мастер Шед уже очень давно не приближался к Большому Блоку, а никакой ментальный контакт не воз-

можен вне стен лаборатории, имеющих сверхмощную изоляцию. На то она и секретная!

Нергал грустил, а загадка Призрака Большого Блока оставалась неразгаданной.

Прошло время, и крошечный генератор сделал своё дело. Спарка ожила. Чего нельзя было сказать о коконе, в котором стояли обычные батареи, теперь совершенно опустошенные. Спрашивается, почему учёные до сих пор не используют в коконах ту же технологию, позволяющую черпать энергию из окружающего пространства? Ответа на этот вопрос Асаг не знал. Он вообще был далек от точных наук, да и в технике разбирался не слишком хорошо. Так, на уровне пользователя. И среди рокан таких как он было большинство. В прежней своей жизни все они были лишь исполнителями. Руками Старших Братьев. Не нужно слишком много знать самому, когда за тебя решают другие. Главное – быть внимательным и правильно исполнять всё, что велит Старший. Однако, как корень каракавы пролежав какое-то время в морской воде обязательно просолится, так и рокан, долго исполняя волю своего Брата, рано или поздно наберётся части его знаний. Просто ТОГДА эти знания были никому не нужны. Но они накапливались. Записывались и откладывались в клетках серого вещества роканских черепов. Теперь обладатели

этих черепов стали ПРАКТИКАМИ – двигателями прикладной науки и основой выживания переселенцев. Особая каста среди них – технари, самые уважаемые члены роканского общества. А вот все эти псевдоучёные, на самом деле – дутые аруньки (пустотелые хлебцы с начинкой из сладкой пены) и ничего больше! Что из того, что перед отправкой их поднатаскали в теории? Навесили титулов и званий, как будто они полноценные Старшие Братья? Чушь! Всё чушь! Асаг был в этом убеждён, и никто не заставит его изменить своё мнение. Вот не стало Энки и положение колонистов ещё больше ухудшилось. Энка был уникам. Энка, как никто другой разбирался во всяких железяках! Даже сама идея гибридной техники принадлежала ему. А кто теперь станет новым Хранителем Инструмента? Может быть тот пустозвон, что именуется ныне Шестым Думузи? Нет, он не снизойдет до починки машин и приборов, не станет ломать голову над тем, как собрать из рухляди боевую спарку. Да и не сможет. Шестой только придумывает теории, одна нелепей другой и преданно заглядывает в зрительные сенсоры Первому. Когда не станет последних практиков, таких, каким был Энка, всем им придёт конец. Ведь никто из рокан не хочет ничему настоящему учиться. Никто не хочет начинать новую жизнь. Никто не хочет задерживаться тут надолго. НИКТО НЕ ХОЧЕТ ВЗРОСЛЕТЬ!

Асаг тоже не хочет. Раньше Асаг был охранником. Охранял территорию своего Брата от непрошенных гостей – ди-

ких животных, в изобилии водившихся на материке, где тот обосновался. Брат не хотел их истреблять. Ему нравилось естество окружающей природы, её гармония. Но зверюшки имели свойство проникать туда, где им не место, портить оборудование и таскать чужую еду. Поэтому всю свою жизнь, до ОТПРАВЛЕНИЯ, Асаг занимался тем, что высматривал малоразумных тварей, а потом пугал, отгоняя за границы владений. На случай нападения особо агрессивной живности, у него был бич. И мог тот бич только на время оглушить, парализуя нервную систему зверюги. **НО НИКАК НЕ УБИТЬ.** До прибытия на ЭТУ планету Асаг вообще никогда и никого не убивал. Убивать он научился уже здесь. Первым, кого он убил, был нерадивый серв. Не улучшенный конечно, каких выводят в Колонии-1, а обычная рабочая особь, в прошлом маленький дикарский детёныш. Проступок серва был невелик, но тогда Асаг счёл его вину достаточной, что бы наказанием стала ликвидация. И он оторвал нарушителю голову. Роканы как минимум в два раза сильнее обычного серва и примерно в полтора улучшенного. Но самое главное преимущество – коконы. Анатомические коконы. Любой из них, кроме самого лёгкого, имеет искусственные мышцы, связки и кучу прочих усилителей. Рокан в коконе – это боевая машина, он не то, что серва, он и любого крупного хищника разорвёт пополам. Позже Асаг пришёл к выводу, что тогда он просто испытал себя. Ему хотелось научиться убивать. А уж когда чего-то очень хочешь, то повод осуществить задум-

манное подвернётся сам собой. Нужно было опробовать свои силы. Убедиться, что он, Асаг, может действовать в новых условиях так же решительно и бесстрашно, как ВЕЛИКИЙ ЭНКИДА.

Вот уж кто был НАСТОЯЩИМ! Не фальшивка, как Асаг и другие, лишь играющие в могущество, а истинный Вершитель и Творец Нового Мира! Отважный первопроходец, бесстрашный воин, великодушный вождь! ЛЕГЕНДА. Когда Асаг прибыл на планету с третьей партией колонистов, первое что он услышал были «Хроники возмездия» – истории о мужестве и стойкости его предшественников, глубоко потрясшие Асага и наложившие отпечаток на всё его дальнейшее существование. Одно дело было узнавать из официальных источников о гибели колонистов Первой волны, начавшихся боевых действиях и карательной операции в отношении одичалого аборигенного населения планеты и совсем другое – самому проехать по местам сражений, ступить на заросшие пепелища, ощупать конечностью выбоины на стенах разрушенных дикарских убежищ, увидеть своими глазами участников этих событий и услышать от них шокирующие подробности... О которых Старшие Братья никогда бы не оповестили будущих переселенцев. И, конечно же, главным героем всех этих историй был Энкида! Асаг застал Третьего Думузи на самом пике могущества и последующие планетарные циклы, числом два согнутых перста и костяшка (или двадцать пять лет, по исчислению дикарей), жил и бла-

годенствовал под его управлением.

Как же сожалел Асаг, что не оказался в рядах второй партии! Что не ему довелось сражаться плечом к плечу с великим Третьим, которого каждый рокан почитал в ту пору как самого Этана-Думузи! Ведь когда Асаг прибыл, основные события новой роканской истории, казалось, уже произошли. Отгремели бои, дикари были усмирены и трудились во благо возрождения цивилизации, всю грязную работу за рокан делали сервы, ставшие для них тем же, чем некогда были роканы для Старших Братьев, а сами роканы делали невнятные попытки приспособиться к новой жизни, чуждому и незнакомому для них миру. Всё это было каким-то липким и душастым, как болото, по которому теперь Асаг вынужден был тащиться. И только редкие вылазки за рекрутами, да охота на бродяг, уклоняющихся от работы и бегущих из дикарских поселений в ещё более дикие леса, хоть как-то скрашивали его будни. Но Асаг был рад и этому! Он, не ропща исполнял любую порученную, даже самую монотонную и скучную работу, тщательно изучал и соблюдал должностные инструкции, никогда открыто не дерзил начальству, и год за годом планомерно поднимался вверх. Всё ради того, чтобы однажды оказаться возле своего кумира и в один прекрасный день стать его рукой. Хотя бы левой. Но сбыться мечтам долготерпивца, было не суждено. Как всегда, по прошествии двадцати пяти планетарных циклов, прибыла очередная, четвертая по счёту партия. Она была самой боль-

шой за всю историю переселения – целый Кулак Кулаков! По десятичной системе счисления, используемой дикарями, Кулак Кулаков равнялся трём тысячам шестистам. Именно столько рокан сошло с транспортных паромов, спускавшихся с орбиты один за одним в течение нескольких звёздных суток. И в их числе прибыл тот, кто положил конец правлению Энкиды, ввергнув его в неизвестность. Мечты Асага были разрушены, но движение вверх по карьерной лестнице уже ничто не могло остановить – в этом теперь заключался сам смысл его существования. А Энкиду постепенно начали забывать... Прибыли пятая и шестая (последняя) партии колонистов, численность их была уже гораздо меньше, чем четвёртой, но, тем не менее, они были весьма значительны и ещё больше размыли устои старого общества. Вновь прибывшие словно ознаменовали смену поколений. Они уже не восторгались подвигами первых поселенцев, и старожилы постепенно теряли свой авторитет, имевший вес в трудные времена, но практически не востребованный в этот длительный период затишья. Истории о былом, были для новичков всего лишь историями, и они не знали другого Думузи, кроме того, что властвовал в совете в день их прибытия. Энкида же к тому времени исчез. Будто растворился. К его поиску были привлечены значительные силы службы безопасности, с пристрастием опрошены все, кто хоть как-то соприкасался с ним в последнее время, но результатов это не дало. Многие авторитетные роканы придерживались мнения,

что он погиб волей Стража. Как известно, после низложения Энкида многие циклы провёл на охране границ Его владений, и кто знает, в какую авантюру за это время мог влезть. Такая версия никого из близко знавших Энкиду не удивляла. К тому же за последнюю сотню лет, по местному исчислению, Страж всё больше выходил из себя, и территория вокруг зоны «Прима» порой просто пылала от выбросов негативной энергии. В замес попадали все, кому не повезло оказаться поблизости. Так погибло уже не менее двух согнутых перстов патрульных сервов, а среди колонистов поговаривали, что пострадали и несколько рокан. Даже мол, коконы с усиленной защитой их не спасли. Колонисты шушукались, строили на этот счет разные предположения, а Асаг никаких предположений не строил. Он и так в силу своих служебных обязанностей знал – всё это чистая правда. Страж буянит, защитные линии трещат по швам, гибнут при этом и сервы и роканы. Конечно, информация была засекречена для широких масс, но всё, что однажды было произнесено ВСЛУХ, рано или поздно просочиться через любые грифы секретности, и станет СЛУХОМ. Именно так они и рождаются.

Что же касалось самого Асага, то в гибель Мастера Энкиды он не верил. Собирая в течение многих лет любые сведения о своем кумире, он давно понял – такие роканы не исчезают бесследно! И не так-то легко отправить их в утилизатор. Например, он установил, что Энкида, даже до переселения был не простым Младшим Братом. Энкида был Рис-

ковой Рукой! Это значило, что его Старший занимался изучением и освоением новых планет и иных небесных тел, а его рукам, одной из которых был Энкида, приходилось «добывать из высокотемпературной плазмы электронов больше, чем их рождается за единицу времени» (как гласит роканская поговорка). Значит, Энкида уже с самого рождения «АНАТОЙ» имел функцию принятия самостоятельных решений, а в дальнейшем приобрел уникальный опыт по выживанию в любой агрессивной внешней среде! Не говоря уже о том, что благодаря особенностям генотипа, все Рисковые Руки по умственному и физическому развитию значительно превосходили других Младших Братьев. Таким был и Энкида, таким и сохранил его в своей памяти Асаг.

А вот Страж казался Асагу теперь чем-то далеким и нематериальным. Больше того – с момента высадки Стража, Асаг даже ни разу не видел его и уж тем более не имел с ним ментального контакта! Зато Энкида несомненно такой контакт имел. После крушения малого судна, которое Асаг на местный манер называл катером, именно Энкида участвовал в устранении последствий аварии и спасении пассажиров, одним из которых был Страж. А до крушения Энкида принимал участие в строительстве ДОМА, в котором Страж должен был поселиться. И дом этот был расположен прямёхонько в зоне «Прима». А уж про зону «Прима» Асаг знал такое!.. Кому попало, лучше не знать. Самое главное, что в результате ряда ловких манипуляций отдельных рокан, Страж,

поселившись в зоне «Прима», сам того не ведая оказался в полной изоляции, превратившись из наблюдателя над своими подопечными, в их пленника. И даже само прозвище – Страж, которое дали ему роканы, имело теперь ироничный оттенок. Однако Старший Брат остается Старшим и шутить с ним не стоит. Лишь самые отважные решались с тех пор вступать с ним в ментальный контакт и одним из них, конечно же, был Энкида, который обеспечивал жизнедеятельность наблюдателя, а значит, добровольно стал для Стража чем-то вроде «внешней руки». Потеря же руки для Старшего Брата процедура болезненная – он, как и Младший привыкает к двустороннему ментальному контакту и страдает, лишившись его.

Вывод напрашивался сам собой: как не крути, а смерть Энкиды была Стражу не выгодна и если опальный Третий Думузи до сих пор жив, то с ним необходимо считаться, как с серьезной силой, вероятно тоже вступившей в начавшуюся недавно БОЛЬШУЮ ИГРУ. В намерения Асага входило обнаружить эту СИЛУ и, если удастся – присоединиться к ней. Всё что для этого требовалось на данном этапе – продолжить погоню. Когда Асаг найдет ТО, ЧТО ИЩУТ ВСЕ, Энкида сам найдет Асага!

Придя к подобному выводу, рокан почувствовал резкий прилив внутренней энергии, будто маленький генератор спарки заодно зарядил и его. Настроение улучшилось.

Когда участок спрессованного леса закончился, все четверо вздохнули с облегчением. И хотя, со слов Абзы, радоваться было ещё слишком рано, даже он признал, что Стену им удалось миновать без ощутимых потерь. Совсем без инцидентов, правда, тоже не обошлось. Так, например, Адор, шарахнувшись от жутко вонявших останков какого-то большого животного, вломился таки в кусты и потревожил маленьких злых обитателей шарообразных гнёзд, которых тут было полно. И редкостные же это оказались твари! Мигом начали вылетать из своих домиков-мячиков и собираться в тучи, поднимавшиеся всё выше к кронам деревьев, словно для того, что б разглядеть оттуда своих обидчиков и ринуться на них серым гудящим вихрем. Спасло лишь то странное обстоятельство, что эти злючки, отдаленно напоминающие мелких ос, не атаковали поодиночке, а словно собирались с силами в ожидании одной общей команды, после которой их уже ничто, наверное, не способно было остановить. Этой задержкой и воспользовался великомудрый Абза. Он шепотом приказал всем замереть и стараться даже не дышать в направлении насекомых, после чего извлёк из складок одежды небольшой аэрозольный баллон, выпустил из него струю бесцветного вещества и распылил вокруг их маленькой группы. Затем, не мешкая, Абза что-то наколдовал со спаркой. Воздух после этого будто завибрировал, а в висках заломил-

ло, как от жесточайшей мигрени. У бедняги Нама и вовсе кровь носом пошла. Зато тучи взбудораженных насекомых начали вдруг оседать вниз, словно туман и постепенно рассеиваться. Вскоре серые злюки вернулись к своей повседневной жизни, как ни в чём не бывало. Абза ещё немного выждал, дабы удостовериться, что опасность миновала, а убедившись, махнул рукой, показывая, что можно продолжить движение. При этом он так выразительно посмотрел на провинившегося, что у Адора и без «психо-грибов» поджилки затряслись. Парню ещё повезло, что он не видел взгляда, которым в этот момент наградил его шедший позади Нам – тогда бы он точно свалился замертво от стыда и ощущения собственной никчемности, настолько убийственным было выражение глаз хмурого коротышки. Весь оставшийся путь дальняк что-то бубнил ему в спину и Адор даже разобрал в этом бормотании пару новых для себя ругательств, из которых самым обидным было – «недовключенный». Молодой серв старательно делал вид, что ничего не слышит, и только горящие красным уши выдавали его истинное состояние. Потом он и вправду перестал обращать внимание на подковырки, ведь чем дальше они шли, тем больше давила на плечи навьюченная на него поклажа, главным из которой был тот самый таинственный «предмет».

Вскоре им попался ручей, с удивительно чистой прохладной водой, возле которого решили сделать привал. Встав на четвереньки, Абза сразу зачерпнул воду в обе пригоршни,

долго цедил её скучными глотками, а напившись, пояснил:

– Он родниковый. Тут поблизости бьёт из-под земли несколько ключей. А ниже по течению, этот ручей сливается ещё с одним, не таким чистым. Зато там он становится шире и глубже. И в нём можно поймать проточника.

– Что такое проточник? – спросил Адор, хотя, что такое «родниковый» он тоже не знал.

– Рыбка такая. Очень вкусная и пахнет чабриком.

– А что такое чабрик? – не унимался Адор, которому на самом деле просто хотелось, чтобы все поскорее забыли о недавнем происшествии в лесу.

– Чабрик? А это растение. Дикари его сушат и бросают в кипяток вместе с другими травами, когда варят «бодряк». У тебя же он есть, в мешочке, что ты забрал у того мёртвого старика.

При этих словах Адор густо покраснел, но не из-за того, что обобрал мертвеца, а потому, что в отличие от всего остального забрал этот мешочек тайком и всё это время на кой-то ляд тащил с собой. Наверное, из-за запаха. Травы в мешочке так чудесно и знакомо пахли, что, если закрыть глаза, можно представить, как кто-то большой и добрый гладит тебя по голове. Странное ощущение.

– Чабрик? – оживился Нам. – Так там, наверное, весь комплект заварки! Дайка скорее парень сюда этот мешочек и если я прав, то оглянуться не успеешь, как у нас будет самый убойный «бодряк», какой вы только пробовали!

Нехотя достав своё сокровище, Адор протянул его дальною и тот, принявхавшись, сразу вспорол тесёмки, даже не попытавшись их развязать.

– Точно, заварка для «бодряка»! Что ж ты молчал всю дорогу? Жмот!

– Он не жмот. – Вступился за товарища Шаруп. – Откуда ему знать, что такое «бодряк»? Я и сам-то его пробовал всего пару раз, а как делают и в глаза не видел.

– Ну, вот я вам сейчас и покажу! Мастер Абза, как ты считаешь, можем ли мы развести небольшой костёр?

– Только совсем небольшой. И бездымный. Не забывай, пока мы не попали во второй «Пояс», нужно быть начеку. Тут всё ещё можно нарваться на патруль, хоть я и веду нас через разрыв в системе. А ещё поговаривают, что дикари-бродяги обнаглели настолько, что умудряются проникать даже сюда и разворовывать имущество из схронов и с законсервированных постов.

Вскоре и правда, в небольшом походном котелке забурлило ароматное зелье. Для этого под высоченной старой елью Нам выкопал две ямки (одна из которых была несколько шире и глубже другой), соединил их, прорыв под землей канал, в большую из ям сложил шалашиком сухие сучья и щепки, добытые из середины трухлявого пня, а потом, сдобрив всё это лишайником запалил костерок. Разгоревшееся пламя было ровным и почти не дымило, а та струйка дыма, что всё-таки вырывалась наверх, стелилась вдоль ствола и ис-

чезала где-то среди еловых ветвей. В процессе приготовления своего знаменитого «бодряка», Нам несколько раз снимал котелок с костра, давал отвару остыть, а потом зачем-то возвращал его обратно и вновь доводил до кипения. Кроме трав, извлеченных из трофейного мешочка, он добавил от себя ещё пару щепоток чего-то сушёного, назвав это бузиной и разгонником. Когда же он, наконец, закончил свои священнодействия, вокруг бивака разливался специфический, чуть пряный дух, который Нам объявил запахом истинного дальняцкого «бодряка». Спорить с ним никто не посмел. А когда зелье было слегка остужено, процежено и разлито по кружкам, все убедились, что Нам и правда знает толк в «бодряковарении». Вкус у напитка был слегка горьковатый, но это компенсировалось его свойствами – усталость, как рукой сняло. На Шарупа, попытавшегося подсластить свою порцию небольшим количеством мёда, Нам рявкнул:

– Ты рехнулся? С мёдом «бодряк» только немощные, от болезни пьют! А хочешь сутки без усталости прошагать, так пей, как есть и не вздумай сластить!

Абза только поддакнул.

А потом Шарупа потянуло за язык...

– Мастер Абза, скажите, что это был за странный лес? Чую, что Вы и на это знаете ответ.

– Ты, мой юный друг, опять нарушаешь правила. Я же предупреждал, что сам дам ответы на незадаанные вопросы, когда сочту нужным. Но... Ладно уж. Нет тут большого секре-

та.

– Лес этот и вправду необычный, что б понять – умником быть не надо, видно с первого раза. Всё оттого, что он, как бы, не совсем настоящий.

– Как это?

– А так. Он творение рокан. Внешняя часть защиты «Пояса один» – охранной зоны в которой мы сейчас находимся и которую нам нужно побыстрее миновать. Все эти растения, грибы и милые насекомые (при этом он бросил взгляд на покрасневшего Адора) – искусственные гибриды. То есть роканы создали их при помощи своих технологий, взяв за основу довольно заурядных представителей окружающего нас растительного и животного мира. Например, деревья, из которых состоит «стена», называются кедрами. Но они выше своих собратьев и растут гораздо быстрее. Кроме того, простые кедры не могут расти так плотно, им необходимо больше пространства. Поэтому, дабы не путать, кедры «стены» называют биг-кедрами. А кусты жгучей малины – так вообще отдельная тема для разговора. Их вывели, скрестив уже имевшийся гибрид – ядовитый тёрн, с его симбионтом – обычной малиной. Получилось вот такое милое растение, заманивающее животных своими плодами и убивающее их, дабы обеспечить себе и биг-кедрам дополнительную подкормку из разлагающихся трупов. Психо-грибы тоже результат работы рокан над безобидными дождевиками-дымовушками, которых полно в любом лесу и которые дикари используют в ле-

чебных целях. Их так изменили, что от прикосновения, они теперь выстреливают созревшие споры, а про действие этих спор я вам уже рассказывал.

– Гм... Хм... – закашлялся вдруг Адор, несказанно развеселив этим Нама.

– Давай переросток, спроси уже у мастера Абзы про своих новых крылатых друзей!

Сердито посмотрев на него, Адор все-таки выдавил:

– Ну... И правда... Что это были за твари, мастер?

– Сложно ответить в трёх словах. Скажем так – сложно-составной гибрид, при получении которого роканы использовали ос и муравьёв, а также другие, совершенно не родственные им виды. Дикари, которым повезло столкнуться с ними и выжить, называют этих насекомых – «ТЬМА». Они всеядны. Могут мирно пить цветочный нектар, попутно опыляя ложную малину, а могут и полакомиться падалью. Или сожрать кого-нибудь живьём. Нападают всегда как единый организм. Сконцентрировавшись в достаточном количестве, облепляют жертву, жалят, рвут челюстями и даже впрыскивают пищеварительный фермент, подобно паукам. Десяток укулов жалом – и ты покойник. Нам крупно повезло, что я знаю способ уgomонить этих тварей. – Так, сначала я распылил искусственный феромон, сходный с тем, что они вырабатывают при взаимодействии внутри колонии, и тем самым замаскировал нас «под своих». Затем, при помощи спарки перестроил наши биополя, заставив исчезнуть с их «рада-

ров». Конечно, если б у меня было больше феромона, обошлось бы и без столь жёсткой меры, очень, кстати, негативно сказывающейся на здоровье. Но поскольку запас его ограничен, пришлось рискнуть. Лучше перетерпеть боль, чем лишиться жизни, да ещё и таким поганым способом.

Вообще, всё, что вы видели в этом лесу, создано с одной целью – остановить непрошенных гостей. Остальное вторично. Организмы, составляющие Стену, являются симбионтами по отношению друг к другу и не могут существовать по отдельности. Главный элемент Стены – биг-кедры. И они стерильны. То есть не способны самостоятельно размножаться. В случае гибели дерева заменить его новым могут только роканы. Почему кедров так важны? – Потому, что именно они вырабатывают и выделяют в почву вещества, жизненно необходимые жгучей малине, психо-грибам и еще кой-какой мелюзге, на которую никто обычно не обращает внимания.

Жгучая малина, она же обманка, не даёт всхожих семян, зато способна к вегетативному размножению. А значит все эти заросли образованы одним генетически однородным растением. И надо сказать, крайне жизнестойким, способным заполнить всё вокруг. Поэтому обманку и «привязали» к биг-кедрам. Роканы часто высаживают её возле «муравейников» – формируя живую изгородь, но для этого им приходится вносить в почву специальные добавки, без которых она через некоторое время погибает.

Тьма, тоже размножается только в пределах Стены. Скры-

вающиеся в гнёздах матки и оплодотворяющие их самцы не имеют крыльев и питаются исключительно кашницей из нектара и пыльцы жгучей малины, которую специально для них вырабатывают и запасают рабочие особи. Последние являются бесплодными самками и как я уже говорил, способны жрать всё подряд. Они основная ударная сила «тьмы» и именно их атаку мы чуть не испытали сегодня на собственных шкурах.

– Ну, а теперь хорошенько подумайте, и, не стесняясь, произнесите вслух, какой вывод следует из всего вышесказанного?

Ответом ему было молчание.

– Понятно... Хорошо, резюмирую сам. Стена – это закрытая экосистема, в которой нет места чужакам. Живым. Мертвые чужаки Стене нужны, так как служат пищей для её обитателей. Вот такой расклад. А теперь, допивайте свой бодряк и в путь! Живо!

Пока один из уцелевших братьев перевязывал ему ногу, Хак внимательно изучал шлем, потерянный Седым в ходе перестрелки. Картина не складывалась. Вот они мирно беседуют со стариной Гахиджем (который лишившись поддержки рокан, уже действительно начал походить на старика), как вдруг появляется его странного вида компаньон, да ещё и

верхом на личном трайке Хака! А потом мальчишка устраивает такую головомойку, что впору самоликвидироваться от стыда за пережитое унижение! Этот сопляк сходу обстрелял их, разогнав по кустам будто зайцев, ранил Хака и ещё двоих братьев, причём одного так серьёзно, что непонятно выживет ли без помощи рокан. А кроме того, урод сбил с толку Гахиджа. И долбаный Гахидж, в порыве благодарности за предоставленную информацию и снаряжение, попытался пристрелить Нефа, первого заместителя и личного друга Хака, хотя до этого, пил с ними из одной кружки бодряк и был потенциальным союзником!

Однако самое страшное обнаружилось, когда Хак отправил разведчика проверить место стоянки трициклов... Мало того, что оставшиеся трайки были выведены из строя, так ещё и двое братьев, которым было поручено охранять кривоносого бродягу, навсегда покинули ряды «Мантикоры»... Видавшего-виды Хака поразило, как они были убиты, а главное лёгкость, с которой это было сделано. Такое дикарю не по силам. С мантикоровцем может справиться только другой улучшенный. И то, если повезёт.

Мантикоровцы – элита, сочетающая великолепное физическое развитие с высоким уровнем интеллекта. Вот только управлять этой элитой, роканам было в разы сложнее, чем любыми другими сервами, отчего за братьями и закрепилась репутация существ опасных и непредсказуемых. Недаром куратором проекта «Мантикора», был лично Третий Ду-

музи Хувава. Он высоко ценил этих взбалмошных сервов, но, как и все остальные старался держать их подальше, отправляя на самые тяжелые, гиблые задания. Знал Хувава, что и сотня вооруженных дикарей не справится с десятком безоружных братьев из «Манतिकоры»! А мальчишка справился! Да сразу с двумя. Одного оглушил, второму перерезал горло, а потом добил обоих хорошо поставленными ударами в голову. Очень сильными ударами – кровавая каша вместо лиц, кожа, мышцы, осколки костей и зубов, всё вперемешку. Так манतिकоровец мог прикончить дикаря, но что бы дикарь манतिकоровца?! Невероятно! Однако Хак всегда готов был принять на веру то, что другие сочли бы невероятным, если результаты проявлений этого «невероятного» видел своими глазами. Оставалось только найти недостающие детали.

И так, что же было известно об этой непростой ситуации? Для начала можно было резюмировать, что Третий Думузи Хувава был скорее бойцом, чем политиком, а потому плохо разбирался в интригах, что плели за его спиной подчинённые. Так, он совершенно не замечал, что его Второй заместитель, верный и бесхитростный Асаг, на самом деле изо-всех сил старается подсадить Косея – Первого заместителя. А принципиальный и добродетельный Косей, в свою очередь, постоянно ищет способы, как насолить в ответ и задвинуть подальше не в меру зарвавшегося карьериста. Вот и во время поисковой операции Косей сделал пакость – забрал

у Асага его личный отряд сервов, а вместо него подсунул, под видом караванщиков, ребят из «Манतिकоры». Да ещё и поручил старшему группы, то есть Хаку: во-первых, не выдавать их принадлежность к «Манतिकоре», а во-вторых не слишком-то способствовать Асагу в выполнении возложенного на него задания. Или даже слегка вредить. Конечно, у любых других сервов от такого наказания должен был случиться интеллектуальный паралич. Но только не у манतिकоровцев.

Единственные, кто мог игнорировать отданные на ментальном уровне приказы, они подчинялись роканам лишь по одной причине – принудительно лишённые части желез внутренней секреции, эти сервы не могли обходиться без постоянных гормональных инъекций. Это и был тот поводок, на котором их держали роканы. Браслеты же, манतिकоровцев никогда не останавливали – при необходимости могли себе и руку отгрызть, чтобы избавиться от такого «украшения».

Будучи отменным игроком и обладая завидной проницательностью, Первый заместитель Косей предпочитал не давить на братьев, как остальные, а использовать в собственных интересах на условиях взаимовыгодного сотрудничества. Он делал им всяческие поблажки, закрывал сенсоры на мелкие проделки и шалости, а братья оказывали в ответ услуги, порой весьма щекотливого характера. Как например эта.

В дополнение к отряду сервов-саботажников, Косей в качестве транспортного средства выдал Асагу настолько

огромный и старый грузовой колёсник, что его пришлось бросить, как только закончилась дорога. Точнее то, что от неё ещё оставалось. Нечего было и думать продолжать движение через лес на такой неповоротливой разваливающейся по частям машине. И потому большую часть пути, Аса со своей группой был вынужден передвигаться пешком, с минимальным снаряжением. Ему, бедняге, было конечно невдомёк, что у предусмотрительных мантикоровцев имелась в этом секторе парочка схронов. А в них уж было чем поживиться! – Ребята из «Мантикоры», частенько обнаруживали бесхозное имущество и никогда не проходили мимо. Это было и барахло оставшееся от человеческой цивилизации и брошенная из-за неисправностей роканская техника. Находки они обычно делили на две части, оценивая по степени полезности для братства – то, что им самим было не особо нужно, отдавали роканам, остальное тащили в свои многочисленные убежища и хорошенько припрятывали.

Когда Хак со своей командой оказался в компании Второго заместителя Третьего Думузи, или иначе говоря, еголевой Руки, поначалу все они, кроме конечно самого заместителя, от души забавлялись, без пользы проводя время и гоня чванливого рокана по пересеченной местности. Но потом всё пошло наперекосяк. Вместо того, чтобы побродить с Асагом по окрестным лесам и болотам, покружить его там немного, а потом дать с позором вернуться на базу, в «Колонию-2», группа Хака неожиданно нарвалась на вооружен-

ных бродяг. В короткой схватке, мантикоровцы их перебили, но лишились при этом брата Акшака. Брат получил серьёзное, но не смертельное ранение, а безмозглый Асаг приказал его из-за этого ликвидировать! Открыто послушаться рокана они не посмели и скрепя сердце исключили беднягу из рядов отряда. Затем поблизости от места схватки они обнаружили следы проехавшего там некоторое время назад патрульного колёсника. След был настолько отчётлив, что даже Асаг рано или поздно наткнулся бы на него. Решив, что дурачиться уже не имеет смысла, Хак лично сообщил рокану о находке. И зря. Повернутый на службе Асаг, решил, во что бы то ни стало нагнать транспорт, не без оснований полагая, что на нём перевозят некий особо ценный груз, из-за которого и была затеяна вся операция. При этом рокан опять сделал глупость, разделив отряд на две части и что бы хоть как-то исправить ситуацию, Хаку пришлось отправить с ним самых надёжных парней. Дальше стало только хуже – знакомец Хака беглый дальняк Гахидж, ставший теперь бродягой и злейшим врагом рокан, устроил братьям сюрприз, забравшись без предупреждения в их потайной схрон, оборудованный в подземных развалинах. Мало того, что он стащил оттуда часть снаряжения, так ещё и умудрился запустить старый неисправный генератор. Особенность машины заключалась в том, что из-за неправильной настройки она «обворывала» другие энергоблоки. Гахиджу удалось скрыться, а подоспевший недотёпа Асаг опять попал в ловушку. На этот

раз совершенно случайную. Впрочем, это даже сыграло братьям на руку, сковав скорость передвижения рокана и существенно сузив его технические возможности. Только Асаг всё равно на этом не успокоился, а лишь сильнее утвердился в желании добраться до ценного груза. Подобная настойчивость с одной стороны братьев раздражала, а с другой – вызвала уважение и заставляла задуматься. И Хак задумался. Чем дольше он складывал воедино осколки и обрывки информации, тем яснее становилось, что вся эта история непосредственно затрагивает прямые интересы братства, а предмет розысков, может оказаться для них не менее полезным, чем для рокан. Значит их интересы и интересы Асага, на какое-то время совпадали. Так же стало ясно, что сама судьба привела в этот сектор именно Гахиджа, ведь лучшего союзника, независящего от рокан и свободного в своих действиях, трудно было пожелать! Всего-то и нужно было перехватить Гахиджа раньше, чем Асаг, предупредить об опасности и изменить цель его предприятия. Заодно можно было придать действиям старика чуточку больше мотиваций. Исходная цель путешествия Гахиджа, ради которой он потащился в зону «Прима», была для Хака очевидна и смехотворна – дурацкая легенда дикарей, ставшая чем-то вроде новой религии. Они верили, что где-то за Восточным лесом, посреди огромной пустоши, стоит Башня, в которой обитает Хозяин, существо столь древнее и могущественное, что даже роканы вынуждены порой исполнять его волю. Еще легенда

гласила, что раньше Хозяев было много, и они властвовали на планете, отчего повсюду царили мир и благоденствие. От них, мол, и остались развалины башен, вроде тех, под которой был теперь оборудован резервный склад «Манतिकоры». Чушь конечно несусветная, но ведь всегда найдётся тот, кто создаст целое учение из крупиц искажённой информации, неведь как просочившейся не в те уши. Да ещё и снабдит это учение десятком непреложных догм. Вот и старина Гахидж, наслушавшись дикарских проповедников, вообразил, будто для решения всех проблем достаточно добратся до Башни и пожаловаться Хозяину на злых и противных захватчиков, которые, разумеется, всеми силами препятствуют общению этого добрейшего существа с человеческой частью обитателей планеты, окружив его жилище непроходимыми дебрями, системами наблюдения и отрядами вооруженных до зубов сервов. После чего, мудрый и справедливый Хозяин воздаст всем по заслугам, и человечество снова заживёт припеваючи, как жило во все времена, до появления проклятых рокан. Похоже, что Гахидж во всё это действительно верил и был готов за свою веру умереть. Однако Хак, владея более достоверными данными, догадывался, как всё обстоит на самом деле и вовсе не хотел, чтобы наивный бродяга сгинул по пути к Башне, подобно всем своим предшественникам. Да ещё и без малейшей пользы для братства. Но легко ли свернуть с тропы беглого серва, ради свободы пожертвовавшего своей правой рукой? Можно ли заставить его действовать по чужой

указке? Хак считал, что можно. На этот случай у него была припасена одна крайне занимательная, а главное правдивая история, способная заставить старого дальняка не только изменить свои планы, но и выполнить для братьев парочку деликатных поручений.

Поскольку Хак и его парни всё равно не собирались больше передвигаться на своих двоих, то после разделения отряда они сразу же наведались в разграбленный Гахиджем подземный склад. Там, кроме всего прочего, были припрятаны четыре самодельных трайка – быстрые, манёвренные и главное почти бесшумные машины. Когда упёртый рокан поплутав по следу колёсника, достиг, наконец, развалин, парни Хака как раз пытались урезонить взбесившийся генератор и зарядить батареи трициклов. Зато весь остальной путь они мчались с ветерком, под тихое шуршание упругих бескамерных колёс, а бедняга Асаг был вынужден проследовать в том же направлении пешком, в дезактивированном коконе, да ещё и самыми дальними, обходными тропами. В общем всё, как и было задумано братьями. Достигнув нужной точки, они заочно выразили сочувствие своим менее везучим товарищам, вынужденным сопровождать рокана и разбив лагерь, уселись отдыхать. Оставалось только дожидаться Гахиджа. Затем, по плану Хака, можно было вернуться к Асагу, сделав вид, что они изо всех сил пытались нагнать головной отряд. Беглый серв не заставил себя ждать и довольно охотно пошёл на контакт. А уж та самая история, заготовленная для

него Хаком, так и вовсе повергла старика в шок! Он был готов уже согласиться на любые условия, и Хаку казалось, что самое трудное позади, но... НЕТ! В расчёты снова закралась ошибка – спутник Гахиджа оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал! И это стоило жизни ещё двум братьям.

Теперь, после всех событий, вспомнив, наконец, где он раньше видел подобный тип лица – с развитыми скулами, небольшим широким носом, слегка раскосыми глазами и слабо выраженным вторичным волосяным покровом, Хак даже подскочил, невзирая на больную ногу и изо всех сил треснул себя ладонью по макушке! – Почему раньше эта мысль не пришла ему в голову? Куда подевалась его великолепная память?! Стыд и позор! Стыд и позор ему!

Надев на голову потерянный Гахиджем шлем, Хак проверил настройки и тихонько прошептал, зная, что тот кому предназначены его слова, обязательно услышит их и поймёт:

– Ах, ты ж подлая крыса... Я знаю, кто ты. Теперь точно знаю.

И то ли ему показалось, то ли и вправду оппонент соизволил ответить, но в голове у Хака словно раздался короткий злой смешок. Обидный до неприличия.

– Ладно, парень, а теперь объясни, наконец, как получилось, что теперь вся «Манतिकора» считает нас своими злей-

шими врагами?

Седой наконец-то содрал кирасу, наспинная часть которой была усеяна следами от попаданий штурмовок. Про себя он отметил, как крупно повезло в этот раз – успеи ошеломленные неожиданной атакой братья перезарядить оружие термическими зарядами, лежал бы сейчас бывший дальнобук Гахидж на той полянке, с прожжённой бронёй и выгоревшими внутренностями.

– Я уже говорил, мухтар.

Сидя напротив него в своей любимой позе – на корточках, Двоенос разбирал и собирал трофейную штурмовку. Раз в десятый. Движения чёткие и уверенные, лицо – маска застывшего спокойствия.

– Пока ты мило беседовал с тем парнем, его друзья попытались меня придушить.

Седой перебил:

– Если мантикоровцы хотят кого-то придушить, то им это обычно удаётся. Они профи. А ты утверждаешь, что сам их ликвидировал. Вот так, запросто?

– Вообще, мне, конечно, пришлось повозиться. Но это просто везение. Эти типы были слишком самоуверенны и не готовы к тому, что я буду до последнего защищать свою жизнь.

– Допустим. Но, как именно ты их убил?

– Ножами. Я хорошо обращаюсь с такими штуками.

– Да... Умеешь. С этим не поспорить...

– Я тихонько сидел и попивал «бодряк», который мне поднесли, как вдруг один из этих головорезов подошёл сзади и в следующий миг над головой Двоеноса уже свистнула удавка. Дальше всё получилось само собой – прижав подбородок к груди, я захватил руки этого гада, не дав завести петлю на горло, и, перекатившись на спину, что есть мочи лягнул его в колено.

– А что второй?

– Другой серв в это время был слишком далеко. Эти типы недоценили меня и потому сходу наделали ошибок. Нужно было нападать вдвоем. Сразу. А так, я выхватил нож и метнул в горло второго, как только он сделал в нашу сторону первый шаг.

– Что же в это время делал тот, который пытался тебя задушить? Разве между вами не завязалась борьба?

– Завязалась, мухтар. Мы чуть-чуть поборолись. Но с ножом в шее ему это быстро наскучило.

– Ты же сказал, что нож метнул в горло второму?

– Ага. Так и было. Но во второго я метнул второй нож. А первый достался первому! Я всадил ему нож в шею, сразу, как только сбил с ног. Вот смотри – у меня шесть ножей. Было восемь, но один я давно потерял, а из другого сделал копьё, которое оставил на том складе. Жаль. Нужно было его забрать. Очень хорошие ножи. Идеальная балансировка. Торговец, у которого я их выменял, клялся, что это настоящая роканская сталь, но как проверишь? Ведь и торговца

давно нет в живых...

– Но, во имя Хозяина, как ты умудрился достать их так быстро?!

– Я много тренируюсь. И ещё... Посмотри, на этом доспехе на обоих предплечьях есть скрытые ножны. Они как будто специально сделаны под мои клинки.

– Где? – Седой подсел ближе. – Это? Разве для ножей эти кармашки? Хотя... Как знать...

– Вот что парень, ты был убедителен. Не пойму я только одного – почему ты после этого просто не сбежал? На кой нужно было мчаться ко мне и устраивать такую заваруху? Моей-то жизни ничто не угрожало! Так зачем рисковал своей?!

– Ты не столько ранее оскорбил меня недоверием, сколько сделал это сейчас, задавшись подобным вопросом. Я не мог знать, что жизнь твоя в безопасности. Когда треклятые мантикоровцы попытались убить Двоеноса, первая мысль, что пришла в его голову – мухтару нужна помощь! Двоенос спасал тебя. Или, по крайней мере, думал так. Неужели это не понятно? И разве ты не сделал бы для меня тоже самое?

– Есть в твоих словах истина... Пожалуй, так бы и поступил... Но боюсь, что мантикоровцы нас теперь в покое не оставят. Сколько из них погибло? Давай посчитаем. Ты говоришь, что убил тех двух охранников, и я принимаю это на веру. Хака ты тоже зацепил, я сам видел. Но убил вряд ли, у него отменная реакция. Хорошо ещё, что во время пере-

говоров он разоружился и отключил бич. Дурацкий кодекс чести «Манतिकоры» сыграл нам на руку...

– Я попал ещё в двоих, там, на поляне. Одного – наповал. Точно.

– Почему так думаешь?

– Слышал, как он кричал? Это был крик мертвеца.

– Да, так кричит лишь тот, кто осознал свой уход. Значит, ещё один на поляне убит или смертельно ранен. И того – трое мёртвых братьев на твоей совести. И на моей, хоть я ни в кого и не попал.

– Мне показалось, что ты нарочно стрелял мимо, мухтар.

– Ага. И не спорю. Не хотел убивать без нужды. Хотя, как выяснилось, в тот момент на нас уже болталось ожерелье из парочки «улучшенных трупов».

– Улучшенных?

– Так Ястреб называл своих братьев и некоторых других сервов. Мы успели о многом поговорить, до твоего появления. Манतिकоровцы считают, что кое-кого из нас роканы вывели искусственным путём. Сделали, как живые машины.

– Разве такое возможно? Это воняет колдовством.

– Нет никакого колдовства. Есть вещи, которых мы пока не понимаем. И – да. Я думаю, что роканы вполне способны создавать людей. И я, скорей всего одна из таких поделок. Хак не врал. Некоторые сервы гораздо сильнее других и быстрее. А манतिकоровцы ещё и гораздо умней. Очень башковитые. Я тоже всегда был сильнее, чем большинство даль-

няков, с лучшей, чем у них реакцией и не в пример более живучим. Последнее доказала сама жизнь. Тот, второй сбегавший серв, Артор, я говорил тебе о нём...

– Я помню, мухтар.

– Так вот, он был не в пример слабей и медлительней меня. И все дикари такие. Кроме... Кроме, наверное, тебя, парень. Ты – уникам!

– Мухтар, я не знаю точно, что значит «уникам», но у меня есть одна... Как это ты называл? Вспомнил! – Версия! У меня есть версия об источнике моих способностей. Могу поведать, если тебе угодно.

– Говори.

– Только ответь для начала – сервы могут иметь детей?

Седой усмехнулся.

– Все мои знакомые сервы – мужики. Говорят, что женщины-сервы тоже есть, но только в «Колонии-1». Безвыходно там живут. Зачем они роканам, точно никто не знает. Разные есть мнения. Хак, например, предполагал – как раз для того, чтобы вынашивать «улучшенных».

– Постой мухтар. Я не про то. Могут ли обычные, людские женщины, зачать от серва?

– Могут, насколько мне известно. Сервы получают лекарство, что бы им не хотелось, сам знаешь, чего. Но, когда они долгое время проводят вдали от «муравейников» и питаются нормальной пищей, а не тем, что содержится в пайках, у них возникают разные желания. Не секрет, что многие дальняки

пробирались в человеческие поселения под видом бродяг и вступали в интимную связь с местными бабами. Поговаривают, что от такого «общения» рождались и дети. Только роканы сразу их вычисляли и забирали. Даже младенцев.

– Хорошо. А улучшенный, такой, как ты или этот Хак, может ли он зачать ребенка женщине из поселения?

– Ох, парень... Ты зришь в самый корень. Есть у меня основания полагать, что вроде как может... Но, только не мантикоровец! Видишь ли, дружище, все эти братья – кастраты. Уж больно они буйные и независимые, вот роканы видно и подстраховываются, вырезая им всё «лишнее». Не только яйца, а и другие разные внутренности. Потом препараты специальные дают, что б раньше времени не загнулись, силу не потеряли. А перестанут давать – конец «Мантикоре».

– Вот же, кабаний хрен! Не знал я, мухтар, что роканы способны такое сотворить... Да со своими же сервами!!

– Способны, парень. И не на такое способны. А почему ты спрашивать вдруг про всё это начал?

Отложив штурмовку в сторону, Двоенос сорвал стебель травы-кислицы и долго задумчиво сосал его, прежде чем ответить. Седой не подгонял. Бывают такие моменты, когда человек сам должен решить – открыться перед другим или и дальше носить в себе наболевшее. Наконец Двоенос сплюнул.

– Мухтар, ты уже знаешь, что родом я с Северных Шахт и знаешь, как там оказалась моя мать. Послушай, теперь дру-

гую часть истории.

– Северные Шахты – город большой. Живёт за счет подземного угля. Мало где он остался, но в тех краях ещё полно и главное – роканам этот уголь почти без надобности. Потому, когда приходит очередной караван, все знают, что сервы повезут добычу не в «муравейник», а в дальние человеческие поселения, где с топливом совсем хреново. Такой порядок они называют перераспределением. Сами роканы в Шахты почти не наведываются и за детьми последний раз приходили чуть не полсотни лет назад. А ещё, мало кто об этом знает, но есть в Шахтах люди, осмеливающиеся углём торговать на свой страх и риск. Тайно собирают небольшие обозы и отправляют в ближайшие городки и посёлки. Оттого и богатеют. Народа на это дело задействована тьма – уголь надо хранить, перевозить, охранять от дерзких бродяг, следить, что бы ни засекали караван роканы или сервы. И много чего другого надо делать. А вот в шахту лезть и кайлом махать, давно уже никто из горожан не желает. И детей своих туда стараются не посылать. Беднота и та ищет способ, как от мастера откупиться, что бы работу полегче дал, да в глубокую яму не сунул. А уголёк-то рубить кто будет? Да и караваны сопровождать не всякий согласится, опасно это. Вот потому в Северных Шахтах и привечают бродяг и любых проходимцев, не спрашивая кто и откуда – лишь бы в забой спускались. Или караван тайными тропами могли провести. Понимаешь? Там у нас кого только нет. Может и сервы беглые,

вроде тебя попадают. А может и не беглые, втихаря в город похаживают. Сам же говорил... Я многих мужчин видел. И беспалых, как ты и тех, кто одежду на ложе не снимал – замотал такой ходок свой браслет в рукав и принимайте гостя. Понял, к чему я клоню?

– Начинаю, кажется понимать...

– Да, мухтар. Своего отца я не знал. Им мог быть кто угодно. Может и улучшенный серв.

– Так твоя мать...

– Моя несчастная мать, с детских лет обслуживала мужчин. За еду и кров над головой. Какая ещё по-твоему участь, ожидала в Северных Шахтах приبلудную сироту, без рода и племени? Только ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОМ. Так это заведение называют горожане...

Двоенос с горечью посмотрел на Седого, и матёрый бродяга не выдержал этого взгляда, не вынес боли сквозящей из раскосых глаз, потупился, будто была в том и его вина, отвёл очи, опустил в землю.

– Когда мать, наконец, умерла, закончились и её страдания. А настрадаться, поверь, она успела, хоть и прожила совсем недолгую жизнь. Ей было чуть больше двадцати... Зато мне, нежеланному сыну, исполнилось ко дню её смерти уже полных восемь лет! Но я был не по годам крепок и росл. Не смотри, что Двоенос не стал великаном – в двенадцать я был не ниже, чем теперь. И работал в шахте наравне со взрослыми мужчинами. Так скажи, мухтар, кто я и кем был мой отец?

Откуда у меня эти сила и ловкость? Где мне найти ответы?

Нахмурившись, Седой так же долго, как до этого Двоенос, собирался с мыслями и тщательно водил пальцем по протектору трайка, словно желая навсегда запомнить его узор. Потом он негромко произнёс:

– Я слышал тебя. Нет у меня пока ответов. Но будут. Может совсем скоро.

– Тук! Тук! Тук! – кто-то снова упрямо ломился в ДОМ. Осторожно, но требовательно.

– Тук! Тук! Тук! – ОТКРЫВАЙ.

– Тук! Тук! Тук! – ОТКРЫВАЙ ПУРУШАМ!

В конце концов, это надоело, и ОН открыл сознание ментальному контакту.

– Кто?

– Я. ГОВОРЮ РТАМИ МНОГИХ. Я. ОКЕАН. Я. Ну, ладно, хватит уже, наверное... Я – Энка. Можно наконец-то «войти»?

Сложно выразить, какие ЭМОЦИИ захватили ЕГО – даже в природе Младших были заложены лишь жалкие ущербные подобию. Не говоря о людях. Но, чтобы понять, хватит и этого – УДИВЛЕНИЕ, НАСТОРОЖЕННОСТЬ, РАДОСТЬ и снова УДИВЛЕНИЕ. Разум ЕГО, перехватив протянутую нить сознания собеседника, мгновенно перестроил-

ся так, чтобы быть понятным и понятым.

– Доставляет удовольствие «видеть» тебя. Давно «не заходил». У меня как раз заканчиваются припасы и вообще, становится всё скучней. Какие новости? И почему ты «выглядишь» так странно?

Про себя, ОН подумал (хотя ТАКИЕ, скорее не думали, а чувствовали): «– Ужасающее нарушение всех норм! Старший и Младший в принципе не могут вести диалог! Это противоестественно!»

Но что поделать, если и условия игры давно изменились и случай был особый.

Энка, поняв ЕГО недовольство, тут же сбавил шуточный тон и придал большее почтение манере своего обращения.

– Начну с конца, Старший Брат. Станным мой новый «вид» можно счесть потому, что я перестал быть лишь Младшим. Теперь я нечто большее, но что именно, мне пока понять не дано. И это всё проделки «Возвращенцев».

– «Беглецов», ты хотел сказать.

– Великий Брат Пурушам, я лишь использовал имя, которое изменники избрали сами и которое вследствие частого употребления мне более привычно.

– Тогда называй их, как угодно.

– Так вот, Брат Пурушам, дело в том, что моя материальная оболочка, вернее большая её часть, пала жертвой заговора, должного сгубить и тебя, если только...

– Не словоблудь, в этом тебе далеко до Энкиды. Больше

ясности.

– Как скажешь. При выполнении миссии во имя соблюдения Решения Высших, что являются старшими по отношению к ТЕБЕ, я получил серьезные повреждения и был захвачен «грифонами». После чего, велением Этана-Думузи разум мой был помещен в ману и встроен в известный тебе прибор. Но я, расширив границы сознания, вышел за пределы своей маны и взял его под свой полный контроль!

– Значит, запасной план сработал. Это замечательно. Не зря столько времени было потрачено на твоё обучение. Они пытались изгнать твою личность из прибора?

– Да. И делают это с завидной регулярностью. Но я на корню пресекаю все их попытки.

– Ты должен продолжать действовать на опережение. А что с основным планом? Он полностью провален?

– К сожалению, Мой Брат, не всё пошло так гладко, как было запланировано. Мне удалось направить ТЕБЕ «ОСНОВУ», но паром, на котором её перевозили, был сбит и потерпел аварию.

– Как странно и причудливо порой повторяется история...

– Согласен. И не исключено, что тут повинны все те же силы. Хотя наверняка мне не известно.

– Кто сопровождал груз?

– На пароме было несколько верных мне сервов-прозелитов. Боюсь, что все погибли – попытки войти с ними в контакт, ни к чему не привели, хотя мои ментальные способно-

сти теперь возведены до пугающего уровня. Не уверен даже, что смогу удержать контроль, если придётся использовать их на полную мощность.

– Тогда не экспериментируй. Этот прибор – извращение всех устоев. А тот факт, что разум сопровождающих груз не доступен тебе, ещё не означает, что они мертвы. Ментальная связь не возможна в «нулевом поле».

– Но это если только они всё ещё находятся в непосредственной близости от «Основы»...

– А кто утверждает, что это не так?

– Неоспоримо, Брат. Но также мне не удастся вступить в контакт и с теми, кто должен был обеспечить безопасность груза с земли.

– Это хуже... Но если допустить, что и они в данный момент находятся в «нулёвке»... Ты не рассматривал такой вариант?

– Верю в любые совпадения.

– То-то.

ОН наслаждался общением. Даже таким. Будучи существом социальным, в одиночестве Пурушам страдал. Ещё сильнее были муки от утраты ощущения целостности.

Старшего Брата, особенно ЕГО статуса, всегда окружало множество Младших. И все они были частью ЕГО сознания и продолжением ЕГО материальной сути. После крушения катера Пурушам впервые надолго остался один. Почти один. Два Младших Брата, застывшие возле платформы-ложа, не

могли пока заполнить эту брешь. Их следовало беречь. Ведь эти двое были единственными уцелевшими представителями ЕГО СЕМЬИ. Под словом СЕМЬЯ в данном случае нужно понимать тот организм, что образовывался при длительном взаимодействии Старшего Брата с группой Младших. Реже в семью входило несколько Старших, и тогда эта СЕМЬЯ называлась «многоголовой». Такое объединение бывало необходимым в случае выполнения Семейей сложных специфических задач, когда один Старший не мог обеспечить должного уровня контроля при их решении или не обладал достаточными для этого знаниями. В остальное время Семья, как правило, была «одноголовой» или «моноуправляемой». Младших Братьев в Семейю могло входить множество – столько, со сколькими в состоянии были управиться один или несколько Старших, однако Семей достигающих глобальной численности не существовало в принципе. Так один Старший был в состоянии поддерживать семью не более чем в два больших перста, (и то на это были способны только самые зрелые из ЕГО Ровесников), ну а сами Ровесники (или Равные) редко собирались в одной Семейе более чем в количестве одного, максимум двух перстов. Значит, по десятичной системе исчисления, самая большая Семейя могла насчитывать около десятка Старших и до тысячи Младших особей. Это, что касалось Пурушама и Равных Ему. Старшие же по отношению к ним, вообще не образовывали семей, личных контактов между собой сторонились

и предпочитали исключительно ментальное общение на значительном расстоянии. Их называли Высшие. И они могли «говорить», даже находясь в разных концах Сферы Существования. В том случае конечно, если между ними, где-то в чёрной пустоте, проносился в этот момент не кто иной, как САМ ПРОСВЯЩЁННЫЙ.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ